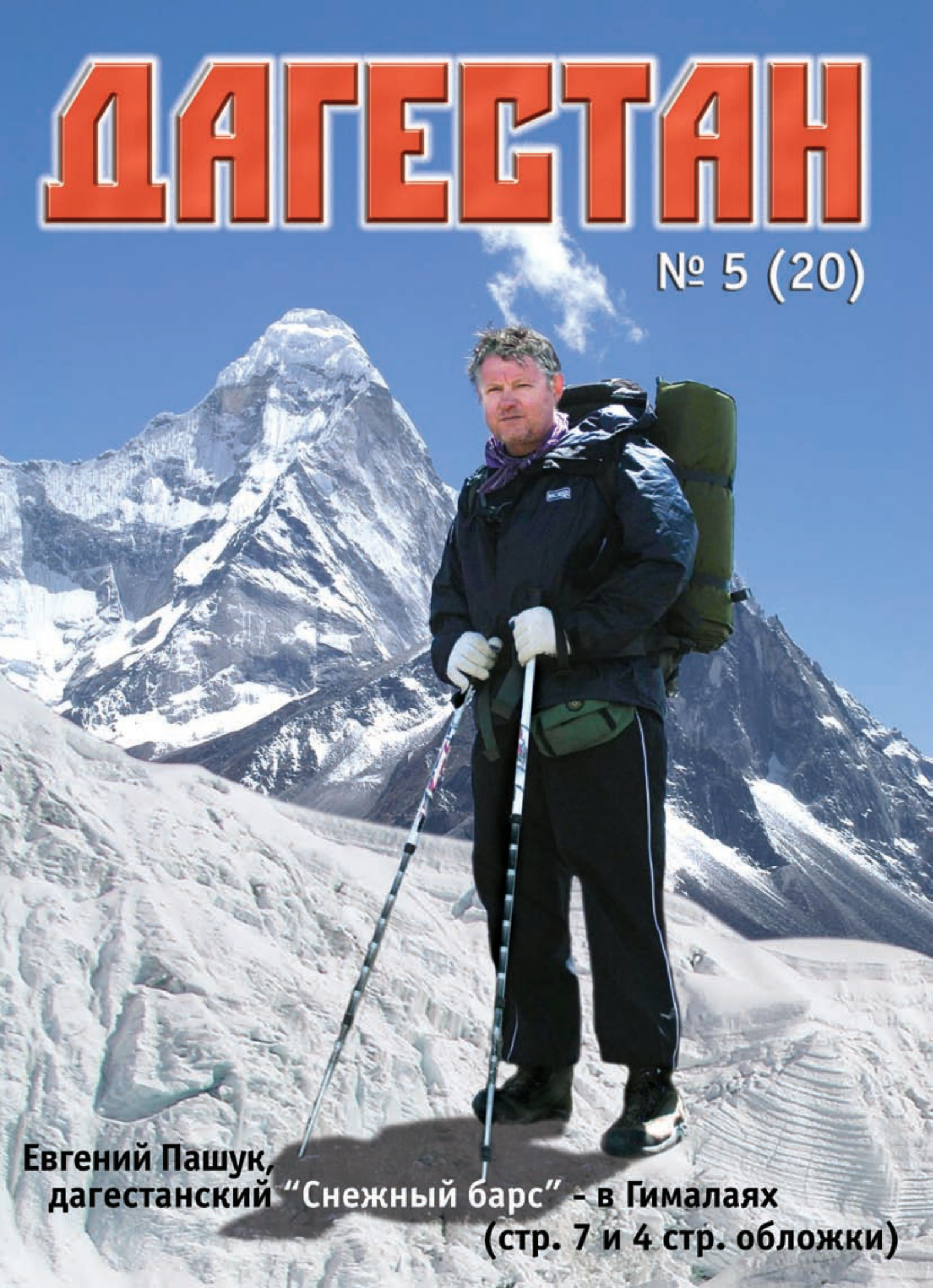
ДАГЕСТАН

№ 5 (20)



Евгений Пашук, дагестанский "Снежный барс" - в Гималаях
(стр. 7 и 4 стр. обложки)

В прошедшем сентябре девятнадцатый раз на земле Дагестана отметили Дни белых журавлей, которые с этого года проводятся вместе с Днями поэзии Расула Гамзатова под общим названием — Гамзатовские дни России. На снимке: памятник гамзатовским "Белым журавлям" в Махачкалинской школе милиции.

Фото М. Ахмедова

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5(20)

ДАГЕСТАН

сентябрь/октябрь 2005

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Бекмурза БЕКМУРЗАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Магомед АХМЕДОВ,
председатель Правления Союза писателей РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
доктор филологических наук
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

О Б Щ Е С Т В О

Шапи ГАСАНОВ — **политика**
Построенного коммунизма не заметили.....2
Скандарбек ТУЛПАРОВ — **искусство**
Театр должен потрясать.....4
Евгений ПАШУК — **из дальних странствий**
Гляжу на Гималаи свысока... 7
Мурад АХМЕДОВ — **память**
Шамиль и Украина 10
М. МУСАЕВ, Р. РАМАЗАНОВА — **штрихи к портрету**
Лишь родина неприкосновенна.....12
Далгат АХМЕДХАНОВ — **проблема**
Что сказал бы Абуталиб.....16
Абдурахман УМАХАНОВ — **здоровье**
Давайте жить дружно.....17
Макс БАРАНОВСКИЙ — **армия**
Подъем–отбой.....21
Булач ГАДЖИЕВ — **былое**
Наши долгожители.....21
Тамерлан ГАДЖИЕВ — **история**
Шамхальство – второй этап государственности.....30

Л И Т Е Р А Т У Р А

Лариса ШАРИПОВА — **поэзия**
Счастья пристанище.....36
Шапи КАЗИЕВ — **киносценарий**
Прощай, Москва! 38
Арип РАСУЛОВ — **рассказ**
Друзья.....57
Яхья ЯХЬЯЛОВ — **сатира и юмор**
Петросян.....59
Кроссворд от Гаджикурбана Расулова.....60

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

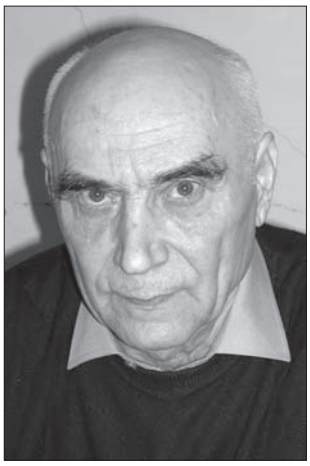
Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ТОЧКА ЗРЕНИЯ



Любопытную точку зрения высказывает один из наших постоянных авторов. При всей кажущейся, на первый взгляд, ее парадоксальности, аргументы Шапи Гасанова весьма убедительны. Что лишний раз доказывает, какую эфемерную цель преследовало советское государство. В конечном счете, это и привело к тому, что сегодня Россия вынуждена, вновь разрушив себя, строить новое (хорошо забытое старое) общество.

Шапи ГАСАНОВ,
профессор ДГУ

ПОСТРОЕННОГО КОММУНИЗМА НЕ ЗАМЕТИЛИ

Все хорошо помнят (кроме совсем зеленой молодежи), с какой регулярностью при очередной смене генсека сменяли друг друга Программы КПСС, конечной целью которых было построение коммунизма. Считается, что мы его так и не построили, несмотря на партийные обещания. Недавно, задумавшись об этом, я вдруг засомневался: а не был ли он в СССР на самом деле построен? И чем больше размышлял, тем больше приходил к выводу: скорее всего, да, мы уже жили при коммунизме. Только сами этого не заметили. А поскольку помним, как жили, то можем теперь судить, каким «прекрасным» он был. А то, что не заметили построенного «светлого будущего», я постараюсь сейчас доказать, а вы судите сами.

В июле 1991 года (за месяц до августовского путча ГКЧП) был готов очередной проект новой Программы КПСС. И это была, на мой взгляд, не очередная корректировка, которой она часто подвергалась. Нет, это был результат переоценки идеологии партии, признание ошибочности линии Ленина–Троцкого–Сталина по насильственному насаждению в стране новых общественных отношений, это было признание справедливости социал-демократической, реформистской линии Плеханова–Мартова–Бернштейна.

Справедливости ради стоит вспомнить, что В.И. Ленин к весне 1921 года понял всю пагубность для страны и народа военно-коммунистической программы действий, пытался если не вернуться в капитализм, то хотя бы, сохранив лицо, обосновать новую модель общественных отношений на принципах «государственного капитализма». Но он не успел ее реализовать. Последующие лидеры партии вновь вернулись к идее построения коммунизма «в одной отдельно взятой стране», и теперь видно, что преуспели в этом.

В наше время принято зло иронизировать над программным обещанием Н.С. Хрущева о построении коммунизма в нашей стране к 1980 году. А ведь напрасно. У нас действительно к тому времени был построен коммунизм в полном соответствии с основными постулатами марксизма-ленинизма. Поэтому вместо иронии полезнее разобраться, к чему привела реализация этих постулатов, чтобы понять, к чему народ так упорно стремился, чему верил, надеясь, что там, не за горами, наконец, и исчезнет бедность. Это тем более полезней понять сейчас, чтобы полностью освободиться от коммунистических химер, во власти которых до сих пор находятся очень многие.

Начнем с главного теоретического посыла марксизма-ленинизма, который гласит, что коммунисты могут доказать справедливость своей теории полным упразднением частной собственности на средства производства и ликвидацией эксплуатации человека человеком.

Реализовали? Да! Безусловно! Частная собственность была полностью упразднена, национализирована и преобразована в единую государственную собственность. Распоряжалась и управляла этой собственностью, в полном соответствии с Конституцией, КПСС в лице своих партийных комитетов. Но новая система отношений собственности не сумела доказать своих преимуществ перед упраздненной, да и народу это не принесло ни счастья, ни достатка. Оказалось, что отчужденный от средств производства подневольный труд не может обеспечить высокую производительность. А ведь и Энгельс и Ленин неоднократно подчеркивали, что социализм это наивысшая производительность труда. Наши советские беды принято было объяснять отсутствием индивидуальной дисциплины труда, дисциплины договорных отношений, ослаблением административного воздействия на трудовые отношения. Это были попытки уйти от сущности проблемы. А сущность ее состоит в том, что отчужденный от собственности труд не может мотивировать высокую производительность.

Относительно тезиса о ликвидации эксплуатации человека человеком также получилось не все ладно. Да, она была ликвидирована, но заменена эксплуатацией человека государством. А ведь для человека-труженика важен не эксплуатируемый субъект, а доля отчуждаемого его труда. И эта доля оказалась не в пользу коммунизма: как установили специалисты, в западных странах доля зарплаты в валовом национальном продукте составляет 60-80 %, а в СССР она не превышала 35-37 %. Расхожее объяснение высокому уровню эксплуатации сводилось к необходимости создания общественных фондов потребления. Но это было большое лукавство. Главным потребителем отчужденного труда был военно-промышленный комплекс, который наворотил такое количество оружия, что в стране не знали, куда его девать.

Следующее реализованное в СССР фундаментальное положение коммунизма – ликвидация рынка и товарно-денежных отношений, переход к тотальному и централизованному планированию производства продуктов и их централизованному распределению. Ликвидировали? Еще как! Переход совершили? Да! Но к чему все это привело? Это хорошо известно, и мне нечего добавить к уже сказанному и написанному. Но вот что любопытно: по подсчетам математиков самым мощным ЭВМ мира потребуется тысяча лет непрерывной работы для составления годичного народно-хозяйственного плана страны с учетом всех межхозяйственных связей, движения товаров и продуктов. Иными словами, просчитать сверху с учетом бесчисленного количества компонентов работы всего хозяйственного механизма страны в полной мере практически невозможно даже с помощью суперкомпьютеров. Не говоря уже о том, чтобы сделать это на деревянных счетах или арифмометрах, как в СССР. Это может сделать автоматически только сам рынок, что доказывает жизнь человеческого сообщества, в которую СССР не вписывался. Не в этом ли объяснение того, что за всю историю страны ни один пятилетний план так и не был выполнен.

Наконец, самый «убойный» и привлекательный для «простого» человека тезис коммунизма – «от каждого по способностям, каждому по труду». С выполнением этого принципа коммунизма случилось неизбежное. Обе части этого принципа реализовала в отношении себя «внутренняя партия» из антиутопии Оруэлла, т.е. партийная номенклатура от райкомов до ЦК КПСС. Вспомним, как убеждали нас партийные лидеры, что единственная привилегия для них – это работа по 16 часов в сутки. Возможно, так и было. Но по мне лучше бы они работали, как все – по 8 часов, быть может, и дров наломали вдвое меньше. Что же касается удовлетворения ими своих потребностей, то советские люди помнят, как удовлетворялись их потребности, то есть – потребности высшей номенклатуры. О ее нравственном рейтинге можно судить по тому, как она с лихорадочной быстротой и в обход всех нравственных норм «приватизировала» в 90-е годы за бесценок госимущество.

Итак, к 1980 году, как и обещал советскому народу незабвенный Никита Сергеевич Хрущев, был построен в СССР коммунизм в полном соответствии с моделью, предложенной марксизмом-ленинизмом. Но также очевидно, что такой коммунизм отвечает интересам «внутренней партии» и отвергается всем остальным населением страны, в том числе и рядовыми коммунистами – «внешней партией» (если продолжить аналогию с антиутопией Оруэлла). Поэтому понятно, кто поддерживает перестроечные процессы, проводимые в стране реформы, а кто сопротивляется демонтажу созданной системы.

Все это стали понимать «архитекторы перестройки» к весне 1985 года. Закрепить некоторые демократичные принципы жизни общества, отказаться от коммунистических утопий они попытались в июле 1991 года в проекте новой программы КПСС. Но против новой концепции яростную борьбу повели «внутренняя партия» и ортодоксальное крыло в КПСС, что в конечном счете вылилось в августовский путч ГКЧП 1991 года. Что последовало дальше, все знают, но не все, увы, понимают. Однако это уже другая тема.

Таким образом, нынешние поколения советских людей (а мы ими все еще остаемся, кроме, пожалуй, самой зеленой молодежи) прошли через все стадии советского социализма и построили согласно главным постулатам марксизма-ленинизма и коммунизм. Только этого не заметили. Потому что оказался он совсем не таким, каким его нам расписывали и каким мы его представляли в своих наивных, практически детских, мечтах.

ИСКУССТВО

Время реформ – сложное время. Псевдосоциализм пока у нас трансформировался в псевдокапитализм. Непросто – всем, а служителям Мельпомены, наверно, – особенно.

На наши вопросы отвечает главный режиссер Русского драматического театра им. М. Горького.

Скандарбек ТУЛПАРОВ:

«ТЕАТР ДОЛЖЕН ПОТРЯСАТЬ...»

– У театра в наши дни много конкурентов – телевидение, кино, интернет и прочее современное диво. В чем вы усматриваете принципиальную разницу между театром и иными зрелищами?

– Вообще-то театру давно предрекали смерть. Сколько столетий он существует, и все время возникали разговоры, что театр уже не актуален. Когда появилось кино, а потом телевидение, все были убеждены, что дни театра сочтены. Тем не менее, театр живет вопреки всем прогнозам. В лучшие театры России билеты достать сложно, а в столице вообще снова театральный бум.

Смысл театрального искусства в том, что между сценой и залом существует прямой личный контакт. Поэтому, мне кажется, в век новых технологий возникнет еще большая тяга к театру. Ведь только на сцене есть живая энергетика, человеческое тепло, дыхание, все то, что невозможно записать и воспроизвести. Мы и так уже закомпьютеризировались, и люди устают от виртуальной реальности, мы же не роботы. Мы убегаем от телеэкрана и монитора к живому лицедейству и звуку. Нам показывают картинки, но людям нужна реальность ощущений, и театр ее дает. Поэтому театральное искусство, по-моему, не умрет никогда. Природа театра живая. Это самое ценное. Не зря Вахтангов открыл театр, который разрушил четвертую стену. Стену, разделяющую зрителя и актера. Театральная эстетика зиждется на двух системах – Станиславского и Вахтангова. Первый открыл театр переживаний, а второй – театр представлений. Хотя любой спектакль – это синтез двух этих систем в той или иной мере. Станиславский говорил, что зритель должен прийти на спектакль, увлечься и забыть, где он находится. Вахтангов тоже считал, что зритель должен быть полностью поглощен действом, происходящим на сцене, но все же ни на секунду не должен забывать, что он находится в театре. У Вахтангова, по системе которого мы работаем, во главу угла ставится контакт со зрительным залом. Он вообще считал зрительный зал одним из компонентов спектакля. И мы стараемся, чтобы энергетика актеров соединилась с теми флюидами, которые исходят из зала, в единое целое. Этого не заменит никакая электроника.

Преимущество театра в сравнении с другими видами искусства и в том, что он все время находится в движении, он чрезвычайно динамичен. Даже самый хороший фильм статичен. А спектакль, сколько раз его ни повторяй, каждый раз не будет одинаков, завтра актер не будет играть так, как сегодня. Одним и тем же спектаклем можно сказать о диаметрально противоположных вещах, можно поднимать разные темы, по иному расставлять акценты, в зависимости от того, что сегодня востребовано временем и зрителем. Зритель в театре ощущает время, в котором живет, начинает размышлять и делать выводы. В кино же все запечатлено в том времени, о котором оно снято. Мы можем говорить, что сегодня это современно, а это нет. Театр же всегда современен.

– Востребован ли театр зрителем сейчас так же, как и 10, 20 лет назад? Кто ваш зритель сегодня и каким он, по-вашему, может быть завтра?

– Нигде в России нет такого количества национальных театров как в Дагестане. Но Дагестан все же не театральная республика. Для нее театры носят порой не столько творческий, сколько национально-политический характер. Это прекрасно, что у большинства титульных народов есть театры. Но их нужно развивать, в театральной сфере существовать для галочки губительно. В этой области не должно быть случайных людей. Нельзя отдавать театральное искусство им на откуп. Идея создания театров на всех национальных языках грандиозна, но нужно еще много работать, чтобы повышать их уровень. Приглашенные из других театров режиссеры у нас, увы, долго не задерживаются. Театр силен своими традициями. И если у русского театра более чем 300-летняя история и накоплен большой опыт, то в Дагестане русскоязычное театральное искусство развивается полноценно всего 80 лет, а национальные театры и того меньше. Нужно несколько поколений, чтобы накопились традиции, появилась настоящая школа. Это долгий процесс. Менталитет у нас к тому же этому не благоприятствует. Для дагестанцев театр не является кафедрой, это больше нечто увеселительное, нежели поучительное. Я часто слышу перед спектаклем: а смеяться будем? Но театр не цирк, не клоунада. Конечно, можно и посмеяться, но в театре

все намного глубже и серьезнее. Он несет в себе философские идеи, занимается человековедением через создание художественных образов. По некоторым спектаклям диссертацию можно защищать. Но Дагестан, повторяю, таковым театр не воспринимает.

– Сейчас в Москве и за рубежом есть авангардные театры, на сцене которых происходит порой такое, от чего волосы встают дыбом. Что это – эпатаж или новое слово в искусстве?

– Если в спектакле нет потрясающей мысли, все это пустое. У нас таких шокирующих постановок нет. Может показаться, что мы отстаем. В техническом оснащении – конечно. Но нам ничего не чуждо, мы не ханжи. Однако мы не должны и не хотим заниматься примитивизацией того или иного образа, вызывая улюлюканье. Главное не внешняя атрибутика, а внутреннее его содержание. В 1990 году в Кумыкском театре я ставил пьесу «Волчица», в которой много бурных сцен, где чувства бьют через край. Это была клановая вражда Монтекки и Капулетти на современный лад. Там была сцена, где актриса спасает отравленного возлюбленного. Естественно, мы не могли показывать физиологические подробности, но донести смысл мы были обязаны. Тут нужны особые приемы. И чем тоньше и умнее это сделано, тем больше поверит зритель. Если сцена полна трагизма, то зритель не заострит внимание на очертаниях женской фигуры сквозь намокшее платье. Были в спектакле и интимные сцены, но тишина стояла гробовая, которая потом взорвалась шквалом аплодисментов. А если нет мысли и талантливого ее воплощения, тогда все сводится к физиологии.

– Что же такое, все-таки, современный театр?

– В театре не должно быть ничего противоречащего его философской природе. Он не должен рушиться изнутри. Я долго стажировался у Юрия Любимова в знаменитом Театре на Таганке. Хорошо помню свои первые впечатления о театре изнутри. Когда шел на репетицию, испугался, что иду по фойе в гробовой тишине, никого вокруг нет, потом вдалеке услышал голоса актеров, которых время от времени перебивал режиссер. Оказывается, по театру нельзя ходить во время репетиции, все находятся на своих рабочих местах, никто не слоняется без дела. Я почувствовал, что нарушаю какую-то гармонию, хотя еще не знал о существовании этого негласного правила. Потом, узнав график, приходил чуть пораньше. Оживление в театре можно было увидеть только во время перерыва. Но даже в буфете актеры говорили о работе, об образе, опытные давали советы молодым. Такая вот творческая атмосфера. В театре должна стоять звенящая тишина. Нам, чтоб дойти до этого понимания, нужно, наверное, еще 300 лет.

– Театр должен чему-то учить или назидания современная публика не примет?

– Планка стоит выше. Учить это не та категория. Театр должен потрясать. Нужно заставить зрителя осмыслить происходящее. Иногда мы хотим, чтобы зритель увидел себя со стороны и ужаснулся: что я делаю, я ли это? Царит бешеный ритм времени, а мы должны сказать: стоп – покажем жизнь за 2 часа театрального действа. Мы можем сжать целую эпоху и сказать: вот самое главное.

Недавно нас поставили перед фактом: очень скромные средства, которые мы получали, сдавая в аренду зал, и направляли на развитие театра, теперь нужно отдавать государству. Это было бы оправдано, если бы государство давало нам деньги на содержание здания, постановку спектаклей, но все это мы делаем сами без госпомощи. А нас теперь еще лишают и мизерных доходов. Ведь и зал мы сдавали в аренду не от хорошей жизни, мы теряем на это время сцену, возможность репетировать, готовить декорации. Неужели республиканский бюджет надо пополнять за счет небольших средств, которые хоть как-то помогали театру. За счет нищего нельзя стать богатым. Это золотое правило.

– А театр возможен без поддержки государства?

– Ни один настоящий театр не может обойтись без его поддержки. В Москве даже такие знаменитые театры, как Ленком или Театр на Таганке, где каждый день полные залы, доходы составляют только десятую часть государственных дотаций. В частных маленьких театрах говорить о каком-то художественном уровне не приходится. Например, много таких театров в Турции. Чтобы ставить спектакли, они берут к постановкам весьма непритязательные пьесы, привлекая зрителя дешевым юмором, ориентируясь на «одноклеточную» публику. Доходит до того, что перед выборами на сцене ставятся пьесы, высмеивающие того или иного кандидата. И это искусство? Мы этого хотим? Слепо копировать ничего нельзя. В восточных странах театры нигде не котируются.

Культ театра существует в Европе – в Англии, Италии, Германии. Там театр – это гордость культуры. Мы же – на стыке двух культур Европы и Азии, Запада и Востока. Для Востока более характерна концертная деятельность. Но мы-то воспитаны и на европейской культуре. Театр необходим, чтобы мы не зацикливались на певичках и танцульках. Я убежден, что мы не должны терять связь со своим бесценным культурным наследием. Русская культура, в том числе театральная, универсальна, она апробирована и признана всем миром. Японские театральные режиссеры ставят Чехова, казалось бы – разные цивилизации, а людям все понятно. Мир не представляет себя без российской культуры, мы же к своей культуре зачастую относимся как к чему-то само собой разумеющемуся. Культуре необходим свой культ.

– Чем стала для вас в творческом плане постановка по эпической поэме Расула Гамзатова «Концерт»?

– Расул Гамзатов всегда привлекал мое внимание. Я очень жалел, что он не пишет пьес. Хотя каждая его поэтическая вещь – это в принципе пьеса. Всегда думал, как перенести все это на сцену. Его «Горянка» была вспышкой в театральной жизни Дагестана и всей страны. Но когда встал вопрос о том, чтобы поставить «Горянку» к 80-летию поэта, я отказался. Ведь «Горянка» уже совсем не та, что раньше. Ее надо было пересказать современным театральным языком. Хотя многое в ней и сейчас актуально, но время все-таки изменилось до неузнаваемости. Нужно было очень много работать, а времени было мало. Кумыкский театр сделал новую постановку «Горянки» неплохо, но я все-таки видел новую «Горянку» по-иному. Я хотел расширить ее сценическую географию, но нагружать больного Расула Гамзатовича просьбами изменить и доработать что-то для нового спектакля мне не хотелось.

Стал искать другое произведение Расула Гамзатовича, и меня поразила поэма «Концерт» о защитниках Брестской крепости, среди которых был и дагестанец. Это масштабное произведение, раскрывающее тему войны с философской точки зрения. Я увидел сценическое решение этой вещи и решил поэтический театр соединить с драматическим. Это, кстати, была и мечта Расула Гамзатовича. И зритель, как мне кажется, прекрасно принял эту вещь. Были сложности, потому что драматические актеры – это все-таки не чтецы. Но мы справились. Мы посвятили эту постановку памяти поэта, и наш спектакль стал настоящим реквиемом великому Расулу.

– Каковы ваши театральные и литературные предпочтения?

– Например, мне давно хотелось поставить пьесу белорусского драматурга Анатолия Кудрявцева «Марья». Не люблю привязывать спектакли к датам, но эта пьеса просилась быть приуроченной к 60-летию Победы. Мы должны опираться на мораль и нравственность уходящего поколения, это – главная мысль в спектакле «Марья». Жены до конца хранили верность погибшим мужьям, они войну восприняли как личное испытание. Они выдержали, оказались сильнее ужасов войны и послевоенных мук, потому что в них был моральный стержень. Хотелось, чтобы на это посмотрели и те, о ком этот спектакль, и их дети, внуки, правнуки – 80-летние рядом с 20-летними. Это и есть связь поколений.

Есть у нас сейчас и совершенно иной новый спектакль, им мы будем открывать сезон. Это гротескная комедия «Самоубийца» Эрдмана. Тут другая задача – люди должны «улетать» от смеха, но потом вдруг осечься и задуматься: над чем смеемся, не над собой ли и над своей обнищавшей душой.

– Чего больше в работе актера и режиссера, наслаждения или тяжкого труда?

– Я работал над постановкой спектакля «Марья» четыре месяца и до такой степени был увлечен, что, когда сдал спектакль, еле ноги волок. Только после сдачи и бурного обсуждения понял, как страшно устал. Но тем и хороша работа в театре, что замечаешь усталость только тогда, когда все уже сделано.

В театре я уже тридцать лет. Когда начал работать в Дагестане, сразу поставил вопрос о критичности в оценках труда. Всегда нравится, когда хвалят, но полезно, когда говорят жестко. Можно с критикой не соглашаться, но делать выводы из нее нужно. Критика подвигает на мысль, как сделать лучше. В свое время я пригласил театроведов Гулизар Султанову, Бадрижат Магомедгаджиеву и Наталью Газиеву, чтобы они писали острые критические материалы о спектаклях, которые мы ставим, ведь умная критика – это не ругань и не похвала, это объективное рассмотрение творчества. Так что наслаждаться своей работой критики нам не дадут.

– Одни говорят, что искусство должно быть понято народом, другие – что это высшая сфера духовной жизни. Вы как считаете?

– Что касается театра, то это все-таки элитарное искусство. Но это вовсе не значит, что понимание его доступно только для избранных. Настоящий театр – это не просто работа режиссера и игра актеров, это необходимость для работы души. Театр должен быть необходимым компонентом бытия, если этого не происходит, театра нет.

В свое время театр использовался как оружие пропаганды социалистических идей. В советские годы легко было найти репертуар: целина, БАМ и прочее. Была система. Зарплаты были, конечно, всегда маленькие, но на постановку спектаклей денег не жалели. Списывали деньги тогда тысячами, потому что не могли их освоить. Сегодня деньги на каждый спектакль мы ищем. А в репертуаре идет естественный отбор.

Иногда хочется поставить нечто авангардное в форме, не меняя содержания, но боюсь, что зрители этого не поймут. Мы не дошли еще до такого этапа театрального развития в нашей республике. У нас нельзя уводить смысл на второе или третье дно. Спектакль должен быть обязательно понят, но это вовсе не значит, что он должен быть примитивным. Когда у нас появится каста театралов, понимающих любой сценический язык, тогда другое дело. Я, например, давно мечтаю поставить «Записки сумасшедшего» по Гоголю – это моя курсовая работа, когда заканчивал режиссерский факультет. Тогда она произвела очень хорошее впечатление, но там очень сложный театральный язык.

– Есть ли такое понятие – провинциальный театр?

– Мы по отношению к Москве – провинция, по отношению к республике – столица. У нас есть люди с амбициями, которые говорят: а чего идти в Русский театр в Махачкале, лучше в Москве посмотреть. Но природа не делит талантливых людей по национальному, половому и территориальному признаку. Талантливый человек талантлив везде – и в Махачкале, и в Москве, и в Париже, и в Нью-Йорке. А бездарный везде бездарен. Говорить, где талантов больше, а где меньше – нельзя. Во-первых, их нужно считать на душу населения, а во-вторых, рассуждать примитивно, что если человек талантлив, то должен работать в Москве, глупо. Я уверен, что наша Инесса Курумова, работай она в Москве, вошла бы в десятку лучших артистов страны, но она работает здесь, и это не умаляет ее достоинств. Мы должны за это сказать ей большое спасибо. Нужно ценить то, что у нас есть. Кстати, недавно Инессе Курумовой было присвоено звание Народной артистки России. Не надо уничижать себя. Недавно в Ставрополе на фестивале русской классики Инесса Курумова завоевала среди актеров первое место. Председателем жюри, кстати, был авторитетнейший человек в театральном мире, известный актер Михаил Ульянов. В нашем театре работает великолепная актриса, заслуженная артистка Дагестана Мирина Курбанова. Ярким и самобытным даром обладает заслуженная артистка России Людмила Леташова. Конечно, чем больше город, тем больше в нем талантливых людей, как впрочем, и бездарных, серых, посредственных.

Если у нас есть амбиции культурной республики, мы должны все время подтверждать свой статус. Спектакль «Неоконченный концерт» по Расулу Гамзатову мы могли бы повезти в Волгоград, Москву, Курск, Брест – в те города, которые стали болевыми точками прошлой войны. Нужно разрушать мрачный образ лица кавказской национальности из криминальной хроники. Несмотря на все сложности, мы находим силы соответствовать времени. Например, российская программа предусматривала финансирование постановок спектаклей к 60-летию Победы, но мы на постановку спектакля «Марья» не получили ни копейки. Пришлось гонять актеров по детским садикам, показывать спектакли, чтобы заработать деньги на постановку. Но мы, увы, дискредитируем этим театральное искусство. А азиатский самодовольный менталитет съедает искусство изнутри.

Я уезжал, четыре с половиной месяца жил в Москве, но не выдержал. Мне снились улицы Махачкалы, мучила страшная ностальгия. Я очень люблю республику, хочу работать дома. И мы надеемся на лучшее, на понимание и помощь со стороны власти. Президент Владимир Путин обозначил три приоритета: экономика, армия и культура. Но как самое основное он выделил культуру. Ведь без культуры не будет ни нормальной экономики, ни нормальной армии. Если первый человек в стране говорит об этом, то появляется надежда...

Беседовал
Мурад АХМЕДОВ

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

В мае этого года впервые в истории дагестанского спорта группа альпинистов нашей республики в составе трех человек совершила восхождение на несколько вершин высочайшей на Земле горной системы – Гималаев. Вот их имена: Евгений Пашук (руководитель экспедиции, директор Интернет-центра ДГУ), Гаджимурад Нурбагандов (работник завода «Дагдизель»), Давуд Ухумаев (руководитель фирмы из Махачкалы). Этот примечательный факт не привлек к себе почему-то должного внимания. Исправляя это упущение, корреспондент нашего журнала встретился с руководителем горовосходителей. Евгений Пашук, помимо своих замечательных нравственных и физических качеств, без которых невозможно вырасти в высококлассного профессионала-альпиниста, обладает редким званием – «Снежный барс». Этого весьма почитаемого и достаточно редкого титула удостаивается спортсмен, сумевший взойти на пять и более горных вершин высотой свыше 7 тысяч метров. Евгений Пашук, покоривший немало вершин родного Дагестана, Кавказа, Памира, Тянь-Шаня и других горных систем, обладает этим званием, единственный в Дагестане, уже 14 лет. За эти годы он взошел на семитысячники уже 17 раз.

Евгений ПАШУК: ГЛЯЖУ НА ГИМАЛАИ СВЫСОКА...

– Помнится, как-то разнесся слух, что дагестанцы собираются взойти на самую высокую вершину мира – легендарный Эверест. Это собирались сделать вы?

– Да, было такое намерение. Оно, кстати, и остается. В прошлом году я с двумя друзьями отправились в Гималаи на разведку. Не удивляйтесь, такое предварительное знакомство с дислокацией «противника», как и всякая разведка, предпринимается с целью сбора данных о месте предстоящей битвы, противостоящей силе, союзниках и соперниках, возможностях и подстерегающих неудачах в горах, тем более, таких «крутых», как Гималаи. Она крайне желательна. Осмотрелись мы и поняли, что Эверест нам пока «не светит». Не потому, что он нам не под силу морально или физически, а не под силу финансово. Чтобы получить разрешение на его восхождение, надо уплатить правительству Непала за лицензию 60 тысяч долларов. Спонсоров с такими деньгами у нас не нашлось. Зато мы разведали несколько маршрутов для покорения почти столь же труднодоступных нескольких замечательных вершин – предмета мечтаний альпинистов всех стран мира. Район Сагарматха в Гималаях уникален – здесь «столпилось» около 5000 высочайших гор. И каждая – настоящее лакомство для нашего брата.

– Сильно они отличаются от наших?

– Да. Они из гранита, резко очерчены в отличие от наших гор и представляют собой будто высеченные из камня скульптуры. И обладают еще удивительным качеством. Не знаю, отчего возникает такой эффект – то ли от их громадной высоты, то ли от их количества и удивительных очертаний, то ли от возможности видеть их уж очень издалека, но горы будто плавают в небе. Нет, плавают – не совсем точно. Они кажутся эфемерными, воздушными что ли,

будто нарисованы гигантским и непредсказуемым пером неведомого, одержимого буйной фантазией художника. К ним хочется подойти ближе и осторожно коснуться рукой, хотя они отстоят от тебя на сотню километров. Такое вот, почти виртуальное зрелище.

– Итак, разведка позади, денег на Эверест нет, и тогда…

– И тогда решено было воспользоваться разведанными маршрутами и минимальными финансами. Вначале нас было шестеро, пожелавших в этом году в честь 60-летия Победы покорить одну из вершин Гималаев. Но спонсоры постепенно отсеялись, поскольку снабжение группы, плата за лицензии тоже требовали немалых средств. Оставалось рассчитывать на собственные возможности. Нас осталось трое. Я долго мудрил, урезал до предела экипировку, рассчитывая добраться в Непал чуть ли не автостопом, и уповал на свой опыт путешественника и переговорщика с местными властями. В результате мы сократили свою поклажу на троих всего до 90 килограммов. Для сравнения: снаряжение четверых немцев, которых мы встретили на маршруте, весило 480 килограммов – в 4 раза на человека больше. Мы могли, конечно, нести все на себе, но лицензия обязывала нанимать носильщиков. Таким образом правительство обеспечивало работой шерпов – своих местных жителей. Причем нанимать следовало не меньше двух. Мы дали им по 20 кг, а сами несли по 15. Они были счастливы. У немцев глаза стали квадратными, когда они увидели, с каким минимальным снаряжением идем мы и с какой грудой железа, веревок и питания идут они в окружении нескольких носильщиков. Конечно, им местные власти «впарили» такую необходимость – с разбивкой промежуточных лагерей, проводниками и тому подобное. Так что мы обошлись затратами всего по 1800 долларов с человека.

– И сколько времени вам на все понадобилось?

– Мы взошли на три вершины за 13 дней. Мы смогли это сделать благодаря прошлогодней разведке, занявшей 14 дней, когда были размечены маршруты и определены места для базового лагеря. График был очень жесткий. Начали мы для экономии времени на акклиматизацию, которая в горах совершенно необходима, с восхождения не сразу на очень высокие вершины – где-то на пять с половиной тысяч метров. Последняя вершина была уже больше шести тысяч. Но дело даже не в запредельных высотах, а в «интересности», говоря образно, горы, в заманчивости маршрута. И мы хотели подняться именно 9 мая, в День Победы. Как бы пафосно это не звучало, но нам, первым здесь дагестанцам, очень хотелось подняться на одну из гималайских вершин в честь этой знаменательной даты и в память о всех погибших наших земляках. Если их души витают над нами, пусть знают, что мы о них помним. И мы это сделали.

– И как там, на вершине?

– Этого не передать словами. Панорама фантастическая. Зрелище будто из сказки. Даже не верится, что ты все это видишь наяву. Впечатление усиливается от причудливости горных очертаний и безбрежности океана высочайших вершин.

– Поднимались без промежуточных ночевок?

– Да. Выходили из лагеря рано утром, поднимались на вершину, а как и с какими приключениями – это отдельный и долгий разговор, и возвращались в лагерь уже в темноте. Занимало это около 14 часов. Уставали, конечно, сильно. Я, приехав в столицу Непала Катманду, весил 85 килограммов, а вернулся в Махачкалу с весом в 74 – потерял за две недели 11 кг.

– Наверно, и питались не вдоволь?

– Не в количестве дело, а в качестве. Мы с собой взяли запас еды, чтобы уменьшить груз, только на 3 дня, но расходовали ее только при восхождениях. В остальное время довольствовались местной кухней. Если внизу, в Катманду, можно найти любую пищу, то наверху лишь то, чем питаются шерпы. У них основной продукт рис. Но на высоте он не разваривается – атмосферное давление не позволяет. Поэтому шерпы просто замачивают его, и когда он превратится в подобие каши, но остается сырым, они сдабривают его всякими маслами, какими-то приправами – и вот это «блюдо» приходится употреблять. Не самая вкусная еда, скажу вам.

– А как общались?

– На английском. Я сносно владею этим языком, а шерпы в районе, куда съезжаются туристы со всего мира, говорят на нем поголовно. И очень неплохо. Это их заработок. На Эверест и другие легендарные вершины, которые представляют собой предмет вожделений горновосходителей, они чуть ли не молятся. Есть, например, такой налог: иностранец показывает свой груз и в зависимости от количества и качества того, что после употребления выбрасывается, он оставляет в залог определенную сумму. Возвратившись, он предъявляет всю пустую тару, и тогда получает свой залог обратно. Если же он выкинул ее в горах, в дороге, то деньги эти ему не возвращаются, а идут в фонд экологической защиты. Бизнес на туристах предусматривает все до мелочей и преследует главную цель – дать заработать и государственной казне, и местным жителям.

– Что в Непале бросается в глаза прежде всего?

– Перечислю наиболее примечательное. Наверху, в районе Сагарматха, ничего нет круглого, вращающегося, кроме шасси самолета, на котором прилетел. Жизнь шерпов проходит без колес, все передвижения пешком, вся работа делается руками без приспособлений, облегчающих труд. Почти первобытная в этом смысле жизнь. Доставка грузов на спине, на плечах, перебирая ногами по каменистым тропам. Никаких телег, автомобилей и подобных благ цивилизации. Поскольку люди исповедуют

буддизм, в них начисто отсутствует агрессия. Они мягки, доброжелательны. У нас на родине в группе парней в любой момент может вспыхнуть ссора и драка, в Непале – нет. Шерпы также не охотятся на диких животных, не вегетарианцы, но мяса едят мало, больше кур, из молока яка сбивают масло. Диких козлов можно встретить рядом с селением. Жители монголоидной расы, небольшого роста. Кто повыше, явно с примесью крови индуса. Я бы сказал, что в стране наличествуют элементы матриархата. Среди руководителей разных рангов много женщин, и в семье видно, что они играют главную роль. Часто стиркой, например, тоже занимаются мужчины, как и детьми. Правда, детей в корзинах за плечами носят женщины. В то же время в Катманду много публичных домов, повсюду предлагают гашиш, но в горах нравы строгие, хотя, говорят, при желании можно найти за гораздо более высокую цену подобные развлечения. И еще любопытно: в стране нет кладбищ. Умерших сжигают, обложив деревом, а золу высыпают в священную реку, в которой и сами купаются. Но погибших в горах альпинистов и не хоронят, и не спускают вниз, в долину. Потому что сделать это трудно. Они остаются на месте гибели. А имена погибших шерпов записываются на мемориальных табличках, которые расставляются среди камней, усыпающих склоны.

– Вверху, внизу – градация в рассказе постоянная. Это так существенно?

– Очень. В зависимости от высоты – разная жизнь. Мы вышли на восхождение из селения, расположенного на высоте 4990 метров. А наш самый высокогорный в Европе Куруш не дотягивает до 3000. В Гималаях ледники огромные при минимальном снежном поле, у нас, в Дагестане, наоборот: снежные поля большие, ледники куда меньше. И еще удивительно: вода в речках недалеко от ледника уже плюс 10 градусов, а у нас за 100 километров от питающего ледника вода ледяная. Вероятно, сказывается, эффект высоты и то, что реки в Гималаях мелкие, а солнце летом жаркое. Впрочем, на восхождение можно отправляться только весной и осенью, летом идут сплошные дожди.

– Говорят, умный в гору не пойдет, умный гору обойдет… В чем дело? Почему умный идет в гору?

– Дело в мироощущении. Для людей, живущих в горах, это не горы в понимании всех других людей, а просто среда обитания. Тех же, кто идет на вершину, влечет целый конгломерат чувств. Адреналин в крови, риск, игра со смертью – это еще не все, хотя присутствует обязательно. А еще желание превозмочь себя, доказать себе и другим, что ты можешь то, что могут далеко не все. Известно, что для поведения в опасных ситуациях инструкция рисует (виртуально или очень конкретно) красную черту, переступать через которую нельзя. Так вот: эта красная черта «рисуется» в инструкциях еще с запасом в 20 процентов – на тот случай, если человек ее переступит. Но за этими процентами – уже все, дальше – мрак. Идя на вершину, знаешь, что переступаешь часто и эту красную черту и эти 20 процентов. Взойдя на нее, ты ощущаешь, что человек – песчинка, сущее ничтожество в этом огромном и прекрасном мире, перед лицом этой величавой природы он почти нуль. Но… Но ты же взошел на вершину, и мир лежит у твоих ног. Значит, ты все-таки не ничтожество, не песчинка, не нуль. Ты смог! Ты взобрался на эту гору. Ты переступил эту опасную грань. И остался жив. Счастливый миг, которым жизнь нас балует не часто. И ты смотришь на мир свысока – и в прямом и в переносном смысле. Это ощущение стоит того, чтобы «идти в гору». И, право, среди альпинистов глупых я что-то не встречал.

– Каким качеством альпинисты характеризуются прежде всего?

– Не буду говорить о многих, скажу о трех, на мой взгляд, главных, присущих, пожалуй, всем, кто идет в горы. Это – пониженный инстинкт самосохранения, обостренное чувство собственного достоинства (альпинисты очень обидчивы, легко нравственно ранимы), безоговорочное неприятие любой несправедливости. Об остальных качествах поется в песнях, и они у всех на слуху, не буду повторяться.

– На вершину идут обычно в связке, а бывает, что и в одиночку. Большая разница?

– Колоссальная! Можно даже сказать, что идти в одиночку – это уже другой спорт, на порядок элитарнее. Риск огромный и ощущения тоже уже другие. Но в связке – своя прелесть: человек совершает нечто неординарное с людьми, которые ему приятны, с друзьями. Общий риск и общая радость победы дорогого стоят.

– Насколько велик этот риск?

– Не берусь судить. Он зависит от стольких условий, что как-то определить его трудно. Простой пример: восхождения в Гималаях, о которых речь, мы совершали в среднем за 14 часов с хвостиком – за это время поднимались и спускались вниз. Опоздай мы всего на час – нас ждала бы холодная ночевка на лютом морозе. И бог его знает, как могла измениться погода. Чем бы это завершилось – сказать практически невозможно.

– Какая на маршруте была температура?

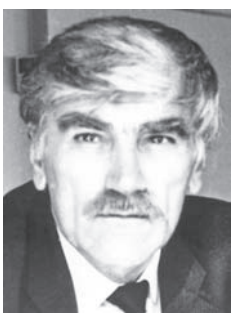
– Минус пятнадцать.

– Эверест в планах остается?

– Говорится же: плох тот солдат, что не мечтает стать генералом.

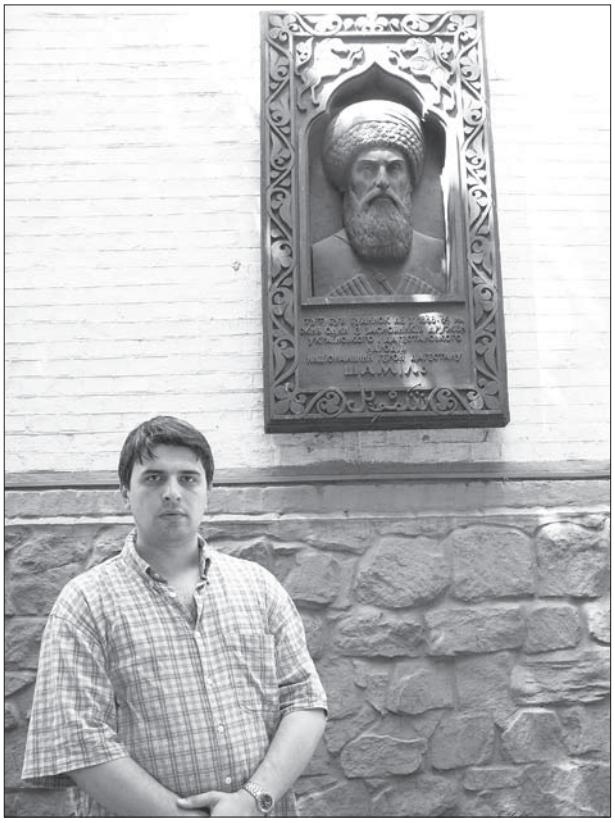
– Да, в солдатском ранце должен быть генеральский жезл. Удачи!

– Спасибо.



Беседовал
Далгат АХМЕДХАНОВ

ПАМЯТЬ



Мурад АХМЕДОВ

ШАМИЛЬ И УКРАИНА

В самом центре Киева, на пересечении улицы Грушевского и Крепостного переулка, в двух шагах от парламента Украины – Верховной Рады на одном из домов установлена замечательная мемориальная доска с барельефом имама Шамиля. Надпись на украинском языке гласит: «Тут был дом, где в 1868–1869 гг. жил один из основоположников дружбы украинского и дагестанского народов, национальный герой Дагестана Шамиль».

Отрадно, что память о нашем прославленном земляке чтят в другой стране, за тысячи километров от Дагестана. Неподалеку от дома, где жил Шамиль, находится и дом, где собирались декабристы, которых навещал здесь Пушкин. Так причудливо на одной улице пересеклись пути и судьбы великих людей, сражавшихся за свободу своих народов, но видевших ее по-разному.

С Украиной многое связано в судьбе Шамиля. Здесь под Харьковом, в Чугуеве, в 1859 году он впервые встретился с русским царем, отсюда же, прожив около года в Киеве, он спустя 10 лет, в 1869 году через Одессу отправился в Мекку.

Историческая встреча Шамиля с императором Александром II состоялась 15 сентября 1859 года в городе Чугуеве, ставшем в то время местом больших военных учений, которые царь инспектировал в ходе своей поездки на Украину. Как утверждали очевидцы встречи, император обнял и поцеловал Шамиля, и подарил своему бывшему противнику, грозному имаму Дагестана и Чечни, золотую саблю.

Примечательно, что Шамиля допустили к императору при оружии, проявив уважение к понятиям горцев о чести, согласно которым обезоруженный воин считался обесчещенным. Это обстоятельство ободрило имама, который считал, что после аудиенции его должны казнить. Обнимая Шамиля, император произнес: «Я очень рад, что ты наконец в России. Жалею, что это случилось не ранее. Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою, и мы будем друзьями».

Такой доброжелательный прием со стороны Александра II окончательно рассеял опасения имама. На вопросы императора относительно ресурсов, которыми он в последнее время располагал на контролируемой им территории, Шамиль ответил то же, что он сказал пленившему его в Гунибе князю Барятинскому: что власть его клонилась к закату, что постоянно возраставшие трудности мешали продолжению борьбы и что он сам прекратил бы эту борьбу гораздо раньше, если бы хотя примерно представлял могущество страны, часть которой ему довелось увидеть своими глазами.

После встречи Александр II и Шамиль были на смотру. В честь императора и имама был дан военный парад, после чего прошли конные состязания. Принял в них участие и сын Шамиля Кази-Магомед. Император был восхищен его умением, а Шамиль оценил мастерство участвовавших в параде трех сыновей царя, которых Александр II поочередно представил Шамилю. Имаму особенно понравилась джигитовка драгун, улан и гусар. Он был в восторге, когда увидел маневры, и скакал за императором, восклицая: «это точно как у нас в го-

рах!». На маневрах Шамиль выразил удивление, каким образом русские могли взойти на Гуниб, который он считал неприступным.

Император пригласил Шамиля сопровождать его в Харьков и принять участие в празднике, который в его честь устраивает дворянство этого города.

16 сентября 1859 года император и Шамиль прибыли в Харьков. Здесь имам восхищался городом и домами, его удивляли ристалища в цирке, наездницы, лошади, представления, – все это казалось ему волшебством. Вечером был фейерверк и бал в Дворянском собрании Харькова. Когда Шамиль прибыл на бал и увидел блестящие костюмы дам, он отскочил на несколько шагов и начал молиться. Именно на балу в Харькове Шамиль впервые увидел одно из европейских собраний. Седой имам был смущен и тут же захотел удалиться, но ему заметили, что отсюда не принято уходить прежде, чем это сделает император, и Шамиль согласился остаться. Имам был поражен освещением и убранством зала.

Толпа любопытствующих всюду следовала за кавказцем. Сам вид Шамиля вызывал у видевших его людей почтение. Вот как вспоминает имама посол Франции в России герцог де Монтебелло, следивший за его судьбой: «Это человек высокого роста, исполненный спокойствия и достоинства. Выражение его лица свидетельствует об интеллекте, энергии и в особенности о непоколебимой твердости. Манеры его поведения и высказываемые суждения выдают человека, понимающего, что его судьба свершилась. Без чувства ложного фатализма он спокойно относится к исполненному им долгу, как и к своему почетному поражению. Он говорит на арабском языке… и на языке общем для племен Дагестана, Лезгистана и Чечни… Будучи далек от того, чтобы проявлять характерное для восточных людей безразличие ко всему, что касается достижений цивилизации, Шамиль не упускает случая увидеть и узнать, слушает и задает вопросы, свидетельствующие о разумности суждений, поражающих его собеседников. На военных маневрах, на тульском оружейном заводе, на железной дороге в Москве, в арсеналах Кронштадта, во всех общественных учреждениях Санкт-Петербурга, – всюду, где он побывал, он обнаруживал ту же умную любознательность».

Интересны ответы Шамиля на вопросы, которые задавали ему на балу в Харькове. Когда его спросили: «Отчего вы так упорно не сдавались», он ответил: «Я жалею, что не знал России и что ранее не искал ее дружбы! Я с полным доверием еду теперь в глубь России, в Москву и Петербург». Дамы интересовались: «Как вам нравится все, что вы здесь видите?», на что Шамиль иронично отвечал: «Вы не будете в раю». «Отчего же?», – удивлялись вопрошавшие. «Оттого, – говорил Шамиль, – что у вас здесь на земле рай, какой нам Магомет обещал на небе; меня в особенности удивляет видеть, что мужчины обнимают женщин, но, впрочем, Пророк обещал это и нам, правоверным, в будущей жизни».

Когда император уехал, Шамиль сказал предводителю харьковского дворянства: «Все, что я здесь видел, меня очень заняло, но в особенности то, как любит высокое сословие дворян своего Государя!».

Ответы Шамиля на балу в Харькове свидетельствуют о его ироничном и веселом расположении духа. Он был очень счастлив и очарован милостивым приемом императора, хотя все замечали, что шутливый и веселый тон его разговора вовсе не соответствовал его серьезному характеру. Таким веселым его уже не видели в Калуге, где имам провел потом долгие девять лет.

Из Харькова Шамиль и сопровождавшие его лица направились через Курск и Тулу в Москву. Из Москвы горцы поехали в Петербург, а через две недели они оказались в Калуге, где император купил для семьи Шамиля трехэтажный дом с садом и конюшнями. Здесь семья Шамиля была обеспечена всем необходимым, но непривычный российский климат весьма отрицательно влиял на здоровье кавказцев. Заболела чахоткой и умерла старшая дочь Нафисат, а также невестка Шамиля Каримат, болели и другие члены семьи.

В 1868 году фельдмаршал Барятинский ходатайствовал перед императором о разрешении переехать имаму в южную Россию, а потом в Мекку. Так Шамиль оказался в Киеве, где имаму дали дом в центре города, в котором он прожил с 1868 по 1869 год. Шамиль приехал в Киев со всей семьей и был поручен коменданту крепости генерал-лейтенанту Новицкому.

В Киеве к Шамилю был приковано повышенное внимание общества. Его дом стал объектом паломничества киевлян, заходили к нему и ссыльные горцы, киевские газеты печатали воспоминания о Кавказской войне. Были и такие трогательные моменты — революционно настроенные студенты кидали в экипажи, на которых Шамиль передвигался по Киеву, тетради с поэмой Тараса Шевченко «Кавказ», написанной в разгаре Кавказской войны. В этом произведении великий украинский поэт обращался к кавказцам с призывом бороться за независимость, «боритесь и поборете» было его лозунгом. Шамиль посещал главные достопримечательности Киева — Софийский собор и Киево-Печерскую лавру, пещеры которой произвели на него сильное впечатление. Шамиль часто гулял по берегу Днепра, который был в десяти минутах ходьбы от его дома. Эта река напоминала ему Койсу, на берегу которой прошло его детство. Вскоре Шамиль отбыл из Киева в Одессу и уже оттуда направился в Мекку. Киевляне проводили Шамиля в Мекку с почестями, пожелав ему крепкого здоровья и успехов в жизни. Кази-Магомед сопроводил отца до Одессы, откуда вернулся в Киев. Русского проводника в Мекку при Шамиле не было.

Таким образом три крупнейших города Украины оказались так или иначе причастны к судьбе Шамиля. И в каждом из них бережно хранятся воспоминания о нем современников Великого горца Дагестана.

На фото: автор статьи у барельефа

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В продолжение опубликованных на страницах журнала материалов о выдающемся дагестанском художнике Халил-Беке Мусаеве-Манижал предлагаем вниманию читателей его переписку со своим родным братом Абдул-Каиром. Письма художника на родину, в Дагестан, дополняют портрет незаурядной личности нашего замечательного земляка, оказавшегося волей обстоятельств на чужбине.

ЛИШЬ РОДИНА НЕПРИКОСНОВЕННА

ПЕРЕПИСКА ДВУХ БРАТЬЕВ

«Многое потеряно, нечто приобретено, но лишь Родина остаётся для меня неприкосновенной, и, как вечность, лежит она передо мной и одновременно за мной».

Эти слова принадлежат нашему соотечественнику Халил-Беку Мусаясул, и сказаны они о Дагестане.

Уезжая в начале двадцатых годов прошлого века для продолжения учёбы, прерванной в 1914 году в мюнхенской Королевской академии художеств, Халил-Бек едва ли предполагал, что уезжает навсегда. Мог ли он допустить, что кто-то оторвёт его от близких людей, лишит его родины, постарается вытравить из сознания соотечественников даже самую память о нём?

Старший его брат Абдул-Каир был репрессирован в 1937 году и расстрелян.

Причина? Брат за границей! Остались дома семеро маленьких детей. Имущество Мусаевых было полностью конфисковано. Невозможно вообразить страдания, которые пережил в то время народ. Нам сегодня трудно понять, как во главе великого государства могли стоять люди, которых в нормальных условиях сочли бы преступниками.

Россия переживала террор и раньше. Ленин заявлял об этом открыто, считая террор орудием политики. Ночью – страх, а днём – бесконечное притворство, лихорадочные усилия доказать свою преданность Системе лжи. Таково было «нормальное» состояние советского гражданина.

«Более двадцати лет прошло с тех пор, как я вынужден был покинуть свою родину на Кавказе, – писал Халил-Бек. – Все эти годы из-за коммунистического правления она оставалась для меня страной моей мечты, и я старался воссоздать в своих картинах её людей, её природу такими, какими они остались в моём сердце…»

Насколько ему это удавалось? Вот выдержки из критики тех лет:

«О Дагестане Европа знала понаслышке, Дагестан был для неё «терра инкогнита». И вот оттуда пришёл человек, раздвинувший волшебной палочкой кисти каменную завесу Кавказского хребта и ожививший таинственные образы Шамиля, Хаджи-Мурата, Хочбара и победителей Надир-Шаха». И ещё: «Итак, он заговорил с просвещенной Европой на её языке, оставаясь при этом для неё загадочным восточным факиром, одновременно живущим своей внутренней, никому не известной жизнью, имя которой – ностальгия».

Сегодня мы публикуем письма Халил-Бека, адресованные им в двадцатых–тридцатых годах жившему в Чохе старшему брату Абдул-Каиру. Письма (пять копий и один оригинал) долгие годы хранились в архивах КГБ. Лишь недавно они возвращены племянникам Халил-Бека Магомеду и Омару Мусаевым. С письмами дяди им вернули и одно письмо отца, адресованное Халил-Беку. Пока сложно сказать, сколько всего писем отправил на родину художник (приблизительно около ста). Письма публикуются с некоторыми сокращениями, которые помечены многоточиями и снабжены беглыми примечаниями братьев Мусаевых. Вместе с ними редакция выражает надежду, что эти письма со временем станут одним из экспонатов будущего музея художника.

Май 1923 г., Мюнхен, Германия.

Дорогой Каир!

Эта ужасающая весть о смерти нашего дорогого и любимого брата... Что ж поделаешь, дорогой… приходится, как ни грустно, как ни тяжело, мириться и мужественно перенести этот тяжёлый удар не только для нас, братьев его любивших, но и всей фамилии. Ровно год и два месяца тому назад… как гром, нахлынула на меня эта ужасающая весть. Беспомощный скитался я повсюду, с подрезанными крыльями. О, это были страшные мучительные часы. Бесконечными упрёками я мучил себя, что оставил его одного… хотя он сам уговорил меня уехать, заверил, что, как только почувствует себя немного лучше, сейчас же за мной приедет. Разве бедный Магомед думал так скоро покинуть сей презренный мир, где торжествует только подлость с подлецами во главе? Несмотря на то что лишился всего – родного очага, любимой жены и братьев… он ни на одну минуту не изменился, вечно спокойный, выдержанный, меньше всего было злобы и мести. Помогал всем, и меня просил также это делать.

Дорогой Каир, не будем растравлять старые раны… мне будет тяжело опять всё это пережить. Я счастлив, что после 2-3 лет, наконец, получил вести от вас, ведь я страшно мучался в безвестности, кому только не писал и кого только не просил сообщить мне что-нибудь о вас…

Славная Зейнаб Даитбекова[1] первую радостную весть сообщила, что вы живы и здоровы, это было для меня самое главное. В день известия о смерти Магомеда я молился Аллаху, как самый верующий мусульманин, молился за упокой души незабвенного Магомеда, тут же просил сохранить вас. Если когда-нибудь и какая-нибудь молитва… была Аллахом услышана, то, не сомневаюсь, он меня услышал и сохранил вас для меня.

Итак, Каир, ты не падай духом, крепись, на то мы мужчины, чтобы всё перенести. Как скалы спокойно принимают удары буйных волн, так и мы должны спокойно встречать несчастья и радости… Боялся он, чтобы Пирдоус[2] не причинили неприятности, как его жене, но я успокаивал его, говоря, что есть ещё настоящие рыцари – горцы, которые не позволят обижать беззащитную женщину…

Теперь перейду к своей жизни… Меня считают образцовым студентом, и профессор с гордостью говорит про меня. Мои документы выше первого разряда, так что никто не получил таких свидетельств…

По твоему письму, Каир, я вижу, что ты много передумал и не лихой кутила с девизом «сегодня для сегодня», а совсем другой – усталый, серьёзный отец многих детей. Всюду проскальзывает любовь к детям. Нервы успокоятся, жизнь наступит нормальная… ужасное прошлое превратится в радостное воспоминание. Это жизнь, дорогой Каир. За горем всегда идёт радость, главное – не волнуй себя ничем. Потеря имущества и тому подобное – это такое ничтожество перед тем, чем может быть человек. Счастье не в этом. В богатстве люди бывают несчастны. Дай Аллах, что бы все мы были здоровы, а остальное, что нам нужно, мы всегда будем иметь… Салам всем, всех не перечислишь имён. Как ни странно, о смерти Батит[3] я уже знал по своему сну. Очень жаль, теперь у нас никого не осталось, кто напоминал бы маму…

Целую тебя. Твой Халил.

Патине[4] (Кибичевой) салам и выскажи соболезнование по поводу смерти мамы… Всем, кто умер из близких, выскажи моё соболезнование. Шарапилову[5] салам.

Примечания:

1. Зейнаб Даитбекова – друг Халила. Хирург.
2. Пирдоус – жена генерала Магомеда Мусаева.
3. Батит – сестра матери Халила.
4. Патина Кибичева – двоюродная сестра Халила.
5. Магомед Шарапилов – родственник Халила.

2. IV 25 года, Италия.

Дорогой Каир!

Я вышел из больницы и нахожусь в горном курорте для морских офицеров, буду здесь всё время, до разрешения вопроса относительно санатория в Швейцарии.

Я чувствую себя прекрасно, горный воздух и хорошая пища – единственное средство от моей болезни, кругом такие же горы, как и у нас, воздух большой силы, солнце согревает так же, как летом. В этом дворце у меня хорошие знакомые и через них я попал сюда, в прошлом году тоже был здесь. Здесь находится и моя приятельница американка[1], про неё я тебе писал, она приехала опять из Сан-Франциско.

Очень часто думаю о родине, в особенности здесь всё напоминает мою родину. Когда начинает вечереть, я всегда смотрю в даль, всё напоминает окрестности Чоха. Меня так тянет домой, вас увидеть, поговорить, ведь много прошло с тех пор, как я родину оставил. За это время многое изменилось, мне кажется, люди измельчали и предали забвению всё, что было хорошего, – куначество и т.п. Почему ни Мамал-Магомед[2], ни Алтай[3], ни Бари[4] ни разу мне за это время не написали? Передай им привет и скажи, я буду очень рад, если от них весточку получу. Меня, видно, они считают погибшим... Каир, пришли мне несколько песен аварских, попроси, кого-нибудь на аварском языке их написать. Но, пожалуйста, старых песен.

Кланяюсь всем, пиши мне подробно… салам семье… и всем родным, близким, которые меня вспоминают. Пиши мне все хабары из дома.

Твой Халил.

Примечания:

1. Американка?..
2. Мамал- Магомед – сын полковника Мамалава.
3. Алтай – полковник царской армии, двоюродный брат Халила.
4. Бари – младший брат Халил-Бека.

1.9.1925 г. с. Гуниб-Чох, Кавказ, ДССР

Дорогой брат!

Получил от тебя письмо и очень обрадовался, что ты здоров, но все же иногда думается, что ты скрываешь от нас о своей болезни, говоря, что это пустяк. Представь себе, Халил, что в Гунибе доктор определил мою болезнь, говоря, что у меня тоже заражены катаром верхушки легких. Говорил, чтобы ел побольше жиру и сахару. Словом, я плюнул на все его забавы с высокого дерева, кушаю и жив, как всегда, сладости и раньше не любил, теперь тем паче. Словом, чувствую себя вполне здоровым. Обрадую еще тебя одной новостью, у нас родился наследник 21.II.1925, которому дали имя Джафар-Наиб[1]. Джафар дал ему потому, что бедный дядя был бездетным, а имена Магомеда и Абдулзаира[2] дам следующим ребятам…

Послал учиться в школу Ханику, Нафисат, а Миясат[3] еще дома. Я пока работаю заведующим Чохской школой, нас три учителя … В 15-х числах июня меня командируют в Баку на курсы тюркского языка. Ведь в Дагестане тюркский язык государственный. И знание такового необходимо всем служащим Дагестана. Преподается также русский язык, но как предмет. 11 марта ездил в Гуниб на скачки, было много народу; устраивались скачки, бега молодых, борьба, бега мальчиков, где и Исрафил[4] взял приз. Исрафил взял приз также на чохском «оцбае», но победу торжествовать мне не удалось, ввиду траура по Магомеду.

Халил, кажется, наконец-таки настанет время, когда ты приедешь. Надо же показаться на родине…

25 апреля – Рамазан-байрам. Детям шьют костюмы, уже начали готовить сладости. Сегодня из Гуниба приехал Абдул-Мажид[5], и уже идет подготовка, они собираются пригласить семью Коркмасовых, приглашу их и я, так как и я многим обязан этой славной семье.

Ризван[6] живет дома. Патимат[7] живет в Шуре, дочь… (неразборчиво).

Гаджи-Магомед[8] еще жив, но, бедный, ничего не видит и не слышит. Мамал-Магомед тоже служит в Гунибе и здоров. Словом, после твоего отъезда много воды утекло в Каспий. Приедешь, сам увидишь. Нового в Чохе нет, все здоровы, привет от всех родных и знакомых. Пиши почаще.

Твой Каир.

Примечания:

1. Джафар-Наиб – дядя Халила, офицер русской армии.
2. *Магомед, Абдулзаир – братья Халила.*
3. *Ханика, Нафисат, Миясат – дочери Каирбека.*
4. *Исрафил – сын Каирбека.*
5. *Абдул-Мажид – двоюродный брат Халила.*
6. *Ризван – односельчанин, друг семьи Мусаевых.*
7. *Патимат – двоюродная сестра Халила.*
8. *Гаджи-Магомед – дедушка Халила.*

18 мая 1933 года, Париж, Франция.

Мой дорогой Каир!

Только что получил твое письмо с печальной вестью о смерти нашего дорогого племянника. Нет слов выразить мою печаль, какая жестокая судьба: в один день потерять двух цветущих мужей. Бедная Айшат[1], сколько она тяжелого пережила, судьба не пощадила её. Бога ради, передай мои самые сердечные сострадания, её горе также и мое горе. Хотя я и здесь, но душою я с вами. Кара-Али[2] видел последний раз в Темир-Хан-Шуре, воспитанный мальчик, и за это время, наверно, превратился уже в мужчину. Как жаль, что судьба лишила меня его повидать.

Пожалуйста, будьте внимательны к сестре Айшат и помогите ей немного забыть свое тяжелое горе. У меня здесь свои, Гайдар и Ахмед из Хунзаха, они также выражают свои соболезнования.

Каир, пиши, не забывай, попроси также Бари и Меджида иногда писать. Где Джабраил Гарунов, как ему писать, и сообщи мне причину смерти обоих, какая болезнь? Только, пожалуйста, письмо сейчас же опускай, т.к. твое письмо отправлено из Гуниба 12 дней спустя после того, как ты писал…

Салам всем.

Твой Халил.

Примечания:

1. Айшат – сестра Халила.
2. Кара-Али – племянник Халила.

Июль 1934 г. Монс, Бельгия.

Дорогой Каир!

Давно не писал тебе и не ответил на твоё последнее письмо. Прости меня. Вот уже больше двух месяцев обитаю здесь, на Балеарских[1] островах, в местечке Дева, напоминающем мне наш родной Дагестан. Горы и долины с их симпатичными обитателями так вдохновляют меня создавать родные картины: туманное утро, девушки… все это так напоминает мне моё детство, и страшная тоска взяла меня, как бы хотелось домой приехать и вас всех повидать. Я здесь очень много работал, в особенности в области иллюстраций, посвященных нашей родине. К концу этого года должна выйти книга[2], мною написанная и на немецкий переведённая доктором, который в данное время находится здесь, в Монсе, и у которого я пользуюсь куначеством. Скоро, к сожалению, покидаю эту чудесную страну и еду обратно в Германию, в Мюнхен. В Париж поеду к осени, а жизнь страшно дорогая стала, наши земляки очень бедствуют, многим помогал по мере возможности. Сейчас моя картина висит в Мюнхене, это большая реклама для современного художника… Я перевёл вам деньги, прошло пять месяцев, я этот перевод получил обратно. Банк известил меня, что адресат не явился получать. Чек был послан заказным письмом… Из Парижа на мой вопрос ответили, что они

сделают запрос в Дагестан, и до сих пор ответа нет. Мои дела блестящи, послать вам подарок мне лишь удовольствие. Я думаю, письма пропадают в Гунибе, во всяком случае, не в России и не во Франции…

Как здоровье сестры Айшат, бедная, наверное, ещё убита горем о Кара-Али. Салам Меджиду… Мури и всей родне, также твоей супруге Айшат и детям. Я скоро уезжаю в Германию и, пожалуйста, пиши туда, адрес тебе известен.

Я собираю народные легенды и рассказы для моей книги, был бы тебе очень благодарен, если бы прислал мне несколько таких рассказов, ты ведь всегда был большим знатоком народных легенд, пожалуйста, откликнись. Надеюсь, вся наша родня в полном здоровье и благополучии.

Салам всем и жду скорого ответа. Остаюсь сердечно твой брат Халил.

Если можно, так же пришли разные фотографии.

Примечания:

1. Балеарские острова принадлежат Испании.

2. Книга Халила «Страна последних рыцарей».

1934 г. Рейя.

Дорогой Каир!

Как я был рад, получив письмо от Исрафила. Давно не имею известий из дома, очень рад, что вы все здоровы. Исрафил пишет, что ты болен, что у тебя глаза болят. Если лекарство нужно прислать, сообщи мне.

Я с октября месяца нахожусь в Рейя, но иногда езжу и в Германию, Там у меня постоянная квартира. Ты, видно, опять в Гунибе живёшь и большая семья у тебя, и все учатся, кроме самого маленького Магомеда. Сколько ему лет? Я очень скучаю по вас, с каким бы удовольствием домой приехал. Как живёт сестра Айшат и её дети? Бедная Мури, наверно, очень постарела, где Мария и Алтай? Где семья Гаджи-Магомеда и нашего Сайфуллы? Он мне писал, но теперь не знаю его адрес… Его письма производили на меня хорошее впечатление… Мюнхенский адрес тебе известен.

Твой Халил.

Мадрид, Испания.

Дорогой Каир!

Получил твоё письмо, очень рад, узнав, что все дома здоровы, а главное радует меня, что у тебя столько детей и родные имена восстановлены.

Исрафил должен быть теперь совсем большим мальчиком. Сколько лет Джафару и Магомеду[1]? Нет ли у тебя никаких снимков, я бы очень хотел на них посмотреть? Ты, значит, себя посвятил школьному делу, этим ты, конечно, можешь много пользы принести нашему бедному народу и в то же время хорошее воспитание своим детям дать. На каком языке ведётся преподавание – на аварском и тюркском, преподаёшь также русский язык?

Мы ведь совершенно не знаем, что у вас там. Когда приезжал Абаев[2] и что он там делал? Правда, очень симпатичный человек, я его очень уважаю. Всегда отзывчивый, милый человек, передай ему мой салам, если опять встретишься. Джелал[3] писал мне из Петровска, что Берш[4] туда приезжал, что у него нога болит. В чём дело, что с бедным случилось, он мне вообще о себе не даёт знать. Между прочим, музей должен мне известную сумму (Джелал знает). Так как прислать сюда, видно, не могут из-за валютного запрета, поэтому, если невозможно переслать, тогда передадут вам…

Дорогой Каир, я часто вспоминаю все, и так соскучился по дому. Если бы не трудности получить разрешение приехать, обязательно приехал бы. Какие новости, что поделывают наши Мури, Айшат, твоя семья, Айшат, Меджид, Бари и его семья, пиши обо всём.

Я тебе часто писал про одного учёного профессора Дирра[5], он был большой знаток наших языков и написал целую серию книг о Кавказе, баллады и сказки. Бедный, он недавно умер, и я очень огорчён. Он очень много участия принимал в период моего студенчества – как духовно так и материально. Очень жаль, что мы потеряли такого хорошего друга и большого поклонника нашей родины, который знакомил Европу с красивыми её традициями и сказками.

Относительно себя и своего искусства я тебе много писал, но теперь могу сказать, что я довольно продвинулся, в прошлом году была большая выставка картин. С большим успехом прошла, и много о ней писала пресса, а в этом году у меня особенно большой успех, я попал на всеобщую германскую и всемирную выставку… Между прочим, среди четырёх лучших портретов выставки была и моя работа показана («Дама в чёрном»). Всего картин было на выставке около 3 тысяч, это, конечно, большой успех для меня, таким образом делаюсь я теперь популярным.

Но на сегодня хватит, а то письмо получается очень длинное. Кланяйся всем родственникам и знакомым. Где Иса Нахибашев[6], что он делает? Также Ризвану привет. Пришли снимок отца, у нас ведь дома имеется много. Сердечно твой Халил. Пиши много.

Примечания:

1. Исрафил, Джафар, Магомед Мусаевы – племянники Халила.

2. Абаев?..

3. Джелалудин Коркмасов – председатель СНК ДАССР.

4. Берш – крупный немецкий учёный.

5. Дирр великий – немецкий лингвист, друг Халила.

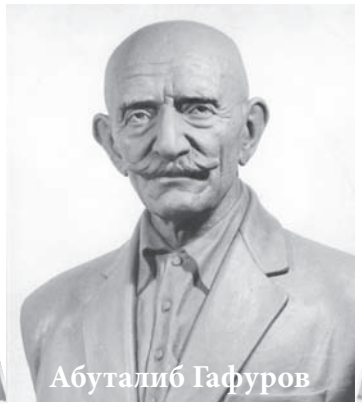
6. Иса Нахибашев – земляк, друг семьи Мусаевых.

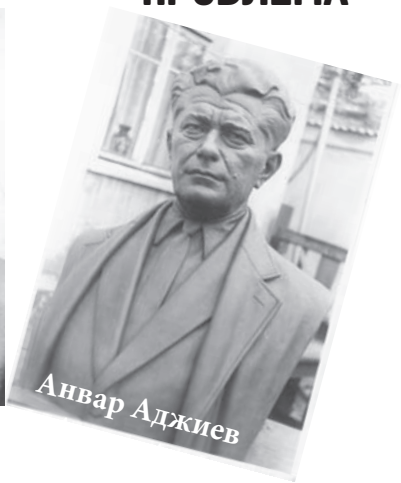
Материал для публикации подготовили:

Магомед МУСАЕВ,
Раисат РАМАЗАНОВА,
доцент ДГПУ

ПРОБЛЕМА

Тагир Хрюгский


Абуталиб Гафуров


Анвар Аджиев

ЧТО СКАЗАЛ БЫ АБУТАЛИБ...

Шесть лет назад в редакцию газеты, где я тогда работал, пришел Виктор Чигирик, скульптор, которого сегодня дагестанские читатели больше знают как публициста, вступающего в яростную полемику то с одним, то с другим апологетом советского строя и политики большевиков. Пришел и предложил опубликовать материал под названием «Невыдуманный Абуталиб». Что и было сделано, поскольку автор добавил в своих воспоминаниях о встречах с замечательным поэтом новые краски в портрет этой незаурядной личности.

Например, рассказал о том, как приходя к Абуталибу Гафурову, чтобы вылепить к его 80-летию бюст, он должен был обязательно обыграть поэта в шашки – эту игру Абуталиб очень любил. Причем не только обыграть, но и обязательно запереть его шашку «в сортир». Иначе Абуталиб не соглашался позировать – такое веселое условие поставил поэт скульптору. Случался такой выигрыш редко, и работа тянулась долго. Зато за нескончаемой игрой, которая начиналась с раннего утра, Абуталиб рассказывал своему визави много интересного о своей жизни. Как работал подпаском, пастухом, месил глину для самана, батрачил, был подмастерьем и мастером-лудильщиком, молотобойцем и кузнецом, трудился на рыбных промыслах, землекопом, восстанавливал дороги и мосты, разрушенные дома, пахал землю, был музыкантом ансамбля народных инструментов, но что такое настоящий труд узнал только, когда начал сочинять стихи.

Многое рассказывал Абуталиб Гафуров Виктору Чигирику, приводя примеры из своей многотрудной жизни. Как до революции в селе, где он работал, никто не подавал руки единственному в селе пьянице, а теперь в нем считают изгоем единственного в селе трезвенника; как предложил он награжденному медалью поэту выгравировать на обратной ее стороне, за что он ее получил; как носил он значок депутата Верховного Совета ДАССР, прикрученным к тыльной стороне лацкана пиджака так, что снаружи торчал только штырь с навинченной на него гайкой, мотивируя тем, что сейчас все происходит наоборот. Он говорил, что свою жизнь он делит на две половины: мол, раньше верили просто слову, а сейчас обман и подлость разъедают души, верят только бумажке с печатью, и то не всегда, потому что с высоких трибун вещают одно, а делают другое. И он сказал, оценивая работу скульптора и будучи ею чрезвычайно доволен: «Я нахожусь в явном преимуществе перед своими сверстниками. Они не видели, как создавали стоящие на их могилах памятники, и не знали, как они выглядят в натуре, а я видел и знаю. К тому же доволен им не только я, но и мои родственники, и мои друзья. Теперь я могу спокойно умереть».

Увы, Абуталиб Гафуров, сказав так, единственный раз ошибся. По крайней мере – пока. Этот его бюст продолжает стоять у скульптора уже 43 года. Он никем не востребован. Хотя писательская общественность сразу после его создания и выразила восхищение мастерством автора, сумевшего удивительно точно передать не только внешнее сходство, но и человеческую суть мудрого поэта, что подтверждено документально. Восхищены были и родственники Абуталиба. Да что толку! Республике, выходит, эта работа оказалась ненужной, с ее автором до сих пор не заключен договор.

Если бы эта участь постигла только бюст Абуталиба Гафурова! Но у В. Чигирика стоят уже много десятилетий бюсты Тагира Хрюгского и Анвара Аджиева, которые по качеству исполнения столь же хороши. Казалось бы, как не установить их, отдавая дань уважения замечательным дагестанским литераторам. Но… Неужели все дело в том, кто их автор? Неудобный, «колючий» Виктор Чигирик? Но какая разница, кто автор, если его работы удовлетворяют самый взыскательный вкус! Или истина уже совсем ничего сегодня не значит?

Далгат АХМЕДХАНОВ

Публикуем фотоснимки этих трех работ Виктора Чигирика.

ЗДОРОВЬЕ

Абдурахман УМАХАНОВ

ДАВАЙТЕ ДРУЖНО ЖИТЬ...

Три взгляда на целительство

ИСТОКИ

С незапамятных времен, с тех самых пор, как первые люди спустились с деревьев, перед ними всегда стояли одни и те же вопросы: кто они, откуда и зачем пришли, и куда уйдут, закончив жизни путь…

Человек изначально был и остается частицей животного мира, но даже превратившись со временем в «царя природы», он, взяв на вооружение разум, не отказывается в то же время и от услуг спасительного инстинкта. Сочетая полученное в наследство звериное чутье с накопленным опытом, люди начали замечать определенную закономерность явлений окружающего их мира, чем и стали руководствоваться в повседневной практике.

ПОИСКИ…

Бессилие найти более или менее вразумительные ответы на волнующие вопросы толкало наиболее сообразительных на поиски собственной трактовки причин того, почему дым от костра идет вверх, а не в стороны; отчего снег белый, а листья – зеленые; отчего грохочет гром и сверкает молния; почему человек вдруг перестает дышать и двигаться, и так далее.

Иногда их объяснения звучали убедительно, а предсказания находили подтверждение. Так, или примерно так, зарождалась каста будущих ясновидцев, целителей, телепатов. И происходило это задолго до появления универсальных религий в современном понимании, священные книги которых давали последователям ответы на любые, выдвигаемые жизнью, вопросы.

ПЕРВЫЕ КОНКУРЕНТЫ…

Когда человек разумный научился мыслить абстрактно, люди пришли к пониманию Бога! Теперь, если возникали сложности в толковании положений священных книг, на помощь приходили священнослужители. И почти все без исключения религии вели исключительно жесткую, порой – жестокую борьбу с различными дорелигиозными верованиями и обрядами, хотя даже сегодня до полной победы им еще очень и очень далеко. В эпоху средневековья католики, отправляя со спокойной совестью и с чувством исполненного долга на костер колдунов, ведьм и прочих еретиков, едва ли признались себе в том, что эта их акция – не что иное, как банальное физическое устранение своих конкурентов в борьбе за неограниченную власть над душами своей паствы.

Самое удивительное, что сжигали несчастных за то, что они брались врачевать и исцелять больных. То есть, совершать те же чудеса, которыми буквально наполнены едва ли не все священные книги мировых религий…

ПРИЧИНЫ…

Они, скорее всего, в том, что человек, сталкиваясь с тьмой необъяснимых явлений, инстинктивно догадывался, что за ними обязательно кто-то стоит. И ход его рассуждений можно понять, ведь Исаак Ньютон признавал, что «материя материей, а первый толчок был, все же, сделан извне»… Нельзя не привести также слова великого естествоиспытателя Френсиса Бэкона, сказавшего, что малые знания пополняют ряды атеистов, а большие знания, напротив, приближают к Богу!

Додумавшись до того, что у всего должен быть свой творец, человек лихорадочно стремился вступить с ним в контакт, чтоб заранее узнать, что его ждет в беспокойной, полной опасностей, жизни; и успеть принять надлежащие меры безопасности. Оставался пустяк – найти среди своих соплеменников того, кому под силу выйти на связь с неизвестным творцом всего и всех.

ПРОФЕССИОНАЛЫ…

Спрос, как водится, неизбежно порождал предложение. Так появились шаманы, колдуны и заклинатели (у тех, кто сильно запоздал слезть с деревьев); жрецы, оракулы и прорицатели (у тех, кто сделал это несколько раньше); и, наконец – ясновидцы, телепаты, пророки и посланники (у тех, кто додумался слезть с деревьев раньше всех своих собратьев по разуму).

Эти профессионалы, пусть по-разному и с разной степенью квалификации, тысячелетиями делали (и делают сегодня) почти одно и то же. И ни величайшие открытия науки, ни фантастические достижения в области техники, нисколько не изменили соотношения числа тех, кто верит им искренне и безоговорочно, и тех, кто над их верой потешается.

Число атеистов на несколько порядков превышает количество верующих, что нисколько не мешает ни тем ни другим служить неиссякаемым источником дохода для современных телепатов и ясновидцев. Причина же количественного перевеса атеистов кроется, наверное, в том, что атеизм прост, понятен и удобен и не налагает на человека почти никаких тяжелых обязанностей, в то время как

искренняя вера в каноны религии требует от верующего неукоснительного соблюдения многих, весьма непростых правил человеческого общежития.

Не зря же классик с горечью признал, что если нет Бога, то можно делать все что угодно…

Какими же путями шло налаживание контактов людей с неземными силами, и кто обычно отваживался брать на себя миссию посредника?

Если руководствоваться здравым смыслом и обычной житейской логикой, постараться соблюдать элементарную последовательность в рассуждениях, можно придти к самым неожиданным парадоксам.

БОРЬБА…

Так, оказывается, что если «божий одуванчик», которой за восемьдесят, проведет семь раз над головой своей пациентки, страдающей от сглаза, стаканом с водой, взятой в полночь из семи родников, и даст ей выпить семь чайных ложек этой чудесной живой воды, сей «одуванчик» (в глазах официального духовенства) безоговорочно оказывается среди богохульников, мракобесов, шарлатанов и авантюристов, причем независимо от результатов ее лечения.

Если же весьма солидный, одетый в роскошные одеяния служитель культа дает испить такому же страдальцу священной воды, и осеняет его крестным знамением, ни о каком мракобесии, разумеется, не может быть и речи, а о шарлатанстве и авантюризме страшно даже подумать!

Мне хочется быть правильно понятым. Речь ведь вовсе не об эффективности тех или иных средств исцеления. Истории известны случаи, когда обычная родниковая вода, поданная как сильнодействующее лечебное средство, поднимала на ноги больных, бессильных до того даже пальцем пошевелить. Рассказывают также о случаях, когда обыкновенный новокаин, введенный в качестве якобы смертельной дозы яда, вызывал у вполне здорового человека резкое падение пульса, тяжелый обморок и настоящие предсмертные судороги…

Разговор веду о двойных стандартах в оценке почти одинаковых действий, но в разном исполнении!

Посылая проклятия на головы разного рода колдунов, знахарей и всевозможных целителей, служители культа всех существующих религий совершенно не обращают внимания на то обстоятельство, что в роли первоклассных целителей, способных творить самые удивительные чудеса, нередко выступали популярнейшие религиозные авторитеты…

ДВОЙНОЙ ПОДХОД…

Будучи человеком искренне верующим, неукоснительно исполняющим все главные требования своей религии, я ни в коей мере не хочу хоть как-то задеть религиозные чувства инаковерцев.

Коран и Сунна не только жестко осуждают магов, колдунов, предсказателей и их действия, но и тех мусульман, которые им верят, считая их отступниками от ислама. Но как тогда быть со всевозможными амулетами и талисманами от сглаза (сам пророк ислама признавал его наличие!), болезней и прочих несчастий, которые носят на шее мусульмане! И не только дети! Не просматривается ли здесь связь между бабулькой – божьим одуванчиком, снимающей порчу (тот же сглаз), и теми же талисманами и амулетами?

Лучшим исцелителем и творцом самых невероятных чудес был пророк Иса, сын Марьям, занимающий в священном Коране и в исламе вообще очень высокое место. А лучшим толкователем сновидений выступал пророк Юсуф. Даже сегодня, рассказывая сон, мусульмане просят его помощи. О жезле пророка Мусы и других его чудесах я уже и не говорю.

Число же приемов, с помощью которых на протяжении всей своей истории люди старались угадать будущее, неисчерпаемо. Оккультная наука, мантика, имела и имеет великое множество приемов гадания: по лопаточной кости животных (скапулимантия – в кумыкском языке до сих пор сохранилось выражение – «если судить по показаниям лопатки»); по сновидениям (онейроскопия); с помощью жребия (клеромантия); по полету и поведению птиц (орнитомантия); по строению человеческого тела (физиогномика и морфоскопия); по устройству руки (хиромантия); по «показаниям» покойников – знаменитый пример из Ветхого завета, связанный с вызыванием духа пророка Самуила (некромантия); через ясновидение (хресмология); с помощью теургии, спиритизма, телепатии и так далее – до бесконечности…

МОРАЛЬ…

Что же из всего этого следует?

Говорят, что каждый сходит с ума по-своему. Давайте не будем никому мешать в этом увлекательном занятии!

Если все пиковые дамы и божии одуванчики денно и нощно исцеляют страждущих (или под ветвями раскидистой клюквы развешивают лапшу на длинные уши остолопов – смотря с какой стороны подходить), облегчая исправно их муки и кошельки, помогай им Бог!

Если хирург высочайшей квалификации берет с родственников пациента за сложную, ювелирно проведенную операцию (в государственной больнице) «всего-навсего от двухсот долларов…» дай ему Бог здоровья! И его пациенту тоже! Даже если он (хирург) и поносит на чем свет стоит самозваных целителей, разных шарлатанов, мракобесов, проходимцев…

Если пышущий здоровьем молодой святоша чуть ли не ежедневно и почти по всем каналам телевидения неуклюже пытается навязать мне «капитал Судного дня», Бог ему в помощь! Наверное, у него тоже есть своя семья, для содержания которой ему нужен совсем другой капитал. Каждый добывает себе хлеб насущный, как умеет…

Если целитель-экстрасенс, взор которого выражает что-то неопределенное, вдруг заявляет во всеуслышание, что задание заниматься исцелением больных он получил от Самого Всевышнего, надо снять перед ним шляпу, ибо неисповедимы пути Аллаха!..

И вообще, разумнее всего следовать мудрому совету непоколебимого миротворца, незабвенного кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!»

АРМИЯ

Максим БАРАНОВСКИЙ

ПОДЪЕМ – ОТБОЙ

Армия – это один день, который повторяется 730 раз

«Рота – подъем!» Крик дневального как-то неестественно громко и резко прозвучал в сонливой тишине наступающего утра. И в ту же секунду эта тишина пропала, как будто ее никогда и не было, растворилась в звуках проснувшейся роты. Скрип кроватей, шуршание одежды. Топот босых ног, невнятное бормотание и тихие проклятья в адрес дневального, разбудившего роту, – все это быстро заполнило голову; как будто и не было минуты назад той сладкой неги, когда еще не проснулся, но уже не спишь, когда жесткая подушка и колючее одеяло кажутся нежнее материнских рук. В этот момент так и подмывает подойти и больно-больно ударить этого дневального. Но он ни в чем не виноват, таковы правила, распорядок дня.

Дневальный – это очень маленький человек, на котором лежит очень большая ответственность. Он отвечает за все имущество в казарме, за каждое одеяло, каждую простынь и, если что-нибудь пропадет, спросят именно с дневального. Ночью, когда все спят – он не спит, он охраняет сон и здоровье своих сослуживцев, по крайней мере, он не должен спать, а это уж как получится. В общем, это очень нужный и практически незаменимый человек в армии, поэтому можно и перебороть свое искреннее желание ударить его с утра пораньше; тем более, кроме этой пакости, которую он преподносит утром, вечером дневальный подает ласкающую слух и любимую всеми команду: «Рота – отбой!». Но это вечером, а сейчас утро – впереди новый день.

Одеваешься и с завистью смотришь на старослужащих, которых команда «Подъем» нисколько не волнует, если они и проснулись, то перевернулись на другой бок и продолжили свое нехитрое занятие. Почему такая несправедливость? Обидно, конечно, но утешала мысль, что когда-нибудь придет время и ты сам будешь спокойно спать после подъема, ни о чем не заботясь, сам будешь старослужащим, будешь «дедушкой». Ну а пока надо бежать на зарядку.

Во время утренней зарядки постоянно происходят довольно странные вещи. Ну, во-первых, выходят на нее далеко не все: кто-то в кроватях лежит, кто-то прячется по разным углам, кто-то с утра пораньше сильно захромает или вдруг у него поднимется температура. Но это еще ничего, а вот когда те, кто соизволил-таки выйти на зарядку, бегут к месту ее проведения, происходят настоящие исчезновения людей. Если выбежало человек пятьдесят, то до места добираются уже человек тридцать. А на обратном пути в казарму все исчезнувшие, как ни в чем не бывало, снова появляются в строю. Прямо полтергейст какой-то.

После зарядки – завтрак. Конечно, в армии завтрак не ахти какой, не идет ни в какое сравнение с домашней пищей. Но, к слову сказать, в Дагестане повара готовят пищу для солдат не в пример лучше, чем в России. По рассказам парней, которые свои первые полгода прослужили в учебных частях, там вообще в столовой питаться невозможно, и по приезду в Дагестан здешняя пища казалась им чуть ли не верхом кулинарного искусства. А просто-напросто повара здесь готовят с душой, как в одной большой и дружной семье, ничем не обделяя солдат. И за это все им премного благодарны. Ведь для простого солдата хорошо и вкусно покушать – одно из немногих удовольствий в армии.

Ну а после завтрака начинается самое интересное. Если не намечается никаких более или менее серьезных мероприятий и не ожидается приезд

больших начальников, то самые шустрые и пронырливые уходят «за забор», как это здесь называется – в СОЧИ. СОЧ – самовольное оставление части, ну и, конечно, это уголовно наказуемое воинское преступление, почти дезертирство. Только здесь уходят «за забор» не для того, чтобы убежать, а чтобы заработать денег и вернуться, проще говоря – «на рабочку».

Сделать это довольно легко, просто перепрыгнул за ограждение и пошел, главное – не попасться на глаза какому-нибудь военному. Ну а там найдешь какой-нибудь дом, где нужны рабочие руки – и трудись на здоровье. Здесь такой дом найти довольно легко: почти везде есть что делать и почти никто не отказывается от солдатского труда, довольно дешевого и качественного. Если в воинской части на благо Родины трудишься кое-как, лишь бы был вид, потому что из-под палки и неизвестно для чего, то «на рабочке» трудишься с душой, выкладываешься полностью, потому что для себя, потому что знаешь, что за работу получишь деньги.

Идешь «на рабочку» в первую очередь, конечно, из-за денег: каждому хочется покурить нормальные сигареты, покушать конфет и печенья, попить пива, в конце концов. Но деньги – это не единственная причина. Хоть в Дагестане армейские повара и готовят хорошую и доброкачественную пищу, но домашняя еда намного лучше и вкуснее солдатской. И это еще одна причина. Радушный хозяин от души накормит хорошего работника. А как это романтично – попробовать национальные дагестанские блюда, как, например, хинкал. Потом будет о чем рассказать дома.

Есть еще и третья причина, по которой уходишь «за забор». Это чувство свободы и независимости. В армии свободы нет, там вся жизнь ограничена различными правилами, нормами, законами, уставом. А стоит сделать только один шаг за территорию воинской части и все эти ограничения бесследно пропадают. Ты свободен! Ты можешь идти куда хочешь и делать что хочешь! Это чувство окрыляет и вдохновляет, и поэтому иногда бывает, что кто-то, опьяненный этим чувством свободы, не возвращается назад, а остается там, на этой заманчивой, но призрачной и недолговечной свободе. Но это никогда не остается безнаказанным. Таких людей рано или поздно находят и поступают с ними по закону, но это уже совсем другая история.

А тем временем рабочий день уже подходит к концу, скоро вечер, пора идти обратно в часть. И тут возникает одна трудность – местная молодежь. В отличие от старшего поколения, которое любит и уважает русского солдата, потому что еще помнит, как эти простые бойцы защищали Дагестан, и вместе с ним всю Россию, не жалея ни крови, ни самой жизни, – в отличие от своих родителей молодежь в солдате видит лишь то, что за его счет можно поживиться, можно побить, отнять заработанные деньги или просто унизить морально. И такое иногда случается. Конечно, далеко не вся молодежь такая, есть вполне нормальные и воспитанные молодые люди; да и те, кто все-таки занимается этим, со временем повзрослеют и поймут свои ошибки. Но, все-таки, уже неприятно и обидно, что такие случаи имеют место. Хотя, если оно на то пошло, то и в России такое случается – молодежь она везде молодежь.

Ну вот все сложилось удачно, добрался до части, никого не встретив по пути; никто не заметил, как ты незаметно шмыгнул через забор да и в казарме никто не заметил твоего отсутствия целый день. Самое главное – успеть придти до проведения вечерней проверки, чтобы, когда проверяющий громко перед строем выкрикнет твое имя, ты так же громко смог крикнуть в ответ – «я». Теперь все нормально, как и должно было быть, только еще и деньги в кармане есть, так что можно с чистой совестью и спать ложиться.

А завтра будет новый день, и кто знает, что он преподнесет на этот раз, может, выкинет какой-нибудь сюрприз, может, повторится, как это часто бывает, может… да много чего может быть, это неважно. Сейчас ждут ласковые объятья сна, а что будет завтра – то будет завтра.

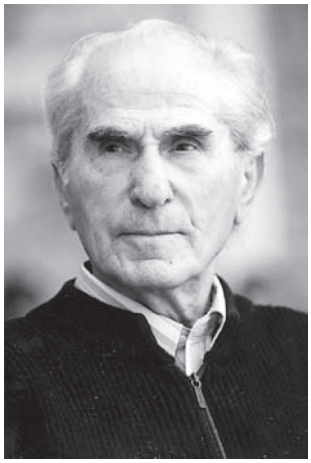
И вот все тот же злополучный дневальный кричит на всю казарму: «Рота – отбой!». Очередной из 730 дней позади.

К чему это я? Для чего? Да просто описал один день простого солдата. Думается, в этом описании есть информация для размышления, задеты проблемы, которые имеют место в армии.

Служба именно в Дагестане почти ничем не отличается от службы во всей остальной России. Везде есть так называемая «дедовщина», везде солдаты уходят «за забор» и причины на это у каждого свои. Единственное отличие самоволок в том, что в России солдат отпускают в увольнение законно, и если бы так же отпускали в увольнение и в Дагестане, то, может быть, таких самоволок было бы меньше. Но полностью они не исчезнут никогда. Как говорится – запретный плод сладок. Все-таки развлечение для солдата. Ведь служба так однообразна. И все, как говорят служивые, начиная от солдата и кончая высшими офицерами, здесь всё делают лишь бы не получить нагоняй от вышестоящего начальства. Очень жаль, но это действительно так. А в Дагестане, как и в остальной России, есть и буйная, агрессивная, своенравная молодежь. И если местной молодежи встретится солдат, то как упустить такую возможность показать свою силу, тем более, что это не грозит серьезными последствиями: ведь солдат вышел незаконно, поэтому никому ничего не скажет.

В общем, есть проблемы. Как вы, читатель, думаете?

БЫЛОЕ



Булач ГАДЖИЕВ

НАШИ ДОЛГОЖИТЕЛИ

КЛЮЧИ ОТ ДЕРБЕНТА

23-го августа 1722 года Петр I во главе своей армии подошел к Дербенту. За версту от города его встретил дербентский наиб Имам-Кули-Бек. Жители – мусульмане, армяне, евреи, от детей до стариков, вышли навстречу русскому царю и встали в ряд. У ворот Дербента крепостные орудия салютовали русским войскам тремя залпами. Петр пожаловал наибу чин генерал-майора и установил ему денежное довольствие за счет казны.

Когда наиб Дербента из рук в руки передавал два серебряных ключа императору, произошло сильное землетрясение. Петр I нагайкой нанес три удара по крепостным воротам и земля «успокоилась». Многократным эхо разошелся слух, что царь России сумел укротить подземную стихию.

После пребывания Петра I в Дагестане прошло 74 года.

В 1795 году стало известно, что шах Ирана Ага-Мухамед-Хан собирается покорить Дагестан. В связи с этим шамхал Тарковский и другие дагестанские владетели попросили помощи у России. К Дербенту, имея 80 тысяч солдат и 100 орудий, поспешил генерал Зубов, однако к его приходу в крепости уже оказались сторонники шаха Персии.

Осада Дербента длилась недолго. 10 мая 1796 года распахнулись ворота крепости, и жители вышли навстречу командующему.

Впереди толпы, поддерживаемый двумя юношами, плелся старик. Дойдя до Зубова, он заговорил чуть слышно на своем наречии. Не понимавший его генерал, тем не менее, уловил одно слово, показавшееся ему похожим на русское имя Петр. После своей короткой речи старик протянул серебряные ключи.

– Что он говорит? – спросил граф у переводчика. – Мне послышалось, что он упомянул имя Петра.

– Так точно, Ваше сиятельство, – отвечал переводчик. – Он наиб Дербента, Имам-Кули-Бек, ему 120 лет, и он говорит, что в свое время подносил эти самые ключи императору Петру I, по приказу которого ему, Имам-Кули-Беку, был присвоен чин генерал-майора русской армии.

АРЦУЛ-МЕЭР

Хунзахский водопад – свидетель многих удивительных событий, некоторые из которых люди запомнили и передают из уст в уста.

Вот, например, что рассказывал мне выходец из Хунзаха, бывший красный партизан Магомед Эльдаров.

Дед Магомеда, Магома Нурмагомедов, более 150 лет назад по какому-то случаю поссорился с мюридами и, перебежав на плоскость, стал жить среди кумыков в Нижнем Дженгутае. За этот поступок мюриды конфисковали все имущество Магомы, а родители беглеца понесли страшное наказание. Его отца и мать привязали к плетеным корзинам и бросили в водопад. Нетрудно представить, какая мучительная смерть выпала на долю этих людей.

До пленения Шамиля, т.е. до 1859 года, Магома жил в Нижнем Дженгутае. Затем он вернулся на родину. Магома знал того, кто казнил его родителей, но никак не мог найти этого человека. Однажды, это случилось ночью, враги встретились. Рослый, атлетически сложенный Магома быстро одолел противника и выколол ему глаза.

– С меня этого хватит, – взмолился тот, – слепой все одно, что мертвый.

– Нет, – закричал Магома, – так как ты ослеп, я буду твоим поводырем и покажу, по какой дороге ты послал моих бедных родителей.

И как ни сопротивлялся, как ни умолял раненый, привел-таки Магома его к водопаду. «Вот она, эта дорога», – сказал и столкнул в пропасть.

Вскоре после этого к хунзахцу приехали кунаки из Нижнего Дженгутая. Случилось так, что лошадь одного из гостей потравила поле чауша и была захвачена. Магома потребовал вернуть животное и заявил, что согласен уплатить штраф за потраву, как это положено по закону. Разгорелся спор. На помощь чаушу прибежали два его брата. Драка, начавшаяся по вине глашатая аула, закончилась его гибелью и смертью обоих братьев. Магома не погиб, но получил множество ранений. И самое неприятное – у горца был отрублен нос. Чтобы остановить кровотечение, родственники положили раненого в каменную ванну, заполненную до краев соленой водой. Три дня мучился Магома, зато жизнь его была спасена.

С тех трагических дней, когда Магома лишился носа, у него появилось новое имя: Арцул-меэр, что значит «серебряный нос». И вот почему. Местные мастера из гладкого серебра сделали ему искусственный нос, который закреплялся на затылке шнурками.

Необходимо упомянуть, что за свою долгую жизнь Магома был свидетелем многих примечательных событий, и у него была отличная память. Ученый арабист Гасанилав Ашильтинский бывал частым гостем в его доме и записал немало интересных историй. В частности, о событии, когда Ахмедхан Мехтулинский, временно правивший Аварией, арестовал Хаджи-Мурата, семь суток унижал его, а затем под конвоем солдат связанного отправил в Темир-Хан-Шуру. Случилось это зимою. У Буцра храбрец прыгнул в пропасть и, хотя повредил себе ногу, спасся.

БЕГАУЛ КАДАРА

«В тот день, когда я родился, – рассказывал мне при встрече самый старый в ту пору долгожитель Кадара, 1869 года рождения, Багомед Изиев, – переставляли стену нашей мечети, чтобы расширить помещение. По этому поводу имеется тарих, доказывающий, что мне 112 лет».

Он рассказал, что название «Кадар» происходит от арабского «зеленый»; и о том, как Тамерлан хитростью захватил их селение; и как однажды сельчане во время строительства одного дома наткнулись на человеческий череп необыкновенно больших размеров; и что вокруг Кадара много могил, но кому они принадлежат и какого племени – никто не знает. В конце своего рассказа Багомед Изиев добавил: «У меня было много детей, остались только двое. Младшему из них Магомеду – 17 лет. Жене 80 лет, не работает. На отдыхе нахожусь и я».

Через два года после моего пребывания в Кадаре его не стало. Багомед Изиев прожил 114 лет.

Мне приходилось слышать от разных лиц, что жизнь кадарца изобиловала приключениями. Но старик или их позабыл из-за давности событий, или не захотел открыться мне, постороннему человеку. Видимо, старику на склоне лет думалось только о тепле и хлебе насущном.

Я встретился с сыном долгожителя, через 40 лет после его смерти – Магомедом Изиевым, 1940 года рождения, бывшим учителем физкультуры. Рассказы его об отце высветили долгожителя еще с нескольких сторон:

«В 1976 году из Москвы в Кадар, – рассказывал он, – приехали трое русских: мужчина и две женщины. Приехали они на полуторке. Так как в ауле редко бывали посторонние люди, тем более из Москвы, то поглядеть на них собрались жители всего села. Мужчина был широкоплеч, высокого роста. На нем была рубашка с короткими рукавами. Это очень позабавило сельчан...

Гостей интересовало многое, в том числе и история нашего аула; интересовались они, между прочим, еще и долгожителями. Как не направиться к дому моего отца, которому в ту пору шел 97-й год.

Приезжие устроились в тени нашей сакли, на вынесенных из дома стульях. Переводчиком отец возле себя посадил меня, после чего потекла мирная беседа.

– Я, – начал отвечать отец на их первый вопрос, – никогда не пил, не курил, тяжелым физическим трудом не занимался. Питался тем, что душа моя желала. – Услышав такие слова, гости многозначительно переглянулись. – До революции работал старшиною Кадара. Мне приходилось разбирать жалобы сельчан по поводу налогов, потравы, полива, пропажи имущества, но более всего по вопросам семейного разлада.

– Вы, наверное, в таких случаях были на стороне мужчин? – спросила гостья, записывающая рассказ отца.

Вопрос этой женщины вызвал смех моего родителя. Отвечая на ее вопрос, отец вспомнил такой случай:

– Пришел однажды в канцелярию сельчанин Максуд, который жил тем, что продавал купленный в горах скот. Пришел и жалуется:

– Я недоволен своей Абидат! Прими меры, иначе я с женою что-нибудь сделаю.

– Почему ты с нею не ладишь? – спрашиваю у него.

– Значит, опередила меня, приходила с жалобой, – догадался Максуд. – А она тебе не говорила, что стол, стулья, тахта, кастрюли, тарелки в нашем доме бодают ее.

– Как это «бодают»? – удивился я.

– Бодают, – отвечал Максуд, – когда женщина забывает свои домашние обязанности.

Тут я понял, в чем главная причина их раздоров.

– Если хочешь, разведу вас, – предложил я Максуду, хотя заранее знал, чем кончится мое предложение: он не согласится. Его Абидат была неряшлива, но слыла первой красавицей аула и, разведись с ней Максуд, из желающих иметь ее супругой, выстроилась бы очередь.

Москвичи смеялись от души. Дальнейшие вопросы касались истории аула, Кавказской и Гражданской войн и еще многого всего. Затем мы сфотографировались, а после обеда гости бродили по аулу, беседовали еще с одним старожилом, имя которого я, к сожалению, позабыл...»

По моей просьбе Магомед Изиев припомнил еще несколько случаев из жизни своего отца.

«Около 100 лет назад отец отдал под проценты определенную сумму денег сельчанину, не подозревая, чем все это для него обернется. Когда подошел срок, вместо того чтобы вернуть деньги с процентами, должник заявил: «Будешь приставать – голову оторву!» Отцу ничего не оставалось, как вызвать обманщика на дуэль.

Она состоялась в пещере «Сехва-анак» (пыльная пещера */с дарг./*). Неожиданным приемом отец оказался над противником, тот взмолился, обещая через 10 дней хоть из-под земли достать деньги и рассчитаться. На этот раз обошлось без обмана.

Был еще один подобный случай. Он произошел тоже до революции. Отец с нашим соседом Бурганом на карабудахкентском базаре продавали лошадей. Нашелся покупатель. За одну лошадь он деньги тут же вручил, а за другую клятвенно обещал отдать

через неделю. Когда кадарцы приехали за деньгами, вечерело. На их стук раздался лай собаки, затем отозвалась жена хозяина. Она не открыла ворота, однако заявила, что ее муж никому и ничего не должен.

– Эй, эй! – закричали отец и его товарищ, услышав удаляющиеся шаги, – передай мужу, если сейчас же не вернет деньги, то мы его душу вытряхнем.

Ушла женщина и ни ответа, ни привета. Подождав с полчаса, отец и Бураган подвели лошадей к высокой стене, ограждающей двор, и перебрались на другую сторону. Их яростным лаем встретила собака размером с ишака. Она бросилась на пришельцев, но тут же отбежала, чтобы не попасть под удары кинжалов. Незваные гости вошли в дом, а там за столом восседала вся семья. Бураган в два прыжка очутился рядом с должником и поднял над его головой обнаженный кинжал. Хозяин велел жене принести деньги и не отпустил кадарцев, пока те не отведали угощение.

...Отец мой был ростом, наверное, не ниже 180 см, весом более 100 кг, плечист, ладони большие, руки сильные. У мечети до сих пор лежит камень, именуемый «Баганадали къархъа» – «камень Баганда», на котором он коротал время в старости. Интересно также, что он почему-то никогда на бок не ложился. В последние годы жизни мало общался с людьми, говорил: «Они из другого мира, – имея в виду свой глубокий возраст, – они меня не поймут».

Первая его жена Хайсат рано умерла, когда ему был 71 год. Спустя два года он женился на Байсанат. Правильно в народе говорят: если муж и жена ладят между собою и живут в мире, то они со временем и внешне становятся похожими друг на друга. Под стать моему отцу Багомеду природа подарила долголетие и маме – Байсанат. Она прожила около 100 лет, будучи моложе мужа на 30 лет. И в этом, по-моему, кроется один из секретов их долголетия».

ОДНА ОСОБЕННОСТЬ

Жил в Микрахе человек по имени Али. Был он небольшого роста и если чем еще и отличался от соседей, то тем, что ничего не умел делать, ни к чему не был приспособлен. Джамаат аула решил: коль так, пусть стережет общественный скот. Все-таки польза будет.

Али имел еще одну особенную черту. За всю свою долгую жизнь он ни разу не притронулся к мясу. Люди думали, что Али капризничает. Когда же однажды наступили голодные годы, что нередко бывало в горах, Али также не притрагивался к мясу. Стало ясно, что поведение его вызвано особенностью организма.

Сколько лет пас Али общественный скот – не известно. Но что много десятков лет он добросовестно исполнял обязанности пастуха – это точно.

Однажды в начале осени, когда на альпийские луга оседали туманы, скот Микраха возвратился без Али. Обеспокоенные сельчане отправились на его поиски. Али лежал под скалой. Видимо, решил устроиться на отдых, да так и остался лежать.

Эту историю в 1953 году рассказал С.М. Асланов. Он уверял, что его земляк прожил 123 года, и микрахцы связывали долголетие Али с тем, что тот никогда не употреблял в пищу мяса.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

Иса-уста прожил 105 лет. Он был благодаря своему занятию исключением из «правил» долгожителей Дагестана. Роста Иса-уста был низкого – не выше 140 см. Носил чалму, хотя хадж не совершал. Ни одного дня ни в одной организации не работал. Коль так, в профсоюзе не состоял, значит и пенсию не получал, в дома отдыха не ездил, не отмечал ни один революционный праздник, также не воспринимал он субботу и воскресенье как дни отдыха. Из-за роста его на фронт не взяли, в том числе и на трудовой, да и возраст у него был преклонный.

Зарабатывал он себе на кусок хлеба странным образом. Всякий хлам, который мы именуем металлоломом, собирал, тащил к себе во двор, сортировал, приводил в божеский вид, чтобы затем выставить на базаре. Смотришь, этот купит шуруп, тот – винтик, третий – кусок алюминия, четвертый – паровой утюг... Вот так он решал свою «продовольственную программу». И так изо дня в день.

Молодежь любила над ним подтрунивать:

– Ну, зачем вам, Иса-уста это барахло?

– То, что вы называете барахлом, люди у меня покупают.

Иса-уста Курбанов из Чуртаха, или как его еще в народе называли «Чивиса-Иса», был дважды женат. Ему пошел 80-й год, когда он второй раз женился, а новой супруге было 40. Иса-уста и ее пережил. И было у него два сына.

БЕЗ РУКИ ДО 100 ЛЕТ

Али Каяев писал, что, когда шамхалы окончательно переселились на плоскость, вместо себя в Кумухе оставили халклавчи. Из них особым авторитетом пользовался Алибек. Он по первому сигналу с дружиной мчался к месту события. Когда Алибек умер, то оказалось, что в живых его детей уже не было. Зато от одного из его сыновей оставалось семеро внуков, а от другого – один. Халклавчи собирались сделать одного из семерых братьев. Однако казикумухцы их не любили, тем более их заносчивую мать.

Старики Кумуха отправились к вдове того, второго с просьбой дать согласие, чтобы ее сын Сурхай стал халклавчи. Вдова дала согласие. И 20-летний Сурхай сделался главой Кази-Кумуха и его окрестностей. Видя такой оборот дела, братья ушли в Акуша. Сурхай предложил им вернуться в Кази-Кумух, обещая мир и покой. Те не поверили. Тогда халклавчи предложил в поединке решить вопрос о власти, чтобы не было обид.

Произошло невиданное: один Сурхай дрался против семерых братьев. И представьте себе, победил, хотя лишился в поединке кисти левой руки. С тех пор в народе его называли «Чолак Сурхаем» – безруким Сурхаем. Он укрепил Кази-Кумух, построив крепость. Расширил свои владения до Ширвана в Азербайджане.

Чолак-Сурхай дважды сражался с полчищами Надир-шаха. Силы были неравны и, в конце концов, персы вошли в Кази-Кумух, и халклавчи оказался в плену. Его в цепях доставили в Дербент. Войска шаха укрепились на Турчи-даге. Среди полководцев-дагестанцев

особую роль играл сын халклавчи – Муртузали, который во время боя внезапно скончался. Объединенные силы дагестанцев в районе Мегеба, Согратля и Чоха разгромили войско Надир-шаха, остатки которого бежали на плоскость.

В Дербенте Чолак-Сурхай сказал шаху: «Я стар, и мне пора умирать. Разреши вернуться домой». Его отпустили. В это время пришла весть о смерти Муртузали. Визирь говорит Надир-шаху: «Прикажи вернуть Чолак-Сурхая в Дербент».

– Зачем?

– Тебя спросят, – отвечал визирь, – что, потеряв столько войск в Дагестане, ты взял взамен? Верни его, чтобы ответить: «Взял дагестанского хана!»

Преследователи вернулись ни с чем. Чолак-Сурхай со своим слугой так схоронился в лесу, что его не нашли. Халклавчи благополучно прибыл в Кази-Кумух.

Али Каяев сообщает, что Сурхай-хану в ту пору было около 100, и ему было не до управления ханством. Халклавчи был избран Магомед-хан, другой сын однорукого Сурхая.

ЗАБЫЛ, ЧЕЙ ТЫ СЫН?

Урдаш из Гергебиля был храбрым соратником Хаджи-Мурата. Авторитет имел непоколебимый. Первый раз Урдаш женился молодым. От этой жены было двое сыновей. Потом жена умерла. Урдашу шел 90-й год. Однако он решил еще раз испытать себя. Взял 18-летнюю красавицу. Ни она, ни родители не противились: все еще действовал авторитет Урдаша, храбреца и соратника Хаджи-Мурата. Но вот прошло какое-то время и в ауле стали поговаривать, что красавица неверна своему мужу. Призвал Урдаш своего 19-летнего сына от первой жены и потребовал: «Мама твоя изменяет, повелеваю: убей ее!». Сын ответил отцу так: «Она мне не мама, потому не стану ее убивать!». Урдаш на это: «Ты забыл, чей сын? Ну, хорошо. Мне самому придется смыть позор. Тогда посмотрим, останешься ты в стороне, если отца твоего начнут убивать!».

Наконец, он увидел, как около его жены крутится любовник. Решил действовать кинжалом. Лезвие о черкеску врага вытер и сказал: «Теперь погуляй с моей женой».

Аксакалы решили, что лучше будет, чтобы Урдаш покинул Гергебиль. Он поселился в ауле Чукна. Там и умер. Поживая один-одинешенек, Урдаш дотянул до 120-летнего возраста.

МНОГО ЕЛ МЯСА

Большим мастером по изготовлению серпов, ложек в Гергебиле был Кудияв-Абдулмажид (большой Абдулмажид), потому что был роста выше среднего, плотно сложен. Много ел мяса. Курил. По случаю прикладывался и к вину. На здании сельского клуба до сих пор есть два висячих, вплетенных друг в друга, каменных кольца. Их также смастерил Кудияв-Абдулмажид. Умер он еще до гражданской войны в возрасте около 100 лет, а жена его Маната скончалась и того позже – в 106 лет, где-то в 1963 году. Старшей из двух дочерей в 1973 году было 90 лет.

Как и Абдулмажид, Исак был мастером на все руки. В отличие от земляка, знал арабский язык. Не курил, не пил. Из еды любил жирное. До конца жизни ел мясо, употреблял фрукты. Никуда из аула не выезжал. Умер в глубокой старости. Жена его – Ажа, пережила мужа на несколько лет.

БЫЛ ЗНАКОМ С ШАМИЛЕМ

Магомед из Гергебиля прожил 104 года. Умер еще до революции. Знал имама Шамиля и был близок к нему. Жена его – Патина погибла во время гражданской войны, в возрасте более 100 лет. Считают, что она погибла, когда в Гергебиль пришли в 1919 году белоказаки. В ауле произошел бой, женщина попала в перепалку и погибла.

О Магомеде надо сказать, что много времени он отдавал земле, ходил и за овцами. Любимыми блюдами считал хинкал с чесноком, мясо, фасолевый суп. Из винограда сам готовил чихирь. Пил. Но вот курить не курил. Умер, заболев тифом.

У Магомеда и Патины было четверо детей, никого в живых не осталось.

ГЕРГЕБИЛЬСКАЯ ВСТРЕЧА

Абдуразаку из Гергебиля было за 100 лет. Лечил вывихи, переломы, раны. Сам из трав готовил лекарства. Примечательно, что человек этот написал труд «Книга лекарств» (на арабском языке, где приводил в алфавитном порядке рецепты и способы лечения от той или иной болезни). Житель Гергебиля, садовод, 1903 года рождения Гамзат Каймаразов, рассказывал мне, что народный лекарь Абдуразак вылечил у него перелом голени, рану на черепе.

Летом 1973 года в Гергебиле по моей просьбе сумели собрать трех женщин и одного мужчину, возраст каждого из которых превышал 100 лет. Сделать это было нетрудно, так как женщины были сестрами, а Магомед – их братом. Имена сестер: Зухра, Жувгарат и Патимат Абдулмаликовы. Первой из них, Зухре Мусаевой, было 102 года. Работала по дому. Любила сладости, фрукты.

Зухра терпеть не могла, когда напоминали, что ей 102 года. Обижалась. Она говорила так: «В ауле есть люди старше меня. С ними о возрасте беседуйте. А со мной давайте веселиться, кушать, болтать». При мне она плела шерстяные нитки. Зрение у нее, как и у сестер, отличное. Могла нитку продеть сквозь игольное ушко. Это продемонстрировала для меня, специально. Слух также сохранился. И в памяти ей не откажешь. Любит вспоминать о временах Шамиля, но у нее свое представление о той эпохе, и о вожде горцев – возвышенное, более романтичное. Не прочь она и людей послушать. Не перебивает. Никогда не ругается, только пожурит детей, младших хлопнет по одному месту, так – для порядка.

Сестры Зухры, Жувгарат и Патимат, также разменяли по 100 лет. Мужья их умерли в возрасте 70-75 лет. У Зухры было в живых двое детей: мельник Муртазали – 75 лет и 65-летняя домохозяйка Патимат. У Жувгарат из пяти детей остались две дочери:

Патимат – 72 года и Аминат – 65. У третьей сестры из троих детей остался один – 65-летний Магомед – рабочий совхоза. Интересно заметить, что и отец сестер – Муса Магомедов прожил 100 лет. Погиб в Гергебиле в гражданскую войну. Жена умерла чуть раньше, в преклонном возрасте.

Зухра, Жувгарат и Патимат аккуратно держали уразу, молились. Сами любят посмеяться и других смешат. Раньше танцевали. Патимат при случае для потехи публики и сейчас выходит в круг. Любят театральные постановки. Непременные зрители, когда приезжает Аварский театр. Кино не знают: не ходят. Обязательным считают для себя пребывание на свадьбе. Сколько интересного! И людей посмотришь и себя покажешь!

На мой бесцеремонный вопрос – почему долго живете, отвечали так. Одна: время не настало умирать. Другая: природа такая. Третья: Аллах не позвал. Одна из них, смеясь, добавляет: «Вот поем в последний раз хинкал, тогда и умру!».

Я спросил, видят ли они сны. Зухра: «Вижу давно умерших. Будто живые». Патимат: «Вижу. Но проснусь и тут же забываю». Третья не отвечала.

А каковы любимые блюда? Зухра: «…молоко, больше чем мясо, чай пью больше чем холодную воду. Мне чуть дышать трудно, а горячее помогает. Сплю в комнате, но дверь постоянно открыта». Спать она ложится в 12 часов ночи. Встает в 4 утра. Патимат предпочитает сладкий чай, хинкал, сыр, ложится в 10 вечера, после молитвы. Половину ночи не спит. Колени болят. Жувгарат на эти вопросы предпочитает не отвечать. Нет, не из каких-либо особых соображений, а просто не может по-настоящему сосредоточиться.

Я задал сестрам еще два вопроса: самый счастливый и самый несчастный день в жизни. Они дали один ответ на оба. Зухра: счастливой была девичья жизнь, до замужества, каждый день был по-своему хорош. Патимат: меня всегда сопровождала печаль, особенно, когда умерли сын Гамзат и дочь Патимат. И все-таки, и та и другая признались, что семейная жизнь сложилась у них счастливо, только вот мужья рано умерли. Жувгарат опять молчит. Она улыбается: «Что? Счастливый день? Это каждый день, который ты живешь – это сегодня, завтра…»

И еще один вопрос: «Чего бы вам хотелось, Зухра?». «Не могу ходить в огород. Далеко. Вот бы мне молодые ноги. Говорят, что врачи все могут. И еще: я получаю только 20 рублей пенсии. Не очень ли мало даже для 100-летней женщины?» Патимат: «Я тоже получаю 20 рублей. Слава богу, кругом хорошие люди, не забывают». Жувгарат по обыкновению своему молчит и согласно сестрам кивает головой.

Двоюродным братом этих сестер являлся старожил Гергебиля Магомед Умарчиев. Ему также перевалило за сто лет. Работал дорожным мастером, на консервном заводе подрядчиком, в сельсовете. Не скрывает, что много пил. В молодости курил. Бросил. Держит уразу, молится. «Что делать? – говорит он, – люди моего возраста все молятся».

Очень веселый человек дедушка Магомед. «На сердце ничего дурного нет, – как бы отвечает он на мой немой вопрос о долголетии. И еще добавляет: не знаю, почему долго живу. Бог не позвал… А может еще что... Много нельзя кушать... Надо уметь быть сдержанным, не то тяжелеешь... Слушаю радио. Сплю в коридоре. Там все удобства, хорошо сплю. Когда однажды заболел, признаюсь – испугался, хотелось еще жить, поэтому бросил пить коньяк. Еще болел холерой. Когда? Давно (наверное, в холерном 1892 году, 80 лет назад). Пил много. Даже сейчас иногда прикладываюсь к вину (услышав слова брата, Зухра и Патимат смеются). Был партизаном, действовал в ревкоме Гергебиля в 1919 году, а в 1920 году находился в отряде Лапина, латышского командира, а затем у лакца Магомеда Хашаева был. Он сейчас живет в Махачкале. Можете спросить. Воевал у Изы Чопанова, Джамалутдина Даибова. Где только не был, чего только не видел...»

По правде говоря, в дальнейшее его повествование не особенно поверил. Но на следующий день, когда уезжал, провожавший меня военком Гергебильского района Расул Нурмагомедов спросил: «А Магомед Умарчиев рассказал о своем подвиге?»

– О каком?

– Удивительно, – развел руками собеседник, – или дедушка начинает забывать, или сохраняет скромность, прожив и 100 лет. Вот послушайте. Магомед Умарчиев был бегаулом Гергебиля. В 1919 году пришли деникинцы. Магомед спрятал девятерых красноармейцев из отряда Лапина. Всех спас, переправил к своим. Об этом знает все старшее поколение. Он же создал первый партизанский отряд в селе. У него имелось удостоверение от Лапина...

– Нет, – говорю я военкому, – ничего этого мне он не рассказывал. Давайте вернемся к нему.

В тот день, когда мы беседовали (14 июля 1973 года), у него на завтрак был сладкий чай с хлебом; вообще ест он два раза в день. Вот что он еще рассказал:

– Самое счастливое время – молодость, до женитьбы. Два раза был женат. Вполне достаточно. С последней жил 74 года. Семейная жизнь была счастливой. Сейчас несчастен – невмоготу жить без жены. Это я хорошо понял, когда умерла моя последняя жена Манаша, в возрасте 91 года. Самое печальное время, когда шла война, в ауле получали повестки о смерти того или иного гергебильца. Страшнее не бывало дней. Чего бы я хотел? Чтобы сохранилось зрение, вернулся бы слух. А то, когда люди, разговаривают со мной, они вынуждены кричать, а мне стыдно.

Мы беседовали на веранде. Мои собеседники устроились на низких табуретках о трех ножках, какие встречаются в аулах. Сидели они как изваяния, но очень скоро мои вопросы их стали смешить. Теперь старухи и старик не чувствовали себя скованными, наоборот, наперебой старались первыми ответить на очередной вопрос, нередко даже перебивали друг друга. Одеты были по старинке. Бедно и в не совсем свежее белье. По моей просьбе они рассаживаются на стульях со спинками, позируют, улыбаются или напускают серьезность. Это выглядит смешно, жаль, что у меня не было кинокамеры.

Я благодарю их за беседу, за терпение, а старики говорят, что они мне благодарны. «Мы сегодня узнали, – произносит одна из сестер, бабушка Зухра, что и нами могут интересоваться». А Магомед Умарчиев по-русски добавляет: «Не утильсырье!» – и заразительно смеется своей находке. Смеюсь и я. Слова деда переводят сестрам. Те хохочут. Мы тепло прощаемся...

* * *

Немного статистики... Летом 1973 года в Гергебиле были зарегистрированы следующие долгожители: Хайбат Омарова – 1882 г., Мусал-Омар Амиров– 1887 г., Алипат Маллаева – 1882 г. И еще 39 человек рождения до 1888 года. Одна особенность отличала Гергебиль от многих мест: из 44 долгожителей только семь было мужчин. Гергебиль 1973 года по долгожителям мог претендовать на место в Книге рекордов Гиннесса: в небольшом дагестанском ауле проживало около полусотни людей, перешагнувших возраст в 90 и 100 лет. Найдите еще такое место на земном шаре!

В ЗАОБЛАЧНОМ КУРУШЕ

Выдающийся геолог и альпинист Андрей Васильевич Пастухов в 1892 году застал в Куруше трех человек, возраст которых перешагнул 100-летний рубеж. Ахмеду-ага было 105 лет, Голю-Ильяс-Оглы – 110, а Гаджимураду Агамурад-оглы – 113 лет. Кроме них, в возрасте от 90 до 100 лет в Куруше насчитали семь человек, до 90 лет – двенадцать, 80 лет – более тридцати горцев. А за год до приезда Пастухова, оказывается, скончался 120-летний Казым-Магомет Риза-оглы. В Куруше геолог записал одну трагикомичную историю.

90-летний Ман-Верди женился на курушинке, которая обещала ему за это 200 рублей. Женщина оказалась хитрой, водила его за нос, заговаривала старика, сладко пела ему. Но муж дал ей развод. Прошло некоторое время, женщина снова соблазнила старика деньгами. Но и на этот раз плутовка обманула суженого... Так происходило четыре раза. В 5-й раз, когда он вернулся к коварной женщине, она скончалась от холеры. Деньги, наконец, достались Ман-Верди.

«Женщин, пожелавших выйти за него замуж, оказалось, – писал Андрей Васильевич, – так много, что он выбрал себе 20-летнюю девушку...»

Пересказав эту историю, А. В. Пастухов добавляет: «Самый ранний возраст, в котором вступают курушцы в брак, семь лет, и несмотря на то, что в этом возрасте курушские дети выглядят все еще совершенными младенцами, новобрачные начинают совместную жизнь со дня заключения брака, и с этого дня жена переселяется в дом своего мужа».

Долговечность жителей Куруша обуславливалась здоровым, чистым горным воздухом, стабильным образом жизни, отсутствием увлечения спиртными напитками, чистотой нравов. В этой патриархальной горской общине мужчина, соблазнивший девушку, был бы убит; если бы девушка, вышедшая замуж, оказалась беременной, то такой женщине отрезали бы губы и уши, прогнали бы из аула навсегда.

Главной пищей курушцев являлись мясо и молоко. Хлеба своего не хватало, чтобы спуститься вниз, ни свободного времени, ни удобных дорог не было. Сама жизнь в заоблачном Куруше сродни героизму.

При советской власти кого уговором, кого приказом переселили на плоскость, в Хасавюртовский район, где извечные скотоводы, курушцы, занялись виноградарством и выращиванием огородных культур. А в старом Куруше оставалось только 70 хозяйств. Лет 30 назад, когда я в очередной раз побывал там, познакомился с 96-летним Р. Талибовым. Подвижный, шумный горец требовал, чтобы все молчали, когда он говорит. Причуды Талибову сельчане прощали, так как после всех перетрясок он был в ауле единственной достопримечательностью.

В КУРУШЕ ЖИВУТ ПО 150 ЛЕТ

В 1722 году император России Петр I оставил кумыкскому владетелю Адиль-Гирею Тарковскому десять солдат, барабанщика и одного унтер-офицера, которые должны были составлять почетный караул шамхалу и ежедневно играть по утрам «зарю», по вечерам «отбой» – как это делалось во всех крепостях России.

Не известно, как сложилась судьба всех двенадцати воинов, но когда в 1735 году на Дагестан ринулась орда персидского шаха Надира, то трое солдат из тех, что были «подарены» шамхалу Адиль-Гирею, каким-то образом очутились в высокогорном лезгинском ауле Куруш. Может, все двенадцать человек были захвачены персами и прошли все круги ада, но в какой-то момент на границе с Азербайджаном троим удалось бежать из плена...

После похода Петра I в Дагестан минул сто пятьдесят один год. В 1873 году, исследуя растительность высочайших горных вершин Дагестана, Базардюзю и Шалбуздага, в Куруш приехал академик Александр Беккер. Сельский староста показал ученому местные достопримечательности, познакомил с двумя древними стариками, каждый из которых прожил по 150 лет. Они отличались жизнерадостностью, добротой, хорошей памятью. Один из них припомнил, как в десятилетнем возрасте видел в Куруше русских солдат из отряда Петра I, которые во время нашествия Надир-шаха попали в его аул.

– Вы, наверное, дурно обращались с ними? – спросил академик. – Вы мусульмане, а они были христианами…

– Зачем же было дурно обращаться с этими добрыми людьми, – отвечал старожил, – мы прежде жали пшеницу у самых колосьев, а они научили нас жать у самого корня...

Русские солдаты до самой смерти оставались в Куруше, и были похоронены на местном кладбище...

ГОРЫ НЕ ЛЮБЯТ ОДИНОЧЕК

Высшая точка Дагестана гора Базардюзю находится на границе с Азербайджаном. Ее высота над уровнем моря 4466 метров. Более 150 лет она привлекает внимание горовосходителей. Вершина Ба-

зардюзю покрыта вечными снегами. У ее подножия прилепил свои сакли лезгинский аул Куруш. Выше него над уровнем моря нет ни одного европейского населенного пункта. И действительно, стрелка моего альтиметра в Куруше показала 2500 метров над уровнем океана!

В 1868 году на Базардюзю поднялся геолог Александров. Его сопровождал 18-летний курушец Бердиханов. На вершине горы они соорудили тур, у основания которого приезжий оставил золотую монету. И восхождение, и спуск обошлись без особых приключений. За услуги Александров подарил курушцу пять золотых монет. Еще слышалось эхо от стука копыт лошади покидавшего Куруш ученого, а Бердиханов собрался за монетой, оставленной в туре. Сельчане уговорили его не делать этого, так как горы не любят одиночек. Он послушался.

Товарищ первооткрывателя Базардюзю Александрова Бердиханов прожил 95 лет и скончался в 1945 году.

ШЕЙХ АБДУЛЛА ИЗ ИРГАНАЯ

В августе 1965 года в одной из гостиниц Дамаска остановились артисты ансамбля «Лезгинка». Весть об их приезде быстро разошлась по столице Сирии. Очень скоро к артистам заявилась большая делегация из дагестанцев, живущих по разным причинам на чужбине. Среди них выделялся среднего роста пожилой человек в чалме, опирающийся на унцукульскую палку. После «Ассаламу алейкум» и ответного приветствия началось знакомство. Старика представили как шейха Абдуллу. Приезжих крайне удивило, что ему 99 лет. Когда Абдулле было всего 5 лет, он с отцом выехал из Ирганая. Абдулла много работал над собой, совершенствовался. Учился он у шейха Шарабутдина из Гергебиля и настолько преуспевал, что когда тот умирал, своим преемником назначил Абдуллу. Прожив на турецкой земле 20 лет, он выехал в Сирию. Здесь шейх Абдулла приобрел широкую известность, к нему стекались паломники, появились ученики, последователи... Вот что рассказал участник поездки в Сирию, солист «Лезгинки» Зайнутдин Магомедов:

«У шейха Абдуллы, как нам рассказали, было 6 тысяч мюридов, они до фанатизма были преданы своему учителю и почитали старца, как святого. Его последователи имелись не только в Сирии, но и в Аравии, Иордании, Ираке, на острове Кипр. Приезжают к нему на поклон, поучиться у него. В Сирии есть несколько деревень, население которых целиком дагестанцы. Язык общения у них аварский. Все они переженились. И все подчиняются шейху Абдулле, хотя бы потому, что, если по какой-то причине оказываются в поле зрения полиции, то выручает их авторитет дагестанца.

В наш приезд шейх Абдулла имел бодрый вид, быстро передвигался. Он был небольшого роста, сухощавый, с седой бородой. Отлично владел родной аварской речью, использовал при общении арабские и турецкие слова, несмотря на свой сан, заразительно смеялся. Нас, артистов, так просто он не отпустил. По его указанию зарезали барана и приготовили аварский хинкал, приправленный чесноком. Трапезу проводили за длинным столом, где сидели, кроме артисток и женщин с его стороны, и его внучка Самира, собиравшаяся учиться в университете им. Лумумбы в Москве.

У шейха Абдуллы было несколько жен из дагестанок, были и арабки. Видели мы и красивую турчанку 20 лет. Была у него еще симпатичная курдка такого же возраста. Однажды он застал их дерущимися. Разобравшись, кто виноват, шейх курдке показал на дверь.

Годовой денежный доход шейха составлял 11 тысяч сирийских фунтов, кроме того, у него имелось недвижимое имущество, в том числе мечеть, расположенная напротив его дома и построенная за его счет. От него мы узнали, что внук Шамиля, генерал Гази, исполнял должность начальника генштаба иракской армии. После смены правительства его арестовали и приговорили к смертной казни. Однако ему удалось бежать из тюрьмы и поселиться в Лондоне, хотя семья оставалась в Багдаде.

Еще шейх поведал о другом внуке имама – Саидбее, влияние которого простиралось настолько далеко, что он мог смещать министров турецкого правительства. Это, конечно, не всех устраивало. Саидбея обвинили в заговоре и арестовали. Он бежал в Медину и поселился у своей тети...

Шейх Абдулла призывал свою молодежь переехать в Дагестан. Для себя такую задачу он считал неисполнимой, так как возраст не позволял. Кроме того, жены, дети и имущество, говорил он нам, приковали его к чужбине как тяжелые цепи».

«...Мы, – рассказывал еще Зайнутдин Магомедов, – встречались на чужбине с другими долгожителями-дагестанцами. И среди них – с женщиной с открытым лицом, 90-летней Зайнаб из Кулецма. Ее муж 115-летний Магомед был выходцем из Кородa. Он 25 лет проживал в Мекке. Уехал в хадж, да и остался там. У него гостит каждый год шейх Абдулла. Зайнаб и те, что встретились с нами, спрашивали у нас, правда ли, что в Советском Союзе жены общественные, люди питаются только в столовой, детей забирает государство, из трупов стариков варят мыло и т.д. и т.п. Пришлось их разубеждать, не всегда удачно. Хозяева были удивлены, что в Дагестане каждый народ имеет свои театры, газеты, школы, журналы.

Мы дали 13 концертов в Сирии – в Дамаске, Латани, Алеппо, Хомсе – при переполненных залах. Нам очень хотелось среди зрителей увидеть шейха Абдуллу, однако знаменитый дагестанец, сославшись на свой высокий сан, не явился...»

Заканчивая свой рассказ, Магомедов добавил: «Мы по пальцам считали оставшиеся до отъезда дни. Во время концертов понимали, что являемся полпредами Дагестана и ударить лицом в грязь нельзя. Я это к тому говорю, что если бы шейх Абдулла покинул Дагестан не ребенком, а взрослым человеком, то тоска по родине сократила бы сроки его пребывания жизни на чужой земле».

СОКУР-ГЕРЕЙ

Ровно в полдень 21-го апреля 1956 года рейсовым автобусом я прибыл в сел. Эрпели Буйнакского района. На окраине аула мне показали саклю-развалюху, принадлежащую последнему из князей Гереевых. Я застал его прилегшим на ничем не прикрытом матраце. Это выглядело ужасно! Князь глядел в мою сторону, но меня не видел. Он был слеп.

В двух метрах от его сакли начинался обрыв, на дне которого сонно журчала Эрпели-озень. За каньоном виднелись леса с живописными полями, а еще дальше небольшие горы, отделяющие земли Эрпели от Манасаула и Агачкалы.

Мне предложили небольшой стул, я раскрыл блокнот и стал записывать то, что рассказывал последний из могикан рода Гереевых.

– Меня зовут Герей, – начал он, – отца – Эдиль, дедушку – Атай, его отца – Герей, далее: Махди, Булайчи, Мусавус, Султан-Ахмед, Умалат, Гази-Хан, Сурхай-Хан. Мой отец Эдиль, дай Аллах ему покой на том свете, не просто был лично знаком с Шамилем, а служил у него, временами возвращаясь в родное село. После пленения имама Эдиль уже не покидал Эрпели. Жил он в томель-ауле (нижней части села), где имел крепкий дом. Наш аул шесть раз подвергался разрушению. После шестого раза моим родственникам пришлось переселиться в верхнюю часть Эрпелей. С тех пор прошло, по-моему, 95 лет (переселение могло быть примерно в 1861 году). Нам принадлежали земли от Аварского Койсу до казанищенских земель, далее – до границы Капчугая и Торкали–Чирюрт и смыкались на реке Сулак. Четыре поколения назад жители Эрпели два дня косили на нас, два дня пахали и столько же дней убирали урожай. Каждая семья должна была доставлять нам воз дров. Имелись и рабы, они бывали у людей даже со средним достатком. Рабов можно было купить как вещь. Их приобретали во время войн или набегов на Грузию. У моего отца Эдиля были рабы, хотя русские еще 70-80 лет назад отменили рабство. Но они не захотели уйти на свободу, привыкли к своим хозяевам, остались здесь навсегда. Впрочем, они такие же рабы, как я бий-князь...

Я с князем Гереем вел беседу более часа и вдруг он четко и ясно произнес мое имя. Не забыл, хотя я только один раз назвал себя. Мою настойчивую просьбу прилечь на матрац он категорически отверг, говоря, что ему удобнее сидеть, чем, как чурбану, валяться в присутствии постороннего человека.

Герей худ и от 100-летнего загара смугл, руки жилисты, черные от лучей солнца и не меньше от работы. Роста, как мне показалось, наверное, среднего – на голове облезлая папаха, глаза слепые, направлены в ту сторону, где находится собеседник. Он ничего не видит, поэтому его называют: «Сокур Гереем», т.е. слепым. Правильной формы маленькая бородка и усы, но чувствуется, что к ним давно рука человека не прикасалась. Рядом, согнувшись почти до пола, устроилась его супруга Чакар. Она прислушивалась к нашему разговору, ни разу не перебивая.

«Я работал в поле, – говорил мой собеседник, – имел дело и с арбою. Жил, как и другие, платил налог. Помню, когда шла русско-японская война, я записался в артель. Нет, не в русско-японскую войну. Это во времена пришествия Ленина к власти. Когда же артель в 1930 году разрушили, вошел в колхоз. Половина села отказывалась идти в колхоз. Лихорадило два года, некоторых сослали в Казахстан, а меня почему-то не тронули, был стар, кому я мог навредить?

Я проработал в колхозе 21 год, а жена до сих пор трудится там, хотя родилась в 1870 году. Кормит меня и себя. Колхоз не помогает, отсылает к дочери и сыновьям: пусть они обратят на вас внимание. Никогда не жаловался, рассказываю тебе, но если где-нибудь твоя запись появится, то «пан или пропал» (фразу он произносит по-русски). Сперва в колхозе я вырабатывал до 70 трудодней за месяц. После арбы перешел на триер, затем на машину (я не уточнил, что за машина. – *Б. Г.*), далее в мастерской помогал качать меха, чем еще больше повредил глаза. Ушел с работы в 1952 году.

...Сегодня мы пили чай с хлебом. Вечером жена подаст кукурузную халпаму с нутряным жиром. Оба молимся и держим уразу. Умею по-арабски читать и писать, но сейчас повожу руками, а видеть-то не вижу. Ни один человек – ни из колхоза, ни из сельсовета – к нам не приходил. Но сегодня у нас праздник, ты пришел, хотя не знаю твоих намерений. Все забыли нас, впрочем, и раньше интересовались не нами, а нашей работой.

У меня были две коровы и два быка. Быки погибли, свалившись с кручи, одну корову забрали, а вторую в 1944 году мы нашли в лесу зарезанной дезертирами. Мы остались без молока, жира и масла. Колхоз опять отправил нас к дочери и сыновьям за помощью. Меня, слепого, жена могла бы бросить, но она, видимо, до конца жизни решила мыкаться со мною. Она и дрова носит на себе и еду готовит и меня сторожит. Моей сакле 95 лет, а рядом стена к стене дом, отобранный у нас, построенный 250 лет назад. Наша крыша протекает, беда, когда дожди начинаются, а зимой и того хуже.

Селу нашему 250 лет. На кладбище я не нашел могильных плит старше этой даты. Люди в эти места пришли с гор, точнее – из аула Тануси. С ними воевал шамхал. Человек по имени Будайчи построил здесь шалаш и воткнул кол. К нему стали стекаться и другие. Вокруг были дикие леса со зверями и дичью. Дома строили из дерева. Народ поддерживал Будайчи. Так началась жизнь в Эрпелях. А название происходит от «эр» – смелые, крепкие люди, а «пели» – люди, идущие по их пути...»

Нет, Сокур-Герей не был изолирован ветхими стенами своей сакли от остального мира. В частности, он, вспоминая знаменитого в прошлом бригадира овощевода Далгата Алиханова, возмущался: «Ему должны были платить не менее трех тысяч рублей, выделить усадьбу, чтобы устроить спокойную жизнь, но не дали, не сделали, живет так же бедно и

плохо, как и я. – И добавляет: – Я-то не из простых крестьян. А за что же его власть обижает? Не пойму я этого своим потухающим от старости умом».

ЕЩЕ О НЕМ

Мне удалось встретиться с правнучкой Сокур-Герея А.А. Гереевой, врачом. Решил, что воспоминания Аиды Ахмедовны с новой стороны дополнят портрет последнего из эрпелинских князей. По ее словам получалось, что временами Сокур-Герей совершал непредсказуемые поступки.

– Например?

– Например? В один прекрасный день он внезапно уехал в горы, похитил юное создание и был таков. И вот в одночасье у Уцуми, Биякая и их сестры Разият появилась мачеха по имени Чакар и по возрасту ровесница одному из сыновей Сокур-Герея. Кто видел его на закате жизни, не поверит, что мой прадед модно одевался – костюм, кожаный плащ, шляпа. Зубы чистил солью, и они у него сохранились до глубокой старости. Приударял за вдовами, играл в карты, водил компании. Его дом никогда не пустовал. К нему приезжали интересные люди из самых разных мест, а Амир-Аслан приезжал из Баку, притом специально. В каждом шаге, поступке Сокур-Герея чувствовался человек из княжеского рода.

Он дожил до 106-летнего возраста. Последние три дня жаловался на боли в области живота. Вот тогда-то собрал родственников и сказал: «Я, как вы знаете, из княжеского рода, потому мог бы любую приглянувшуюся эрпелинку взять в жены. Однако выбрал Чакар из Унцукуля. Так судьбе было угодно. Не обижайте ее».

Чекисты не трогали его. Да и зачем им нужен был слепой князь, живший в землянке, одетый в лохмотья и передвигавшийся в обуви на босу ногу.

О ЧАКАР

«Она обладала необыкновенным темпераментом, высоким ростом, и большими руками. На бледном лице выделялись голубые глаза. Великая труженица. Ни минуты не знала покоя. Входила в трудовое звено знаменитых эрпелинских старожилов. Сокур-Герей подсчитывал, сколько и чего должна была получить за свои трудодни Чакар. Говорил жене: «Столько-то килограммов кукурузы, фасоли, картофеля». Чакар слушала его. И каждый раз убеждалась, что не у всех в колхозной конторе чистые руки.

Умерла Чакар, перешагнув 97-летний возраст.

Их сын, Уцуми, считался первым в селе садоводом-селекционером. Его сад в «Уллу-Ораме» давал прекрасный урожай яблок, груш, слив. Местные жители объясняли, что известные сорта фруктов названы его именем: «Уцуми-алма», «Уцуми-хармурт». Им выведенные яблоки сохраняются до мая месяца.

Уцуми имел пасеку, держал скот. Но заболел бронхиальной астмой. Пришлось все забросить и переехать ко мне, в Махачкалу. Я сама лечила его. Прожил Уцуми 83 года», – завершила свой рассказ Аида Гереева.

ПОХОРОНИЛИ КАК ЗАВЕЩАЛ

А эту историю мне рассказал писатель Багадур Гамзатов.

Амирхан из Нижнего Дженгутая много времени проводил на охоте. Глаз имел меткий. Однажды я оказался с ним на кладбище.

– Посмотри, – указал он на могильную плиту, на которой сидела птичка-невеличка, – сейчас ее не будет!

Раздался выстрел. Я подбежал. У подножья плиты валялся мертвый комочек. Я не знал: то ли восхищаться меткостью охотника, то ли печалиться по убитой птице. Вместо этого я спросил у Амирхана о его возрасте. «87!», – ответил старик.

После этого случая я как-то раз со своим товарищем на лесной поляне заметил орла. Громадная птица как-то странно сидела на пне. Вооружившись палками, мы стали подходить к ней. Орел не взлетал, а только раскрывал клюв и шипел. Подойдя ближе, увидели следы крови на одном крыле. Я стал отвлекать орла, товарищ, осторожно подойдя сзади, накинул на птицу свою куртку. И понесли ее к дедушке Амирхану. Тот очень обрадовался. Мы с ним соорудили нечто вроде шалаша, где орел мог бы укрыться от непогоды. С того дня не только я с товарищем, но все аульские ребята приносили пищу израненной птице. Такое внимание не прошло даром. Очень скоро орел стал размахивать выздоравливающим крылом. Настал день, когда птица могла уже взлететь, Амирхан дал нам нож, и мы с другом торжественно разрезали шпагат, с помощью которого держали птицу в плену. Орел взлетел под ликование всех аульских ребят и поплыл в воздухе. Было видно, что ему все еще трудно держаться, не пролетев и 100 метров, он опустился посреди двора одного из дженгутайцев, где разгуливали куры. Поднялся переполох. Мы с Амирханом и детвора не успели подбежать к месту происшествия. Ударом кинжала сельчанин снес птице голову. Как же сокрушался Амирхан и клял своего соседа на чем свет стоит, хотя тот не совсем понял, в чем дело.

Поведение Амирхана меня крайне удивляло. Маленькую птичку он убил не раздумывая, а орла с перебитым крылом жалко стало?

– Видишь ли, – отвечал мне дед, – та маленькая птичка приносила много вреда, поедала пчел, а орел... – Тут, видимо, ему не хотелось дальше говорить…Он закончил: – Сам понимаешь, одно слово «орел».

Умирал Амирхан лет через десять в возрасте около 100 лет. Позвал к себе старшего сына Ильяса и, показывая на винтовку, сказал: «Положишь рядом со мною!». Когда же сын попробовал уговорить, доказывая, что нет такого обычая, хоронить людей с вещами да еще с оружием, тот перебил: «С ней вместе прошла моя жизнь. И за плохое и за хорошее на том свете ответ вместе будем держать!»

Так и сделали. Если будете на нижнедженгутаевском кладбище, то среди могил можете увидеть каменную плиту, на которой высечено имя Амирхана, дата смерти и рисунок старинного оружия.

ИСТОРИЯ

Продолжаем публикацию серии статей профессора ДГУ доктора исторических наук Тамерлана Гаджиева, рассказывающего, что собой представляет государственность Дагестана в ее историческом развитии. В прошлом номере журнала говорилось о первом государственном образовании на территории Дагестана – царстве Сарир. Следующим этапом стало шамхальство.

Тамерлан ГАДЖИЕВ

ШАМХАЛЬСТВО – ВТОРОЙ ЭТАП ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Шамхальство, как царство Сарир, не нуждается в каком-либо уточняющем определении, иного государства с тем же названием не существовало. Определение «Дагестанское», данное ему в 1963 году, имело большой внутренний смысл. Часто используемое определение его как «Кази-Кумухское» неприемлемо с научной точки зрения и вносит дополнительную путаницу в понимание процесса развития дагестанской государственности.

Оно могло иметь смысл, если бы небольшое в IX–XI веках «владение», а на самом деле этнотерриториальное образование *Гумик* стало собирателем дагестанских земель, как, к примеру, княжество Московское. Но таковых данных нет, а источники, в которых исчезает название *Сарир,* сразу начинают говорить о значительном по меркам Кавказа государстве – *шамхальстве.* Политическим центром его являлся Кумух, получивший в виду известных заслуг в деле распространения ислама почетную приставку *Гази* или, что чаще встречается в литературе, *Кази*, означающую *верный*, в смысле «борющийся за веру». Тем не менее, генезис самого государства не дает оснований именовать его «*Кази-Кумухское*».

Что касается «Тарковского шамхальства», то это совершенно другое государство, в названии которого именно владение «Тарковское» представляет главную составляющую. Так его и следовало бы называть, чтобы подчеркнуть отличие от шамхальства, правопреемником которого *владение Тарковское* не является. Однако в его названии заключено совершенно справедливое притязание его владетелей на прямую династическую связь с *домом шамхалов*, что позволяло ему сохраниться в истории и исторической литературе под таким названием.

Название же интересующего нас сейчас государства произошло из превратившегося в титул прозвища его первого верховного сюзерена. Относительно происхождения титула высказываются различные суждения, ни одно из них не является окончательно признанным. Форма написания титула «шамхал» имела, как считал В.В. Бартольд, начальную форму «шахбал». В осетинском языке слово «bal» переводится как «группа», «партия», «отряд», «шайка». Автор словаря пишет: «Так называлась дружина или партия, отправлявшаяся в совместное военное предприятие» и сближает его с древнеиндийским «bala» – «сила», «военная сила», «военный отряд». В интересующем нас *прозвище-титуле* это арийского происхождения слово, объединенное с титулом того же происхождения, образует некое словосочетание, в одном случае имеющее значение *шах группы, шах партии, шах дружины* или *шах военного отряда.* Речь может идти о шахском титуле, который широко использовали арабо-иранские авторы в отношении дагестанских владетелей, которым, надо думать, те не пренебрегали, возводя свою генеалогию к Сасанидам. Подобное признание было рассчитано исключительно на иностранцев и христиан. Для подданных, не приемлющих Иран ввиду его приверженности к иному, шиитскому, толку в исламе и заявлявших, что «им нет дела ни до шаха персидского, ни до великого князя московского: они – дагестанцы и подвластны одному лишь Богу».

Существовала и другая, генеалогическая, версия, а точнее – легенда. Согласно ей, правящий в Дагестане дом шамхалов происходил из племени Курейш, к которому принадлежал сам пророк Мухаммед. Становление его в качестве правящего произошло в ходе распространения ислама в Дагестане арабским полководцем Масламой, который поручил своему ставленнику, ставшему впоследствии основателем династии, управлять Дагестаном. К этой легенде апеллировал и шамхал Тарковский – Мехти-хан в письме, адресованном им в 1829 году в Петербург. Однако эта легенда, созданная для внутреннего пользования, служила идеологическим и политическим целям шамхальского дома и не соответствовала действительности.

Широко распространившееся в странах Ближнего и Среднего Востока, в Центральной Азии миссионерское движение известно как движение газиев, т. е. движение борцов за веру. В Дагестане оно получило распространение только после X века. В движении газиев участвовали как минимум две группы. Одну из них возглавлял Абу-Муслим, действовавший в районе Хунзаха и оставшийся в истории как просветитель Аварии, другую – некий Калантар, действовавший в Кайтаге. Нельзя исключить, что, имея общие цели, они согласовывали действия между собой и даже с ширваншахом, который в это же время предпринимает меры, чтобы упрочить свое влияние в Кумухе путем распространения ислама. Кумух был выбран в качестве плацдарма для исламизации Нагорного Дагестана, поскольку находился в центре Дагестана, обладал развитой для своего времени инфраструктурой и тем, что здесь не было традиционно правящей династии, способной оказать организованный отпор. Соответственно, каждая из двух «групп» газиев, действовавших в Аварии и Кайтаге, захватив Кумух, могла рассчитывать на его оборонительные возможности, а главное – на то, что ей удастся придать своему руководителю легитимный статус, назвав его *шах-бал*, будь то в значении *шах группы, шах дружины* или же *отпрыск шахского древа*. К тому же нельзя исключать, что во главе одной из этих «групп» мог действительно стоять отпрыск владетельного дома, будь то Сарира или Кайтага, которые в свою очередь выводили себя из дома шахов Ирана и порой именовались «шахами». Но первым обладателем титула *шах-бал,* впоследствии трансформировавшегося в *шамхал,* мог быть и проживающий непосредственно в Кумухе представитель и одновременно отпрыск царя Сарира. В конечном итоге, за полтора столетия, прошедших со второй половины XI до конца XII века, шамхалам удалось добиться легитимации своей династии и государства, что позволило ему быть упомянутым в исторических источниках XIII века. Государство шамхалов – шамхальство, явившееся на смену государству Сарир, продолжило его традицию, включив, подобно Сариру, в свой состав целый ряд этнических и этнополитических общностей, оформленных как владения, хотя это было чревато неблагоприятными последствиями.

И они произошли, когда волна, поднятая монголо-татарскими завоевателями в 30-х годах XIII века, докатилась до Кавказа. В «Тарих-Дагестан» сказано: «Зеркало согласия между князьями Кумуха и Хайдака разбито было усилиями сатаны, который есть самый зловредный из врагов… добродетель покинула край, а коварство, вражда и порок распространились повсюду… из числа владетелей хайдакских… нашли убежище у повелителей Аварии… произошли между ними и князьями кумухскими страшные войны и адские распри, которые продолжались много лет…»

История пребывания монголо-татар на Северном Кавказе достаточно хорошо изучена. Известен даже маршрут их вооруженного похода в резиденцию правителей шамхальства – Кази-Кумух, и то, что описываемые в источнике события относятся к отрезку времени между 1239–1250 годами, не вызывает сомнения. Возмутителями спокойствия явились князья Кайтага – владения, традиционно наиболее оформленного и наименее зависимого в силу своего геополитического положения. Оно располагалось по соседству с Ширваном, Дербентом, а в прошлом – с хазарами, арабами, а в описываемое время – с монголо-татарами, с которыми можно было вступить в союз против центральной власти Кази-Кумуха, как в прошлом и против Хунзаха. Но вначале, как свидетельствует источник, князья Кайтагские действовали самостоятельно и были разбиты силами центральной власти. Кто остался жив, нашли убежище у владетеля Аварии, очевидно, также недовольного своим положением под властью шамхала. В итоге уже владетелю Аварии пришлось искать военной поддержки у монголо-татар и заключать с ними союз против Кази-Кумуха. Такой союз был заключен, после чего союзники с двух противоположных сторон, из Хунзаха и из Дербента, пройдя через попутно разрушаемые селения Дуруштул, Гоа, Дулдуг, Хутхул, Зуларкент, Рича, Чирах, Хосрех, Кули, Вачи, ударили по Кази-Кумуху. Не исключено, что аварским владетелем при заключении договора был задействован и антиисламский фактор, который прежде не мог быть использован «князьями Кайтага», носившими, по сведениям «Тарих-Дагестан», явно выраженные мусульманские имена. Напротив, сын владетеля Аварии, возглавивший поход на Кази-Кумух из Хунзаха, носил, согласно тому же источнику, имя Саратан (Сартан), обнаруживающее свое происхождение от слова *saer* – «голова», «вершина» и даже *Сарир,* либо от слова *soraet*, широко распространившегося из иранского в языках Кавказа, и имеющего значение «картина», «образ», «изображение», «портрет», либо, наконец, от тюркского *saran* – «бойкий», «ловкий», «предприимчивый», «энергичный», что в любом случае не свидетельствует в пользу приверженности исламу его носителя. В Рича монголо-татарами была разрушена мечеть, а их совместное с Саратаном нападение на Кази-Кумух состоялось в самом начале священного для мусульман месяца *рамазан.* После опустошения Кази-Кумуха князья хайдакские снова вступили в свои владения, а Саратан возвратился в свою землю. Однако сами монголо-татары не смогли утвердиться в горах, как после взятия Кази-Кумуха, так и впоследствии.

В исторической литературе существует версия, согласно которой монголо-татары, захватив Кази-Кумух, «истребили род местных правителей, заменив его новым». Однако она не объясняет, как могла новая династия монголо-татарских ставленников удержаться у власти, лишившись реальной поддержки своих покровителей, мало того, превратить Кумух в форпост «мусульманства в лакских и соседних землях, в частности аварских». Представляется, что только представители традиционной, мусульманской династии, собрав сохранившиеся мусульманские силы, могли восстановить свою политическую власть в Кази-Кумухе, а затем и в шамхальстве.

Вторая половина XIII века отмечена на Восточном Кавказе непрекращающейся борьбой между различными державами чингизидов. Ожесточенные боевые действия велись в 1262–1267 годах на территориях, прилегающих к Дербенту, в равнинных и отчасти предгорных районах современного Дагестана, а порой выходили и за эти пределы. Затем военные действия ослабевают, и на Восточном Кавказе Золотая Орда постепенно переходит к обороне, а на равнинных и предгорных территориях современных Дагестана и Чечни создает владения, напоминающие пограничные округа. Нагорный Дагестан, избежав тотального монголо-татарского контроля, оказался в вынужденной изоляции, вследствие чего сведения об этом периоде его истории всплывают в виде преданий в местных источниках XVI–XVII веков, отразивших, однако, стабилизацию, а затем и активацию политической жизни в шамхальстве.

Конец XIV века на Восточном Кавказе был ознаменован вторжением Тимура. Пройдя через Дербентский

проход, Тимур вторгся на территорию Кайтага и, как писал его придворный историограф, обратив внимание на уничтожение и искоренение их (кайтагов – Т.Г.), он так напал… что из множества не спаслись немногие, и из тысячи один…» Существует устоявшееся мнение, согласно которому с появлением на Восточном Кавказе Тимура власть шамхала, правящего из Кази-Кумуха, только упрочилась. Между тем источники говорят, что Тимур предпринял целый ряд карательных рейдов в горные районы современного Дагестана. Во время одного из них в *Ушкудже* (село Акуша) его войска непосредственно столкнулись с войсками, лично предводительствуемыми шамхалом Казикумухским, пришедшим на помощь «неверным». В этом сражении горцы потерпели поражение, а сам шамхал погиб. Невзирая на это, Тимур, как сообщают те же источники, принял явившихся к нему с раскаянием лакских и аварских вельмож. Он «обласкал их разными милостями», дал наставление впредь воевать с «неверными», закрепил за ними их земли, выдав соответствующие ярлыки.

Хотя после Тимура все источники местного и иностранного происхождения начинают именовать шамхалов «валиями», т. е. «правителями» Дагестана, централизация в их государстве оказалась невозможной. Шамхальство и после Тимура сохранило в себе этнотерриториальные и этнополитические образования, обладавшие значительной самостоятельностью. Соответственно шамхал оказывался в зависимости от наиболее могущественных своих вассалов. Но в последующие два века (X–XVI вв.) верховная политическая власть в шамхальстве была все-таки стабильно сосредоточена в руках правивших из Кази-Кумуха шамхалов. Из различных документов видно, что распространялась их власть на территории, в совокупности в общих чертах совпадающие с территорией современного Дагестана, за исключением Дербента и северных территорий, присоединенных в известное советское время.

Что касается Южного Дагестана, то интересующие нас сведения содержит источник южно-дагестанского происхождения, так называемый «Шиназский аноним», в котором речь идет о рутульских селах Шиназ, Пелек, Уна и еще двух, отождествляемых исследователями с Амсар и Кала. Из его текста следует, что шиназцы, стоящие во главе перечисленных сел, еще в начале XVII века признавали верховную власть шамхалов, что не противоречит известным фактам, когда отдельные территории региона в определенные периоды оказывались в зависимости от ширваншахов, которые со своей стороны были не чужды дагестанским владетельным домам.

За пределами очерченной территории, как ныне и Дагестана, остались земли по южному склону Главного Кавказского хребта, населенные цахурами и аварцами, находившимися, однако, не за пределами власти и влияния шамхалов. Население этих территорий фигурирует в грузинских источниках под общим названием чарцы от поселения Чары, т. е. Джары, или лезгины – именования вообще характерного для Закавказья. Присутствие в XIV веке дагестанского этнического элемента на этих землях отмечено еще католическим архиепископом иранского города Султанийя. «Власть здесь в руках сарацинов (мусульман – Т. Г.), – писал архиепископ Иоанн. – Здесь живут также грузины, сарацины, даргинцы и лезгины. Между этой местностью и горами обитают *две*, встречаются лакцы и даргинцы». Весьма примечательным является указание на лакцев и даргинцев, тогда как, главным образом, край этот был заселен именно цахурами и аварцами. Это свидетельство позволяет сделать вывод о присутствии в этих землях представителей шамхалов в лице упомянутых лакцев и даргинцев. Характерно, что грузинские цари считали своим главным недругом именно шамхала, даже тогда, когда политический центр шамхальства из Кази-Кумуха постепенно смещался на равнину и к 1589 году окончательно был перенесен в Тарки.

Влияние шамхалов на всем Северном Кавказе было напрямую связано с проводимой ими в регионе экспансией, которая, однако, могла быть возможной лишь до середины XVII века. Вот несколько свидетельств, обнаруживающих уровень влияния шамхалов. Так, первый чеченский этнограф, ротмистр У. Лаудаев, писал, что, приняв ислам, чеченцы согласились платить ясак шамхалу, называвшемуся валием Дагестана. В исторических песнях ногайцев говорится о том, что шамхалы владели Востоком, а кабардинцы – Западом. Посетивший Кавказ в XVII веке турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечал, что в Кабарде очень высоко возвеличивали шамхала, и в главной мечети после хутбы в честь Османа (турецкого султана – Т. Г.) читали хутбу в честь ханов Крыма, затем падишаха Дагестана и, наконец, бия (в данном случае – старшего кабардинского князя – Т. Г.) Мисоста». Тот же Э. Челеби утверждал, что шамхала на Северном Кавказе обычно именуют падишахом, а его государство – «изначальное дагестанское падишахство».

Даже русский царь направлял воинские контингенты против шамхала не только по просьбе грузинских царей, но и для защиты своих рубежей на Северном Кавказе, как это, к примеру, имело место в 1560 году. В результате похода против шамхала князю Засекину удалось даже взять Тарки, что, однако, не привело к желаемому итогу, несмотря на то, что сам шамхал был ранен в бою. Понадобился следующий поход под командованием князя Хворостина, но и он, по свидетельству грузинского посла, не причинил шамхалу особого вреда, так как столицей его в это время еще был Кази-Кумух.

Этот населенный пункт в центральной части Нагорного Дагестана служил шамхалам главной резиденцией на протяжении нескольких сотен лет, прежде чем их наследники, как говорит Г-Э. Алкадари, стали «... зимою жить в плоскостных селениях Буйнаке и других, а летом возвращаться в Кази-Кумух», и, наконец, в 1589 окончательно перенесли столицу шамхальства в Тарки. Но и после этого Кази-Кумух еще какое-то время сохраняет свое морально-политическое значение, оставаясь местом погребения усопших шамхалов, последним из которых был Сурхай-шамхал, умерший в 1640 году, и продолжалась здесь примерно до того же срока коронация вновь избранных.

Консерватизм в развитии политического организма государства, связанного с горным ландшафтом, хорошо известен. Причина коренится в своеобразной структуре дагестанского общества. Государственная структура шамхальства почти копировала аналогичные структуры Сарира и в то же время оказывалась воспроизведенной во вновь образованных после его дезинтеграции государственных образованиях на территории нынешнего Дагестана. Власть шамхалов, распространявшаяся на всю обозначенную территорию, никогда не была централизованной и самодержавной, тем более абсолютистской. Понимая бесперспективность попыток установить полный контроль над местными владетелями и даже отдельными этническими общностями, шамхалы, подобно средневековым германским императорам, вынуждены были

довольствоваться положением сюзеренов страны со сложной и запутанной, но традиционной для нее системой власти и государственного устройства. Именно это сходство позволило Адаму Олеарию без всякого внутреннего противоречия отметить: «В этой стране имеются различные князья; почти в каждом городе имеется особый, а главный из них именуется шемхал (у нас звали его шавкалом); это как бы царь между ними...».

Шамхальское достоинство было наследственным в шамхальском доме, но передавалось не по прямой линии и праву первородства, а переходило к старшему из числа представителей правящей семьи. Такая же система наследования существовала и в отдельных владениях. Лишь после 1646 года впервые в Аварском нуцальстве наметилась тенденция к наследованию по прямой линии. Причем под *старшим в шамхальском доме* понимался не просто объективно старший по возрасту, а тот, кто, находясь в зрелом возрасте, состоял с предыдущим шамхалом в ближайшем кровном родстве, и при этом был рожден матерью, принадлежащей исключительно к одному из дагестанских владетельных домов, обладал целым комплексом личных достоинств. Точно так же дело обстояло и в иных владетельных домах, но отдельные владения были в этническом плане более однородными.

Такая система наследования отрицательно сказывалась на устойчивости власти шамхалов. К тому же, благодаря династическим бракам, заключаемым шамхалами внутри шамхальства, к правящей семье здесь имели отношение все удельные владетели. И хотя сами они не могли претендовать на шамхальский престол ввиду строго соблюдаемого в Дагестане принципа агнатического родства, это не мешало им вмешиваться в процесс определения того, кто является *старшим*, т. е. в определение кандидата на место шамхала. Нетрудно догадаться, что таковым каждому из них виделся свой родственник по женской линии. В конечном счете все это сводило на нет саму возможность для шамхалов занять независимое положение и ликвидировать центробежные тенденции в государстве. Но передача достоинства закулисно определенному кандидату происходила не автоматически, а в ходе соответствующе обставленной процедуры выборов. В них участвовали члены шамхальского дома, удельные владетели, главы федеративных по своей внутренней структуре образований, как правило, носящих духовное звание и прочие значительные по разным причинам лица. Одновременно с избранием шамхала обнародовалось и имя его наследника, фигурирующего в исторической литературе под названием *крым-шамхал*. Насчет происхождения первой части этого словосочетания высказываются различные суждения. По мнению большинства из них, *крым* происходит от лакского слова «хириб», что означает «следующий», т. е. «следующий шамхал». Существует и другое объяснение, выводящее его из кумыкского слова «ярым», что означает «половина», т. е. «полушамхал». Такой наследник шамхала имел свой *двор* и все, что с ним сопряжено. До вступления на шамхальский престол он должен был пребывать в своем удельном владении Буйнаке, находящемся на приморской равнине, и управлять им. Тем не менее, официальные наследники шамхалов, по свидетельству источников, нередко проводили свою независимую от центральной власти политику». В таких условиях шамхалам с большим трудом удавалось сдерживать центробежные тенденции.

При дворе шамхала состоял целый ряд лиц, объединенных общим названием – *турун*, под которым понимались и просто приближенные, и советники, и сотрапезники, и, наконец, различного рода порученцы. Заметным положением пользовались воспитатели сыновей шамхала и сыновья их кормилиц, т. е. молочные братья, как правило, из узденей, которые помогали шамхалам поддерживать связь с населением различных областей и оказывать на него свое влияние. Но высшим должностным лицом, назначаемым самим шамхалом, являлся *визирь*, который одновременно мог выступать в роли командующего военными контингентами и играть значительную роль в управлении государством. Главной военной силой в шамхальстве являлось народное ополчение, собрать которое шамхал мог исключительно в случае внешней опасности.

В шамхальстве все же имелись лица, которых с определенной долей условности можно отнести к разряду чиновников. Менее значительные из них, так называемые *чауши* – глашатаи; и более значительные, называемые *дарга* – ведавшие сбором таможенных и торговых пошлин и выполнявшие полицейские функции в крупных населенных пунктах. Сбор тех или иных пошлин они имели право осуществлять лишь в тех населенных пунктах, которые принадлежали именно шамхалу. Во всех иных возможные сборы и полицейские полномочия находились в ведении удельных владетелей или избираемых властей, осуществлявших функции местного самоуправления. Собираемые таким образом материальные средства, а также те, что приобретались в качестве военных трофеев, стекались в шамхальскую казну, ведал которой казначей, специально назначаемый. К чиновникам же следует отнести и специально отобранных писцов и переводчиков. Имелись даже лица, выполнявшие посольские обязанности на постоянной основе, причем некоторые из них исполняли обязанности посла при правлении двух и даже трех сменявших друг друга шамхалов. К примеру, узден Томулдук вел переговоры с русскими властями и на Кавказе и в Москве от имени трех шамхалов: Герея, Ильдара и Сурхая, а шамхальский посол Байрамалей выполнял во взаимоотношениях с Россией свои функции на протяжении десяти лет с 1630 по 1640 годы. Эта специфическая система продолжала существовать на протяжении всей истории шамхальства.

Наиболее прочное положение в шамхальстве занимали традиционные владетели отдельных областей, представлявших собой однородные или близкородственные этнополитические образования. Но не только владетели, занимавшие следующую за шамхалом ступень в общегосударственной иерархии, ограничивали его властные полномочия. Существенным их ограничителем являлся этнический фактор. К примеру, в 1553 году общинники агульского села Тпиг отказались нести определенные повинности в пользу шамхала. Вследствие твердой позиции, занятой агульцами-общинниками, шамхал был вынужден уступить. При этом не вызывает сомнения, что их твердая позиция заключалась в единстве, обусловленном исключительно их этнической общностью.

Со второй половины XVI века, поскольку шамхальство на протяжении долгого времени не подвергалось серьезной внешней опасности, способной стать фактором национально-политического сплочения, шамхалы постепенно стали утрачивать контроль над государством. Они все больше оказывались в зависимости от того, сколько владетелей, в том числе из их бывших ставленников, продолжало оставаться с ними. Однако таковых становилось все меньше и меньше. Начался процесс распада шамхальства.

Начало его обычно связывают с событиями 70-х годов XVI века, последовавшими сразу за смертью шамхала Чупана. Его сыновья Андий, Эльдар, Магомед и Герей, рожденные от дочери владетеля Кайтага Султан-Ахмеда, предприняли попытку вытеснить из доли наследства своего единокровного брата Султан-Махмуда. Мать последнего происходила из кабардинского рода Анзоровых, а это значило, что ее сын, согласно принятым в Дагестане нормам обычного права, принадлежал к разряду *чанка*, что лишало его основания претендовать на долю в отцовском наследстве, и намерение четырех его братьев выглядело вполне легитимным. Однако им не удалось его осуществить, и Султан-Махмуд с помощью своих кабардинских родственников утвердился в Засулакской Кумыкии, избрав своей резиденцией Эндери, по названию которого его владение стало называться Эндереевским. В свою очередь каждый из «законных» наследников закрепился в отдельном населенном пункте, превратив его в свою резиденцию. Андий выбрал местом своего пребывания Кафыр-Кумух, Эльдар – Буйнак и Тарки, Магомед – Казанищи, Герей – Гамри. Тем не менее, говорить в этой связи о разделе государства не приходится, поскольку в шамхальстве по-прежнему правит дядя названных владетелей, престарелый шамхал Сурхай, который проводит по мере сил централизованную политику. Междоусобица вспыхнула в начале XVII века, когда на смену умершему шамхалу Сурхаю пришел Андий, сын шамхала Чупана, официально носивший титул крым-шамхала – наследника престола.

Недовольный этим избранием его брат Герей, получив в помощь отряд русских войск из крепости Терки, в феврале 1615 года выступил против шамхала Андия, которого в вооруженном столкновении поддержали и Султан-Махмуд Эндереевский, и ставленник шамхалов, правивший в Кази-Кумухе, и Кайтагский уцмий, и аварский владетель из дома шамхальских ставленников. Как видно, титул шамхала еще в 1615 году интересовал не только непосредственных претендентов, но и многих других, поддерживающих того или иного из них. Когда междоусобицы затухали, что в первую очередь бывало обусловлено внешней опасностью, созывались съезды, на которых заключались договоры, имевшие цель разграничить полномочия удельных владетелей и упорядочить механизм преемственности шамхальского достоинства. Один из таких съездов собрался в Тарках уже в 1616 году, непосредственно в связи с началом иранской агрессии на Восточном Кавказе. И в 1633 году был созван такой съезд, на котором в очередной раз было принято решение прекратить всякие междоусобицы и определить в качестве наследника шамхальского престола сына эндереевского владетеля Айдемира. Но как только менялись обстоятельства, утрачивали свою силу и договоры. Однако шамхальский суверенитет как идея не утратил своей силы и в дальнейшем. Уже в первой трети XIX века шамхал Тарковский Мехти-хан направил в Петербург просьбу о поручении в его управление дел всего Дагестана. И хотя 25 февраля 1830 года, «домогательство шамхала» было «велено отклонить», это решение было принято лишь на том основании, что оно вызовет неудовольствие всех других, но отнюдь не потому, что под сомнение были поставлены сами основания для подобного «домогательства». Идея шамхальского суверенитета над Дагестаном нашла свое отражение в 1849 году, когда владетелю Тарковскому – как потомку шамхалов по прямой линии – был присвоен титул князя Российской империи с правом его наследственной передачи «старшему сыну и далее – по прямой линии и по праву первородства», а идея общедагестанского шамхальства, преломившись в сознании наместника Кавказа князя А.И. Барятинского, была воплощена во вновь образованной Дагестанской области.

Но это было потом, а первыми владениями, дезинтегрировавшимися из шамхальства, были уцмийство Кайтагское и нуцальство Аварское, расположенные в его диаметрально противоположных концах: на юго-востоке и северо-западе.

Не вдаваясь в перипетии смут, в Кайтаге начались феодальные междоусобицы... В итоге дом владетелей Кайтага разделился на две партии, одна из которых укрепилась в Маджалисе, а другая – в Великенте... Но уцмиям Кайтага, несмотря на все усиливающиеся центробежные силы, удалось сохранить единство владения». «... А в Аварии с ростом и укреплением власти ханов стали заметны противоречия между различными обществами. Известны войны между ахвахцами и каратинцами, гидатлинцами и багулалами и ахвахцами, хунзахскими феодалами и багулалами сел. Тлондода и т. д.». Эти столкновения были вызваны тем, что проходила явная и тайная борьба за первенство между потомками Андуник-ну-

цала, исконного владетеля Аварии, и группировкой, в которой «потомки Каракиши поддерживали потомков Мухаммеда – шамхала в борьбе за ханский престол». Но к концу XVII века Аварское ханство объединяло уже не только земли, расположенные вдоль Аварского Койсу, но и распространило свою власть на Андодидойский участок и Джаро-Белоканы».

Отделение от шамхальства сразу двух значительных владений позволило с 50-х годов XVII века образоваться в Кази-Кумухе сильной оппозиции, также стремившейся высвободиться из-под верховной власти. Шамхалы были обвинены в том, что они перенесли свою резиденцию в Тарки и лишь летом наезжали в Кази-Кумух. Лакскому узденству это не понравилось, недовольство стало прорываться наружу. Выражением протеста зачастую служило избиение нукеров шамхала. Обвинением заинтересованных лиц из побочной ветви шамхальского дома служил тезис об *унижении их древней столицы.* Во время переездов шамхалов на них совершали нападения, грабили шамхальские имения, сжигали посевы и луга. Вследствие всего этого шамхалы, прочно обосновавшись в Тарках, перестали приезжать в Кази-Кумух и свели до незначительного уровня всевозможные подати. Однако уздени, направляемые противниками шамхалов из числа шамхальской же фамилии, истребили тех, кто сохранял лояльность. В результате место правителей, назначаемых из Тарков, заняли правители, избираемые местной лакской знатью на собрании, называемом *къати*. Это собрание ввело новое звание правителя Кази-Кумуха – *халклавчи*, что означает «возвышенный народом», а первым из удостоенных его оказался прежний ставленник шамхалов – Алибек, естественно, принадлежавший к побочной ветви шамхальского дома. Однако только Сурхаю – внуку первого халклавчи Алибека, по словам Г.-Э. Алкадари, «снискавшему преданность и расположение в Кази-Кумухском владении», удалось на гребне побед, одержанных им в 1712 году в Восточном Закавказье, провозгласить себя ханом. Этот первый Кази-Кумухский хан вошел в историю под прозвищем Чолак-Сурхай, что значит безрукий Сурхай, так как еще в молодости он лишился кисти руки, и он же в исторической литературе порой упоминается как Сурхай-хан I.

Вслед за отпадением этих владений из шамхальства выделились другие этнотерриториальные общности. К их числу относится ханство Мехтулинское, названное так по имени его основателя – Мехти, отпрыска шамхальского дома, прежде являющегося ставленником шамхалов в статусе его удельного владетеля. Независимого положения добилось и цахурское владение, удельный владетель которого в прежние времена имел резиденцией селение Цахур. Однако в начале XVII века резиденция была перенесена в селение Эллису, на территории современного Азербайджана, вследствие чего владение получило название султанство Элисуйское, а беки из шамхальского дома стали именоваться султанами Элисуйскими. Серьезные изменения произошли и в майсумстве Табасаранском. Его владетели в процессе дезинтеграции шамхальства не смогли сохранить целостность своего владения, из него выделилось так называемое владение кадия Табасарана, в прежние времена являвшегося духовным главой майсумства в целом.

Независимые государственные образования возникли и в других частях шамхальства. Наиболее значительным из них было Акуша-Дарго, оформившееся в этнической области, населенной верхними даргинцами. В непосредственной близости от нее находилось федеративное образование Андалал во главе с Согратлинским кадием. Андалальская федерация, многочисленными узами связанная с Кази-Кумухом, но по составу населения принадлежащая к возглавляемой Хунзахом аварской этнической общности, умело играя на противоречиях этих двух влиятельных владений, сохранила свою независимость. Подобные федерации образовались и в южных областях. Феодальная фамилия шамхальских ставленников, находившаяся в Рутуле, не сумела сохранить за собой власть, в результате в федеративном образовании самоуправляющихся рутульских общин с центром в Рутуле за ее представителями были оставлены исключительно представительские обязанности. В остальной части Самурской долины главенствующее положение заняло село Ахты, а его жители образовали своеобразное привилегированное сообщество, от лица которого делами федерации заправляли 40 человек, выдвигаемых по одному от каждой из сорока ахтынских фамилий. Положение главного ахтынского кадия существенно отличалось от того, какое, к примеру, занимали кадии Акуша-Дарго или Андалала. В отличие от последних, он не являлся главой федерации, а выступал лишь в роли верховного судьи, если дело рассматривалось по нормам шариата.

Этнические общности, не успевшие в период дезинтеграции шамхальства создать свои государственные образования, либо в достаточной мере укрепить их, как в случае с агулами, или примкнуть к этнически более родственным образованиям, как в случае с Арчи и Варкун-Даргуа, на рубеже XVII–XVIII веков с укреплением власти кази-кумухских владетелей вошли в состав Кази-Кумухского ханства.

Что касается многочисленных федеративных объединений, образованных как по этническому, так и по территориальному принципу в долинах рек Кара-Койсу, Аварское Койсу и Андийское Койсу, а также Джаро-Белоканской федерации, то поскольку все они, несмотря на широкую автономию, признавали верховную власть хунзахских владетелей, говорить о них как о государственных образованиях не приходится. В конечном итоге со второй половины XVII века шамхальство как общедагестанское государство фактически перестало существовать, и только титул некогда влиятельных на всем Кавказе шамхалов, правивших государством, объединявшим близкородственные, но различные этнические общности, остался в семье, сохранившей за собой последнюю столицу шамхальства – Тарки. Под их властью находилась лишь моноэтничная территория, населенная кумыками, да и та не полностью. Значительная часть кумыкского населения проживала в междуречье Сулака и Терека, где еще в конце XVI века после очередных столкновений в шамхальском доме образовалось Эндереевское владение. После 1494 года на его территорию откочевало население прекратившего свое существование и никогда не входившего в шамхальство Тюменского ханства, в прошлом тесно связанного с ханством Астраханским. Если в первой половине XVII века Эндереевские владетели еще продолжали соперничать за шамхальский титул, то с утратой его былого значения они потеряли к нему интерес. Соответственно и само владение Тарковское перестало представлять для них потенциальную угрозу, что не замедлило сказаться на внутреннем единстве Эндереевского владения, и оно, в свою очередь, распалось на три владения: Эндереевское, Аксаевское и Костековское.

ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ

Лариса ШАРИПОВА

СЧАСТЬЯ ПРИСТАНИЩЕ

ГРЕХ

Я знаю, Ты смотришь
Оттуда, исподнебья,
Оттуда, исподзвездья,
Оттуда...

Твой вкус? Не хочу...
Нет, не буду есть Хлеб я.
И зря бродят гроздья.
Не буду...

Я знаю, прекрасно
Святое Застолье,
Твои Святые Роли
Прекрасны...

Но мне б прикоснуться
Губами к мозолям,
Сердцем к Твоей боли.
Опасно?

Ты любишь... Так любишь!
Оттуда, исподтишья,
Оттуда, из-под громовых
Сил.

Я тоже хочу так...
Отсюда, исподкрышья.
И Ты... чтоб больше всех меня
Любил.

* * *

Мысли бешено несутся,
сорванцы.
Оторвались,
разлетелись бубенцы.
Погодите же, родные, не спешите.
Ненароком разбежитесь,
кто куда,
Опустеет дерзких планов
слобода.
Вы спокойнее, касатики,
дышите.

Я хочу... Безумно многого хочу.
Спички чиркаю и комкаю свечу.
О большом мечтая,
радуюсь полушке.
Отвергаю, ну а после размышляю.
Говорю себе: «Не спи!». И засыпаю.
И рассвет люблю,
когда лицо в подушке.

Утром ужинаю, завтракаю ночью.
Пустяками разрываю дни
на клочья.
Жаль скотинку ту,
что кормят на убой.
В то же время
с аппетитом ем котлеты.
Суеверности стыжусь,
но чту приметы.
И людей люблю,
но легче быть одной.

Мысли, что же вы теперь
остановились,
Рты открыли?
Неужели удивились?
Да, такая я, родные. Не судите.
Ну, давайте, подбирайте бубенцы.
А в дорогу, вот, возьмите леденцы.
И бегите же, касатики, бегите...

СТИХИ

Я стихами окружилась,
своими, чужими...
Хорошо мне.
Я б до макушки в них зарылась,
чтоб не увидели меня
и не вспомнили.
Хочу, чтоб мир растворился
в крепком чае недопитом
и замолк, затих.
Ведь шепчу я стих,
а значит – молитву;
молитву, а значит – стих.

МНЕ ИМЯ ТВОЕ...

Иешуа... Иешуа... Иешуа...
Мне имя Твое – вино.
Косынкой бирюзовой занавешу я
Сверкающее окно.
И комната будто море.
Пошире глаза распахну.
И ненадолго вскоре я
Засну... Усну...

И буду искать Тебя в волнах,
В прибрежном песочном огне.
Я выпью бокалы, полные
Моря, если на дне

Имя Твое
Ракушками
выложено.

* * *

Мой Мудрый Космический
Добрый Друг,
Тоскою изъедена я,
Разломлена, раскрошена...

Прости. Не хотела ведь...
Что это вдруг
Полилось через края?
К Тебе – моя грусть,
словно гостья непрошенная.

И так в Твоем Доме
толпы печалей гостят.
Свою же Скорбь
прячешь за ширмой
Из шелка оттенка звездного.

А можно не в Дом?
Я лучше в пустынный Сад,
К листве шелестящей,
к окружности лунно-сырной,
Тебя чтобы ждать там
до часа самого позднего...

ТАЙКОМ

Твой голос –
прекрасный таинственный джинн.
Но редко его выпускаешь наружу.
Зачем же так жадничать,
мой Аладдин?
Озвучься! И эхо в себе обнаружу.

Любуюсь тобою глазным уголком,
Смотрю будто в сторону без интереса.

И ты наблюдаешь, и тоже тайком.
И пахнут глаза твои майским лесом,
Полянами, ветками и ручейком...

КОВАРСТВО

Тук-тук... Доброй ночи. Можно?
Отворяйтесь же, двери снов.
У порога смахну пыль дорожную,
Сброшу тяжесть каблуков.

Не ворочайся. Ведь на цыпочках
Обхожу небесный свод...
Я стихи принесла.
Мне б отсыпать их
В твой мыслительный круговорот.
Их отсыпать бы и помешивать
Птичьим именем морским.
Нет, не ведьма я и не лешая.
И не зельем колдовским

Я хочу тебя опоить во сне.
Не такой я, поверь, чэловэк-с...
«Абракадабра! Думай обо мне!
Рэкс! Пэкс! Фэкс!».

СЧАСТЬЯ ПРИСТАНИЩЕ

Где-то, ближе к Африке,
В водной бесконечности
Кряж архипелаговый
Крошкой островной
Развалился сладостно
(Образец беспечности)
В паутине, сотканной
Солнечной рукой.

Он увяз намеренно.
Небом прикрывается.
Облака строптивые
Колются дождем.
Волны неуверенно
Поднимают головы,
Чтоб разбить их вдребезги
Под прибойный гром.

Нега зарумянилась,
Острова засахарив.
Все вокруг замаслилось –
Елей как река.
Это Счастье, выспавшись,
Кофе пьет без сахара,
И без хлеба с маслом,
И без молока...

* * *

Ты снился мне всего два раза.
Приди, прошу тебя, ко мне.
Букет чудес поставлю в вазу.
Ты будешь гостем в моем сне.

Я усажу тебя в безбрежность,
Укрою запахом сосны.
В печи души согрею нежность
С зеленым привкусом весны.

Я покажу тебе долину.
Там звезд, сорвавшихся с небес,
Хранятся чудные руины.
Они – как светлячковый лес.

Среди сверкающих обломков
Мы будем весело бродить,
Глазами чокаться негромко
И лунных зайчиков ловить.

РАССКАЗ ДЕТСКАЯ ЛЮБОВЬ

«Солнышко» – так назывался детский сад, в который меня, маленькую, водила мама когда-то. Я помню, что не любила это заведение. Каждое утро, направляясь к нему, с неохотой ступала по ровной тротуарной ладошке, еле поспевая за мамой. «И куда она так торопится? – недоумевала я, – Почему она всегда ходит на работу?». Я неоднократно задавала этот вопрос маме и получала один и тот же ответ: «Люди ходят на работу, чтобы зарабатывать деньги».

– А почему я в садике деньги не зарабатываю?! Не хочу-у в садик... – хныкала я.

Папа тоже иногда отводил меня в детсад, но гораздо реже, чем мама. Мы с ним со стремительной скоростью запрыгивали в автобус. Я молча, с интересом разглядывала пассажиров и не донимала папу никакими вопросами. Путь от автобусной остановки до детсада был настолько коротким, что я успевала только пару раз хныкнуть. А завидев кого-нибудь из своих сверстников, прекращала капризничать. Я стыдилась плакать перед ними, и все свои слезы предпочитала показывать родителям.

Было еще одно обстоятельство, которое не позволяло мне распускать нюни на территории «Солнышка». Мальчик по имени Андрюша, смугленький, румяный, с большими черно-бархатными глазами очень мне нравился. Мы были с ним в одной группе, наши шкафчики для одежды стояли недалеко друг от друга, и это меня чрезвычайно радовало... Предстать перед Андрюшей в плачущем виде я ни разу не осмелилась. Так проявлялась моя любовь к нему.

Еще каким-то способом выразить свое чувство я не пыталась, да и не умела, так как слишком мала была. Хотя постойте... Есть у меня одна детсадовская фотография. На снимке детишки в первом ряду сидят с воздушными шариками, улыбаются. Во втором ряду я стою, в центре. Только вот лица моего не видно. В момент съемки я оглянулась, посмотрела назад, вправо, туда, где в третьем ряду Андрюшу пристроили. Помню, мама сердилась на меня из-за того, что я таким необычным образом фотографируюсь. «Все дети как дети, нормально смотрят вперед, улыбаются, – говорила она, – одна ты на фотографии непонятная какая-то. И зачем же ты отвернула лицо в сторону, а?». Я, конечно же, не ответила на этот вопрос.

Детская любовь... Вспоминая ощущения, которые испытывала в ту пору, я невольно улыбаюсь. В обществе Андрюши я сильно смущалась, он вызывал во мне робость. В общем-то, и в его отсутствии я не отличалась бойким характером, была довольнотаки застенчивым ребенком. Однако этого смуглого мальчика стеснялась больше обычного. А он и не замечал моего особенного отношения к нему. Но меня этот факт не огорчал. Мне не нужны были в то время взаимные чувства. Вот такая это была удивительная любовь... Мое внимание сосредоточивалось на Андрюшке только тогда, когда мне приходилось видеть его. А вне стен детского сада я быстро забывала симпатичного мальчишку. Дел у меня, как у всякого нормального ребенка, было по горло. Некогда было думать о возлюбленном.

Однажды наступил день рождения Андрюши. Его мама принесла в детсад много шоколадных конфет, которые он после завтрака раздал нам, детям. Чуть позже состоялась игра «Каравай». Мы, дети, окружили именинника, взялись за руки и, двигаясь по кругу, запели песенку, которая заканчивалась словами: «Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай!».

Андрюша задумчиво смотрел на нас, орущих во все горло, потом подошел к Наташе, красивой белокурой девочке и вывел ее в центр круга. Именинник выбрал себе пару, и на этом игра закончилась. Круг разомкнулся, девочки и мальчики побежали к игрушкам. Вдруг Андрюша подошел к воспитательнице, что-то ей шепнул на ухо. Она в ответ улыбнулась, кивнула и сказала нам, чтобы во второй раз мы сыграли в «Каравай». И каково же было мое изумление, когда Андрюшка приблизился ко мне, взял за руку и вывел в центр круга!

В тот день, когда мама забрала меня из садика, я против обыкновения не забыла Андрюшку. Вечером часто думала о нем. Потом достала свои игрушки и, присвоив симпатичному плюшевому гномику имя «Андрюша», стала тихо играть на полу и напевать под нос каравайную песенку…

КИНОСЦЕНАРИЙ

В Москве наблюдается оживление по запуску в работу киносценария нашего земляка. Но когда еще выйдет на экран эта на злобу дня комедия... А пока знакомство с новым ппроизведением Шапи Казиева стоит того, чтобы предложить его на суд наших читателей. Публикуем его окончание. Начало – в предыдущем номере.

Шапи КАЗИЕВ

ПРОЩАЙ, МОСКВА!

Лысый свернул в переулок, где тоже дежурила милиция.

Следом летела толпа вьетнамцев, метая в беглеца флагами.

– Видали, что узкоглазые творят! – взывал к милиции Лысый, усаживаясь в свою машину. – Уже по Москве спокойно не пройдешь!

Милиция перегородила переулок и взяла дубинки на изготовку.

Лысый дал газу и скрылся за углом.

Вьетнамцы бросали в кучу флаги и покорно садились в милицейский автобус.

– Москва – карасо. Товарися – не карасо.

На острове Сокровищ продолжался урок пения. Али подыгрывал на зурне, а Блинов освежал репертуар.

Москва златоглавая, звон колоколов.
Гимназистки румяные, аромат пирогов...

– Повтори.

– Петь другие будут, – убеждал Али севшим голосом. – Я только скажу...

– Ты скажи, чтобы водку паленую запретили, – советовали зрители. – Изжога замучила.

– И чтобы йогурты посвежее делали. А то химия одна – по году не портятся.

– И мусор чтобы отдельно, а не в одну кучу!

– И чтобы электричество дали. На батарейках футбол не посмотришь!

– Чтобы депутат был от нас!

– И пусть Большой на гастроли приедет, – вставил Блинов. – Мы им покажем, как народ безмолвствует!

– И прессу посвежее. А то маринуют до последнего!

Услышав про прессу, Блинов насторожился:

– Где последняя почта?

– Старье, – Скуластый выложил пачку.

Блинов порылся и достал журнальчик.

– Про парад есть? – поинтересовался Али.

– Посмотрим, – Блинов стал читать. – Скачки состоятся... Участвуют... Премьера оперы... – Обернулся к Али. – Пожалуй, можно и в город. Я всегда мечтал спеть в этой опере... А сегодня премьера. Дадим в метро пару концертов – на билет хватит.

– В метро?

– Искусство принадлежит народу. А гонорар – мастерам искусств.

– Я не могу.

– Его из дерьма вытащили, а он кочевряжится! – загудели островитяне.

– Трудно тебе, что ли? – укорял Скуластый.

– Меня милиция ищет, – признался Али.

– За что? – островитяне навострили уши.

– Я крокодила спас.

– Рептилию, значит, спас, а кунака – не хочешь?

– Ему такой банкет закатили!.. – гудели островитяне.

– И сам заработаешь. Москва бедных не любит, – убеждал Блинов. Затем распорядился: – В гримерную его!

В «гримерной» не было недостатка в парфюмерии.

Блинов глянул в зеркало, повертел голову Али и начал в сомнении перебирать тюбики.

Островитяне подавали советы:

– Его индусом надо. У них даже кобры под флейту танцуют.

– Не, ему китайцем в самый раз. – Если что, миллиард братанов заступится.

– Лучше под негра. Под боксера ихнего – Мохаммеда Али.

– Тем более – тезка, – согласился Блинов.

Он взял щетку и выдавил на нее черную ваксу.

– Я сам на Отелло пробовался, но у Верди он оказался тенор. – Блинов провел щеткой по лицу Али. – Пушкин тоже был смугловат, а стал нашим – всем!

Когда Али обратился во вполне сносного негра, Блинов велел островитянам:

– Приоденьте-ка маэстро.

Несколько чучел лишились своего убранства, зато Али теперь выглядел достаточно богемно для уличного музыканта.

Блинов облачился в толстовку и нацепил сомбреро.

По свалке, догоняя разгрузившийся мусоровоз, бежали Блинов и Али-негр.

– Стой! – орал Блинов. – Экологов натравлю!

Грузовик притормозил.

– В кабину не пущу, – уперся водитель, испуганно глядя на негра.

Они забрались в кузов.

– Трогай! – стукнул по кабине Блинов.

Грузовик летел к Москве.

Блинов вдохновенно пел:

Вдоль по Питерской,
По Тверской-Ямской,
По Тверской-Ямской,
С колокольчиком.
Едет миленький
Сам на троечке...

Али аккомпанировал, прилаживаясь к солисту.

В переходе метро образовалась пробка.

Люди шли по своим делам, но, услышав поющего Блинова, а затем увидев его самого с аккомпаниатором экзотической наружности, останавливались как зачарованные.

Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Был вольный удалец!

Перед исполнителями лежало сомбреро с солидным гонораром

– Бис! – восторгалась публика, бросая деньги.

– Благодарю, господа, благодарю, – с легким поклоном разводил руками Блинов. А другу вполголоса говорил: – Вступай, не то голос сорву.

Али вступил, переходя от классики к народной музыке.

– Как дома! – умиленно говорил негр своему земляку. И обращался к остальным слушателям – Наша музика! Брависсимо!

В сомбреро полетела валюта.

– Наша это! – возражал кавказец, бросая музыкантам впечатляющую купюру.

– Ну что вы спорите? – успокаивала старушка. – Слушать не даете!

– Пусть! – разрешил Блинов, пересчитывая глазами деньги. – Искусство – оно всемирно!

– Наша-наша! «Небо Замбези» называется! – не уступал негр, увеличивая гонорар.

К исполнителям протиснулся юркий малый с цепью на шее.

– Вы чё, братаны? Тут все схвачено. Делиться надо.

Публика возмущенно зашипела.

– Ну чё гудите? – осклабился малый. – Они же общественный порядок нарушают.

– Как вам не стыдно! – возмущались слушатели.

– Не мешайте!

Кавказец и негр схватили юркого малого за плечи и утопили в толпе.

– Ментов нашлю! – грозил малый.

– Браво! – кричала публика. – Бис!

Сквозь плотную пробку пробиралась милиция.

– Антракт! – объявил Блинов, заметив над толпой милицейские фуражки.

Он напялил сомбреро на голову и поплыл в толпе, оглядываясь на продолжавшего играть Али.

– На выход!

Толпа двинулась следом, не давая милиции настичь артистов и продолжая аплодировать.

Они уселись в такси, перевели дух.

Блинов бережно снял сомбреро.

– Триумф, брат!

– Поздравляю, – улыбался Али.

– Куда едем? – спросил таксист.

– В Большой театр, – сказал Али.

– Рано еще, – Блинов распихивал деньги по карманам. – На бега!

– Зачем? – насторожился Али.

– Видишь ли, кунак, бессмертие я себе обеспечил, но на жизнь по-прежнему не хватает.

На ипподроме кипели страсти. Кто-то целовал свои билеты, кто-то их рвал вместе с остатками волос на голове.

Блинов, лихорадочно сверкая глазами, несся к трибунам, расталкивая зрителей.

– Эти кони тебя затопчут, – отговаривал Али.

Блинов не слушал. Ноги будто сами несли его в пучину тотализатора.

– Пошли отсюда, – не оставлял попыток Али.

– Я чувствую! – убеждал Блинов. – Сегодня фортуна – моя!

– А Большой театр?

– Большой-то он – большой. Только кони на крыше каменные. А тут – живые!

Жокеи вывели лошадей.

– Представляем участников Большого приза, – неслось из динамиков. – Первый номер – Забияка, мастер-жокей Иван Сивцов. Второй номер – Прохвост, мастер-жокей Владимир Бункин.

– Хорош, подлец! – качал головой Блинов. – Как пить дать – фаворит!

– ...Третий номер – Абрек, мастер-жокей Игорь Малахов.

– Абрек? – вслушался Али.

– Этот и подкараулить может. Вон, как уздечку грызет.

– У нас тоже конь был Абрек. Дед на нем невесту украл. А после на фронт с Абреком ушел. Когда реку форсировали, ночью, сильный обстрел начался. Все – назад, а Абрека ранило. Дед его спасти хотел и кричит: «Помогите!». А все подумали – «Ура!». И снова вперед. И немцев погнали. Деда наградили. А коня... на мясо пустили.

– Какое мясо? Он тут всех кобыл передрал, особенно трофейных. Тот еще был производитель.

– Значит, его потомок?! – вглядывался в жеребца Али. – Давай на Абрека поставим!

– Даже не думай, – волновался Блинов. – Он по субботам отдыхает, как еврей!

– Дед мусульманин был. У нас в пятницу выходной.

– На Прохвоста! У него резвость невиданная, когда в настроении. – Блинов сунул Али деньги. – Сам поставь! Новичкам везет.

Али взял деньги и ушел.

– Прохвост, милый, не подведи! – взмолился Блинов. – Я тебе лучшие арии пел!

Створки стартовых боксов распахнулись. Началась скачка.

Публика зашумела, подбадривая свои четвероногие надежды.

– Прохвост! – гремел Блинов, перекрывая кричащие трибуны. – Как старт принял!

Прохвост вырвался вперед.

Абрек замешкался на старте и сильно отстал.

– Ну, как? – спросил вернувшийся из кассы Али.

– Без хлыста идет! А Абрек твой – будто не выспался, на три корпуса отстал.

– Это мы еще будем посмотреть.

Али достал зурну и заиграл горскую мелодию.

Абрек повел мордой, задергал ушами и прибавил ходу.

– Пошел, Прохвост, пошел!!! – кричал Блинов.

Но Абрек, перед самым финишем, сумел вырваться вперед.

– Скачку выиграл Абрек, номер третий! – сообщил комментатор. – Мастер-жокей Игорь Малахов.

– Абрек! – радовался Али. – Джигит!

На победителя надели чемпионскую попону и повели по кругу почета.

Жокею вручили приз.

Публика возмущенно гудела – похоже, на Абрека никто не ставил.

– Все, – опустил голову Блинов. – Финита ля комедия. – Затем вырвал у Али зурну. – Это ты все испортил! Нашел, где играть!

Али отобрал зурну и молча пошел к выходу.

Блинов закрыл лицо шляпой и затрясся в судорожном рыдании.

Под колоннами опустевшего ипподрома сидел Блинов. Лицо у него было несчастное, но взгляд светел.

Блинов негромко пел:

Ямщик, не гони лошадей.
Мне некуда больше спешить.
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей...

– Гражданин, – на его плечо легла рука.

Блинов обернулся. Рядом стоял Али.

– В театр пора.

– А разве что-то осталось? – не верил Блинов.

– Извини, я же в первый раз. Ошибся, – Али улыбался. – Думал, на твоего ставлю, а оказалось – на Абрека!

– Врешь! – вскочил Блинов.

Но Али не врал. Рядом на скамье стояла коробка, набитая деньгами.

– Фортуна, – развел руками Али.

– Ну, Абрек! Ну, жеребец!

Блинов пустился в пляс, выделывая па лезгинки. Али подыграл на зурне, а потом и сам бросился танцевать.

– В Большой пойдем? – спрашивал Али.

– Пусть он теперь сам ко мне придет.

Блинов и Али вышли из такси перед украшенной национальными флагами гостиницей.

На прозрачных дверях красовались фотороботы Али с надписью «Разыскивается особо опасный террорист». Фотороботы были носатые, в вязаных шапочках и с явными признаками чего-то враждебного в глазах.

У входа в гостиницу дежурили милиционеры с собаками.

Али слегка опешил. Блинов подтолкнул коллегу:

– Да ты популярная личность!

Двери разъехались, а вместе с ними и фотороботы.

Вестибюль гостиницы смахивал на Вавилон. Дети разных народов в национальных нарядах сновали по гостинице, разглядывали киоски с сувенирами и давали интервью.

Была здесь и Лика. Она терзала Забалуева.

– ...В столице поет и пляшет вся Россия, – уверял Забалуев.

– А почему в нашей редакции столько жалоб пострадавших от милицейского произвола? – сомневалась Лика.

– Это отдельные частные случаи, а в целом... – гнул свое Забалуев.

Блинов и Али подошли к стойке регистрации.

– Добрый день, – улыбнулся портье.

– Номер, любезный.

– Извините, но все номера заняты.

– Мы подождем, пару минут, пока освободятся.

– У вас есть аккредитация?

– Еще какая! – Блинов водрузил на стойку коробку.

– Что это? – перепугался портье.

– Не бомба. – Блинов достал из коробки пачку денег.

– Так вам VIP-номер? Люкс? – расцвел портье, смахивая к себе деньги.

– С видом на Кремль.

– Так бы сразу и сказали, – портье любезно протянул ключи. – Носильщика?

– Сами справимся.

Они направились к лифту.

Портье снял телефонную трубку и набрал номер.

На пути Блинова и Али стояла Лика, продолжавшая допрашивать Забалуева:

– Вы утверждаете, что по Москве можно ходить без паспорта?

– Ходить-то можно, – мялся Забалуев. – А что?.. Я, например, горжусь своим паспортом...

– А вас никогда не останавливали?

– За что?

– А ни за что. Просто лицо ваше может кому-то не понравиться.

– Мое? – изумился Забалуев. – Да у меня бабушка из Сибири!

– А если вы приедете, например, в Баку и вас остановят как лицо приезжей национальности, вам это понравится?

– Я же не какой-нибудь... Вот, черный товарищ, – Забалуев показал на Али. – Его же никто не останавливает!

– А давайте у него и спросим, – Лика сунула микрофон Али. – Вас милиция не тревожит?

Али старался отвернуться и даже спрятаться за коробкой.

– Вот видите! – говорила Лика. – Глаза прячет!

– Что за бестактные вопросы? – прокладывал путь Блинов. – Не успел уважаемый гость посетить Москву, как ему уже шьют криминал!

Они ринулись к подошедшему лифту, из которого высыпали земляки Али.

– Ну, где ваш Магомедов?! – накинулся на горцев Забалуев.

– Москва большая, – разводили руками горцы. – Девочки-конфеточки...

– Какие девочки?! Вы где находитесь?

– Может, на кладбище поехал? У него дед под Москвой погиб.

В роскошном номере Блинов первым делом растянулся на гигантской кровати.

– Поживем как люди. А там видно будет. Надеюсь, горячая вода имеется?

– Идет! – Али проверил в ванной кран. Затем уставился на черное лицо в зеркале. – Хорошая вакса. Импортная?

– Обижаешь! Кто нам дрянь привозит – остается без колес. Только качественное. Остальное – за сотый километр.

Зазвонил телефон.

Блинов снял трубку:

– Алло?.. Сейчас спрошу. – Обернулся к Али. – Тебе какие девушки больше нравятся, блондинки или брюнетки?

– Мне все нравятся, если хорошие, – ответил Али. – А что?

– Социологический опрос. Восточные или европейские?

– Я всех люблю!

Дверь открылась и в номер ворвалась стайка дам всевозможных расцветок, будто прямо с конкурса «Мисс мира».

Игривые красавицы разных национальностей принялись мастеровито ласкать мужчин, опутывая их, как морские чудовища Лаокоонов.

– Какие симпатичные!

– Где тут наш проказник?

– Иди же ко мне, шалун!..

Пока Али и Блинов поняли, что происходит, с них уже снимали штаны.

– Мама! – испуганно отскочила от Али самая усердная дамочка.

Светлый торс и черное лицо Али вызвали всеобщее изумление. Однако опытная блондинка только вожделенно облизнула губы:

– Мулаты – они такие страстные!..

– Что вы хотите? – отбивался Али.

– Главное – чего хочется вам, – надвигалась на Али блондинка.

– Пусть порезвятся, – улыбался Блинов. – Пора начинать новую жизнь.

Затем прочистил горло минеральной водой и запел:

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна...

– Как вам не стыдно! – Али торопливо одевался. – Уходите!

Дама с восточной внешностью затрепетала в

танце живота:

– Скромники – они такие непредсказуемые...

Али достал из коробки пачку денег и бросил ее за дверь.

Девушки бросились следом.

Та, что исполняла танец живота, продефилировала за своими подругами, успев сунуть визитку Блинову, который с досадой застегивал штаны.

Али включил телевизор.

В новостях показывали репортаж с места несостоявшегося теракта.

Журналист комментировал фотографии из газет.

– Споры вокруг этого случая не утихают. Так кто же этот неизвестный – террорист-неудачник или отчаянный смельчак? Слово предполагаемой жертве – звезде нашего футбола Симбе.

В экране появился Симба. Он чеканил мяч на тренировке.

– У нас из таких суп делают.

– Из террористов? – восхитился журналист.

– Из крокодилов.

– А теперь слово другому очевидцу.

Появилась владелица крокодила:

– Ну как им не стыдно?! Ладно бы дом хотели взорвать, мы привыкли, но животные тут при чем? Мой Гена третий день не ест!

– А теперь узнаем мнение простых москвичей.

– Гнать их всех! – ратовала старушка на фоне рынка, из которого милиция выводила и сажала в фургоны приезжих торговцев. – И не нужны мне их бананы-апельсины! Щи да каша – пища наша!

– Маладец, э! – тыкал в воздух пальцем пожилой кавказец. – Такого редкого зверя спас! А потом – бомбу же не нашли?

– Пока не нашли, – соглашался ведущий. – Но опасность сохраняется. Вчера в нашу столицу, на так называемый «Парад народов», прибыло множество делегаций из регионов. Но кто поручится, что среди них не окажутся те, кому не по душе межнациональная гармония в столице?

Снова показали портрет Али с крокодилом.

– Мне бы такую рекламу, – вздыхал Блинов, набирая телефонный номер по гостиничному справочнику. – Алло. Это действительно бутик? Джентльмены желают обновить гардероб.

Два одетых с иголочки господина, которым не хватало лишь цилиндров, вошли в ресторан.

Здесь ужинали участники парада, и свободных мест не просматривалось.

– У нас спецобслуживание, – встал на пути метрдотель.

Али полез в карман за деньгами, но Блинов его остановил.

– А скажите, любезный, за каким столиком наша делегация?

– А вы, простите, откуда?

– Из Организации объединенных наций. Эксперты по правам малочисленных народов.

– Очень приятно, но...

– Вы декларацию прав человека читали? Или изволите ограничиваться меню?

– Я вас провожу, – засуетился метрдотель. – Тут есть один господин, тоже насчет прав объяснял. Видимо, ваш коллега.

Они двинулись через ресторан.

Между столами носился Забалуев, сверяя списки и стараясь оттеснять Лику с ее каверзными вопросами от гостей.

Забалуев подошел к столу чувашей:

– Вы, товарищи, не увлекайтесь... После парада – пожалуйста...

– А вы знаете, что Чапаев был чуваш?

– Слышал, – с некоторым удивлением сказал Забалуев.

– За Чапаева, ура! – вскочили чуваши.

Подали рюмку и Забалуеву. Как тут было отказаться?

– Ура!

Чокнулись и дружно опрокинули рюмки.

– Прошу, господа, – пригласил метрдотель.

За столиком с самоваром сидел Лысый в сапогах и косоворотке. В данный момент он спорил с официантом.

– Индийский, цейлонский, китайский?

– А нашего нет?

– В каком смысле?

– Ну, квасу там... Морсу...

– Морс, – официант сделал себе пометку. – Салат? Первое, второе?

– А что есть?

– Азу по-татарски, сациви, плов узбекский, шашлык по-кавказски...

Лысый отрицательно мотал головой.

– ...Борщ московский?

– Вот! Давай.

– Пить что будем? Коньяк, виски, текила?

– Водку, ясное дело, – подал голос Блинов.

– Столичной! – кивнул Лысый.

– Не помешаем?..

Блинов и Али уселись за стол.

– Где-то я вас видел, – Лысый впился взглядом в Али.

– Вероятно, в Лондоне, – предположил Блинов. – На аукционе «Сотбис». Мой друг приобрел там рукопись «Евгения Онегина».

– Пушкина? – не поверил Лысый.

– Как фамильную реликвию.

Али наклонился к Блинову и тихо сказал:

– Это тот ишак, который натравил на меня милицию.

Блинов кивнул и сладостно улыбнулся Лысому:

– Он говорит, Пушкин – это наше все.

– Не ваше, а наше, – поправил Лысый.

– Александр Сергеевич, помнится, был африканских кровей, – настаивал Блинов.

– Мало ли – был. Я, может, тоже от Чингисхана

произошел. Я же не претендую.

У башкирского стола Забалуев решил не останавливаться, только вежливо улыбнулся компании. Но башкиры оказались не промах.

– С чувашами пили, а с нами? Обижаете...

Пришлось пить и с башкирами.

– Что будем заказывать? – навис над Блиновым официант.

– Окрошки, севрюжки, икры... По три раза.

– Понял, – кивнул официант.

– Расстегаи, кулебяку...

– По спецзаказу.

– Вы уж постарайтесь, голубчик, – Блинов широким жестом указал на Лысого. – Сочту за честь угостить горячего патриота.

Лысый расцвел и закинул ногу на ногу.

– А вы здесь в командировке, или так, посмотреть, как Москва гибнет под нашествием варваров?

– Вы проницательный человек, – похвалил Блинов.

Али не удержался и что-то обиженно зашептал Блинову.

– У них, в Африке, те же проблемы. Пришлая публика душит национальную гордость.

– Так давайте объединяться! – возрадовался Лысый. – У меня большой опыт по этой части.

– А у него немалые возможности, – намекнул Блинов. – Но все ущемленные народы полагают, что революция должна начаться в России.

– Но пасаран! – поднял кулак Лысый.

– Салют, камараде! – согласился Блинов.

Официанты подвезли тележку и заставили стол яствами.

– Ну, за международную солидарность, – провозгласил тост Блинов.

– Будем! – поддержал Лысый, вливая в себя фужер водки и закусывая семгой. – Москва для москвичей!

Али что-то шепнул Блинову.

– Африка для африканцев, – перевел Блинов и добавил. – Якутия для якутов!

Лысый напрягся.

– Как это?

– А чего они тут расплясались? – кивнул Блинов на исполнявших национальный танец гостей столицы.

– А алмазы?

– Да ну их! – махнул рукой Блинов. – Там еще золотишко, газ, уголь. Как-нибудь перебьются.

Лысый погрустнел. Блинов подлил ему водки.

– Зато как хорошо – шагаешь по Москве, и ни одного якута!

Якутов сменили татары. Зал аплодировал.

– Или, вон, татары, – продолжал Блинов. – Нефти – хоть залейся. Вот пусть вокруг нее и пляшут...

– А геополитика? – засуетился Лысый. – А стратегические интересы?

– Какие интересы, если коренной, можно сказать, москвич испытывает такие неудобства!

– Я не коренной, – опустил глаза Лысый. – Просто за державу обидно.

– Тогда вам, любезный, нужно для начала СССР восстановить. Вот где была держава!

– Была да сплыла. Помню, приезжали на юга, с проверкой... Это была жизнь!..

– Вы кушайте, кушайте... – Блинов подливал Лысому водки. – А то их вон сколько. Не успеешь глазом моргнуть – всю Москву слопают.

На танцевальном круге казаки сверкали шашками. Их сменили горцы, рубясь кинжалами до искр.

– А что это наш коллега не пьет? – поинтересовался Лысый, уставившись на Али. – И лицо такое знакомое.

– У него вечером пресс-конференция, – объяснил Блинов.

– Н-на какой предмет?

– Национальная гордость африканцев.

– Африканцев? – удивился Лысый. – А разве у африканцев такие носы бывают? Типичный кавказский шнобель.

– Вот именно! Глянешь – Пушкина вспомнишь. В честь Александра Сергеевича он даже премию учредил.

– Премию? – оживился Лысый.

– Большую премию. А чтобы народ потянулся, и название подобрал звучное – «Шнобелевская».

– На Нобелевскую смахивает.

– Куда им! Там всего-то миллион. И дикие налоги.

– А что нужно? – зашептал Лысый, опасаясь, как бы кто не подслушал.

– Идеи. Как всех помирить и державу укрепить.

– Да я вам... Да за такие деньги... У меня знаете, какой опыт!

– Чисто формально должен быть конкурс.

– Ни к чему это! – застонал Лысый. – Да я полжизни отдал дружбе народов! На выборах, под это дело столько голосов для партии собрал – в Думу без масла проскочили!

– Так вы депутат?

– Должен был. Если бы мое место одному кавказцу не продали.

– Безобразие!

– То-то и оно! Сам же, говорят, за дружбу ратовал, вот и уступи место национальному меньшинству. Мол, у партии финансовые трудности.

– Вы для нас находка.

– Если там откат, или поделиться с кем – я эти дела знаю. А конкурсы – баловство одно. Набегут консультанты всякие. Знаю я их. Все на ЦРУ работают!

– Пожалуй, вы правы. Конкурс здесь неуместен.

– Да я вам такое национальное согласие устрою – менты у приезжих автографы брать будут, а не паспорта проверять! Теперь это называется толерант-

ность, то бишь терпимость. Будет сплошной дом терпимости! То есть толерантности...

– Браво!

Они выпили и закусили.

За столом у бурятов Забалуев уже сам настаивал:

– С чувашами пил, с башкирами пил. Так разве я с любимыми моими бурятами стопку не подниму? За славное море – священный Байкал!

Дружно выпили за Байкал.

Блинов подозвал официанта:

– Столик освежите, любезный.

– Э-э-э... – Лысый схватил за руку официанта, начавшего убирать яства. – Ты неси, а с этим мы сами разберемся.

Официант бросился выполнять заказ.

– Нельзя ли получить задаток? – наклонился к Блинову Лысый. – Поиздержался, знаете ли, на ниве миротворчества.

– Святое дело, – развел руками Блинов.

Затем сказал что-то на ухо Али. Али радостно закивал. Они встали.

– Вы тут закусывайте, не стесняйтесь, – настаивал Блинов. – А мы на пару минут, уладить финансовые формальности.

Али и Блинов ушли. Лысый опрокинул еще стопку и закусил икрой. Затем откинулся в кресле и благодушно захлопал мастеру горлового пения, начавшему свой номер.

Горцы поднесли Забалуеву огромный рог.

– За большого друга Кавказа! И пусть не останется даже капли в этом роге, как не останется врагов нашего братства!

Забалуев, поддерживаемый кунаками, обреченно кивнул и принялся за рог.

К Лысому подошел официант.

– Ваши коллеги передали свои извинения. Просили их не ждать.

– Что?! – выпучил глаза Лысый.

– Видите ли, гость из Африки еще не привык к нашим деликатесам, и у него случилось расстройство желудка. Увезли на скорой.

– Как? – подскочил Лысый. – А деньги?

– Вот, пожалуйста, – официант протянул на подносе бумажку.

– Чек?! – обрадовался Лысый.

– Счет, – объяснил официант. – Можем взять валютой.

Лысый заглянул в счет и у него потемнело в глазах.

Когда охрана выводила упирающегося Лысого из зала, гости продолжали веселиться и инцидента никто не заметил. Как не услышал и отчаянных призывов:

– Братья и сестры! Россияне! Помогите! Дружба народов – надежный оплот!..

Али наблюдал за этим представлением из-за шторки, за которой Блинов расплачивался с официантом.

– Сдачи не надо.

– Спасибо, господа, – официант ушел.

– Сорить деньгами – великое искусство, – ухмылялся Блинов.

Охрана вынесла Лысого из гостиницы и швырнула в кусты. Лысый с трудом поднялся и пригрозил гостинице кулаком:

– Я вам покажу, как гостей травить!

Когда Блинов и Али вернулись в зал, там разгорался танцевальный марафон.

– Шалом алейхем! – Евреи дали музыкантам денег и бросились в пляс.

За ними потянулись представители других народов, снабжая музыкантов деньгами и требуя исполнить свою мелодию.

Музыканты начинали то одно, то другое, не поспевая за щедрыми предложениями.

Лика все поглядывала на Али, силясь что-то вспомнить. Наконец решительно подошла к столику.

– Можно задать вам пару вопросов?

– И-з-з-вините, – просунулся между ними Забалуев. Он уставился на Али и спросил: – Я что-то з-запамятовал, это в каком субъекте у нас негры живут?

– Во-первых, не негры, а чернокожие, – поправила Лика. – А во-вторых, человек имеет право жить там, где хочет.

– Я, может, в Белом доме жить хочу. А меня туда пустят?

– Вы мешаете мне работать.

– Знаем мы вашу работу, – отмахнулся Забалуев. – Мы нелегалов домой отправляем, за государственный счет, между прочим, а у вас крик на весь мир: депортация, дискриминация...

– Ну так давайте и с вами поговорим, проясним, что к чему.

– На провокации не поддаюсь. Мы тут за мир и согласие, а вы только население будоражите.

– Милейший, – приобнял Забалуева Блинов. – Разве можно отказывать столь очаровательной даме? Вот мы с коллегой с удовольствием дадим интервью.

– Да? А вы где служите?

– Я человек свободной профессии, но склонен к взаимопониманию между народами, особенно с их отдельными симпатичными представителями.

– Вы себе можете позволить. А с меня, за ее фантазии, стружку снимают.

– Да если бы я всю правду говорила, вас бы давно уволили.

– Мы никому не скажем, что вы тут были, – пообещал Блинов.

– А меня и не было.

Забалуев исчез среди гостей.

– А еще говорят – свобода слова! – сердилась Лика.

– Химеры, дитя мое. Вы еще про права человека вспомните.

Забалуев брел по ресторану, пока не наткнулся на камловавшего шамана. Забалуев обнял его, поцеловал, и пропел:

Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Али смотрел на Лику и улыбался.

– Почему он на меня так смотрит?

– Вы ему симпатичны, – объяснил Блинов.

– Неужели?

– Да, – сказал Али.

– Так вы говорите по-русски? – удивилась Лика. – У меня такое ощущение, будто мы с вами уже встречались.

– У меня тоже.

– Это облегчает дело. Я хотела спросить, что вы испытываете в нашем обществе?

– В вашем обществе мне очень приятно.

– Я имею в виду расовые предрассудки.

– Мне это не мешает.

– И с вами не случалось ничего особенного?

– Меня хотели арестовать, но одна девушка меня спасла.

– А за что вас хотели арестовать?

– Не знаю. Но девушка была очень красивая.

– Белая девушка спасает чернокожего парня? И он в нее влюбляется? Неплохой сюжет.

– Она не белая. А он не чернокожий.

– Что-то я вас не понимаю...

– У него с русским языком не очень, – вмешался Блинов.

– С языком у него нормально, а вот с головой...

– Вскружить голову и требовать трезвого мышления? Это, знаете ли, насилие.

Блинов достал из ведерка шампанское и передал бутылку Али.

– Пора выпить за прекрасную даму.

– Между прочим, я на работе, – сердилась Лика. – И, если хотите знать, у меня есть молодой человек, который мне нравится.

Шампанское шумно отсалютовало и обдало Али обильной пеной.

Он отер влагу салфеткой. И лицо чернокожего начало чудесным образом белеть.

– Вот что значит настоящее советское шампанское, – вздохнул Блинов. – Против него никакой грим не устоит.

Лика не верила глазам:

– Али?

– Я, – улыбался Магомедов.

– А я искала, искала...

– Положим, не только вы, – вставил Блинов.

– Милиция тоже, – сказал Али.

– Ты и вправду бандит?

– Нет. Но газеты же пишут.

– Не обращай внимания. Желтая пресса.

– А сажей так вымажет – не отмоешься, – возмущался Блинов.

– Значит, надо сделать сенсацию! – размышляла Лика. – И показать, кто есть кто.

– Поддержим? – Блинов кивнул Али. – Материально.

– Какой разговор.

– Думаете, вся пресса продажная? – напряглась Лика.

– Просто мы немножко выиграли, – сказал Али. – На скачках. Думали, на хорошее дело пустить...

– Да мне самой позарез нужен крутой репортаж! Пока с телевидения не выгнали. – Она отпила шампанского и кивнула на танцующую публику. – Танцы народов – дело хорошее, но рекламу под нее не наберешь.

Лика достала косметичку и принялась тушью восстанавливать грим на лице Али.

Но Али воспротивился:

– Надоело. Пусть лучше арестуют.

– Алик, – уговаривала Лик, – потерпи до утра. Сенсация в прямом эфире и – свободен.

– Ну, если тебе так нужно… – согласился Али.

– Представляешь, черный становится белым, а террорист героем-музыкантом!

Когда танцевальное состязание окончательно превратилось в этническое попурри, Блинов подозвал официанта, сунул ему денег и о чем-то попросил.

Официант передал просьбу оркестрантам. Те сначала растерялись и отрицательно замотали головами, но предложенная сумма их убедила.

Оркестр перестал играть.

Танцоры возмущенно зашумели:

– Лезгинку давай!

– Русскую плясовую!

– Нашу, татарскую!

– Башкирский танец!

Но музыканты, сделав серьезный вид, приготовились исполнять что-то особенное.

Ведущий объявил:

– Музыка Поля Дегейтера, слова Эжена Потье. Исполняет Заслуженный артист СССР Николай Блинов! Встречайте!

Блинов вышел на сцену, важно раскланялся и запел на французском языке «Интернационал».

Публика поначалу бросилась в пляс, но когда поняла, что поет Блинов, замерла на танцевальном круге, не зная как быть. Остальные поднялись из-за столов, изо всех сил стараясь принять серьезный вид с оттенком ностальгии по славному прошлому.

И только шаман, глубоко погрузившийся в тра-

диционный транс, продолжал что-то тихо напевать, пристукивая в бубен.

Эта магическая музыка навела на Забалуева сон. И привиделось ему нечто удивительное.

Памятник Пушкину в Москве был залит солнцем.

Но странное творилось вокруг символа русской поэзии.

К чернокожей девушке подбежал чернокожий ухажер, поцеловал и накинул ей на плечи леопардовую шкуру. Они взялись за руки и начали высоко подпрыгивать, охваченные приливом взаимного чувства.

На ступенях перед памятником сидели кавказцы в бурках, строгая кинжалами палочки и ведя неторопливую беседу.

Мимо пробежала китаянка с коромыслом, предлагая прохладительные напитки.

В скверике неподалеку арабы расположились на убранных коврами лавочках, потягивая кальян и цокая языками в такт девушке в чадре, исполнявшей танец живота.

Мальчишки-цыгане продавали газеты на всевозможных языках:

– Пресса! Ньюс! Хабар! Скандал!

Ближе к кинотеатру камловал шаман. А разноликая молодежь кружилась вокруг костра в магическом танце.

Неподалеку стояла юрта, у которой таджики играли в нарды, лениво пощипывая виноград.

Цыганки гадали казакам-милиционерам, а цыгане подковывали их лошадей.

Азербайджанцы состязались с грузинами, жонглируя помидорами и мандаринами.

Посреди этого Вавилона бродил Забалуев, мучимый сакраментальным вопросом:

– Это Москва?

– Моска, Моска... – кивали странные москвичи.

Народы Севера предлагали Забалуеву купить пушнину и оленьи рога.

Якуты завлекали алмазами и рассыпным золотом.

– Как пройти на Красную площадь? – вопрошал Забалуев.

Но люди только недоуменно пожимали плечами, спрашивали друг друга, неопределенно махали руками, но точно никто не знал.

По бывшей Тверской двигались иностранные животные, управляемые не менее зарубежными седоками.

Мулат-гаишник составлял протокол о столкновении слона со страусиной упряжкой. Страус клевал мулата, слон презрительно пускал из хобота фонтаны, а хозяева транспортных средств горячо спорили.

Мимо, увлеченное зурной Магомедова, шествовало стадо лам.

А на огромном рекламном мониторе мастер горлового пения исполнял свой эпос о Москве.

Блинов сорвал продолжительные аплодисменты.

– Браво! Бис! – неистовствовала публика с понимающим видом.

На рассвете к острову Сокровищ подрулил истерзанный джип.

Островитяне бросились к машине: кто тащил пустые бутылки, кто коробки просроченных конфет, кто рыбные деликатесы в прозрачных упаковках...

Из машины вылез Лысый с разукрашенной физиономией.

– Дело есть, мужики.

– Рыбу бери! – кричали островитяне. – Высший сорт.

– Шоколад не нужен?

– Мне нужны интернационалисты, – Лысый оценивающе разглядывал островитян.

– Почем? – спросил Скуластый.

– Договоримся.

– А против кого бузить?

– Вам не все равно? Вы же то за правых, то за левых...

– Смотря, как платят.

– По червонцу.

– Зелеными! – подсказывали островитяне.

– Попахивает глобализмом, – сбивал цену Лысый.

– Не нравится – не нюхай, – торговался Скуластый. – У нас и другие предложения есть.

– Предупреждаю, акция сугубо мирная. Никого не бить, всех любить! Причем лиц любой национальности, включая негров.

– Это можно, – улыбались островитяне, – У нас тут и так СССР.

– А ментов, что, тоже любить? – сомневались островитяне.

– Прижимают?

– Ну!

– Вот и кричите – даешь дружбу народов, долой милицейский произвол!

– За ментов прибавить надо. У них дубинки.

– Потом сочтемся.

– Гони аванс.

Лысый нехотя достал деньги.

– А расписку?

– На тебе уже расписались. Можем добавить.

– Приятно иметь дело с серьезными людьми, – сказал Лысый и полез обратно в машину. – Через час жду у метро.

Когда Лысый уехал, Скуластый сплюнул ему вслед.

– Всех любить. Голубые мы, что ли?

– Деньги не пахнут, – сказал кто-то из островитян.

– Но воняют, – ответил Скуластый.

Проснулся Блинов в импровизированном гареме. Утомленные девушки напоминали виноградную лозу, опутавшую старый, но все еще мощный дуб.

Вокруг живописно громоздились цветы, бутылки, шоколад и прочие свидетельства роскошной оргии.

Блинов осторожно высвободился, прочистил минералкой горло и начал одеваться, одновременно пробуя голос:

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит!..

Девушки встрепенулись, но продолжали спать...

Утро дышит у ней на груди...

Блинов со вздохом прервал описание утомленной прелестницы из романса Варламова и вышел.

Али сидел в ванной, вытирая лицо полотенцем.

Рядом суетилась Лика, раскладывая косметичку.

Али отнял полотенце – лицо имело натуральный вид.

– Может, не надо?

– Если все получится, у меня будет свое шоу! – настаивала Лика.

– Только не ваксой. А то ходил, как на ботинок.

– Алик, у меня лучшая косметика. Самые модные оттенки.

В дверь постучали.

Али пошел открывать.

Вошел Блинов, разводя руками:

– Кого я вижу!

– Ты где был?

– Давал сольный концерт.

Из ванной вышла Лика в халате.

– Доброе утро, сударыня.

– А я... А мы... – растерялась Лика. – Вы ничего такого не подумайте...

– Как можно, – Блинов изобразил недоумение и вышел на балкон подышать свежим воздухом.

Перед гостиницей стоял отряд его сограждан с острова Сокровищ. Одеты они были с намеком на национальные различия, а в руках держали символы недавней эпохи – знамя СССР, картонный герб, портрет Ленина, лик Христа, а также лозунги: «Даешь дружбу народов!» и «Возлюби ближнего своего!».

Заповедь держал помятый, но торжествующий Лысый.

– Моих подданных переманивают! – возмутился Блинов и ринулся из номера.

Когда Блинов вышел из гостиницы, Лысый с чувством декламировал в мегафон Пушкина:

...Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Завидев вождя, демонстранты опустили агитационные материалы и дружно воскликнули:

– Блин!

Лысый прервал декламацию и с распростертыми объятиями двинулся к Блинову.

– Бонжур, мсье! А где этот ваш, чернявый?

– Вы о чем?

– Я насчет шнобелевской премии, – снизил голос Лысый. – Согласен не брать аванс, а получить целиком.

– Я вас не понимаю.

– Как это? Мы же договорились!

– Не имею чести вас знать.

– Мошенник! – взревел Лысый, угрожающе вздымая мегафон.

Али увидел, что дело принимает опасный оборот, и бросился на помощь Блинову.

– Стой! – закричала Лика. – А грим?

– Извини, Лика, друга бьют!

Когда они с Ликой выбежали из гостиницы, конфликт был в самом разгаре.

Островитяне мутузили Лысого.

– Ты на кого руку поднял?!

– Миллион обещали! – ревел Лысый.

– Тебе лимон, а нам – по червонцу? Крысятничать, падла?

Тут Лысый увидел Али и завопил:

– Вот он!

– Не гони, – не верили островитяне. – Откуда у артиста бабки?

– Террорист он, а не артист! Под негра маскировался! – вопил Лысый, тыча в фотороботы на стекле.

– Мы из тебя вообще зомби сделаем, – трясли Лысого бомжи. – Гони зелень!

Лысый вывернулся и заорал в мегафон:

– Держите боевика! Милиция!

– Шакал! – кипел Али, бросаясь на Лысого.

Но Блинов с Ликой утащили Али в гостиницу.

– Ребята его сами уделают, – обещал Блинов. – А с милицией спорить – гиблое дело.

На крики Лысого подоспела милиция.

– Он в гостинице! – кричал Лысый, тыча в фоторобот. – А эти с ним заодно!

– Документы! – приказал милиционер.

Бомжи кинулись врассыпную, побросав свои реликвии.

Но их уже окружали плотным кольцом.

– За мной! – кричал Лысый. – Пока гостиницу не взорвали!

По этажам неслись наряды милиции.

Недоумевающих гостей столицы прижимали к стенам, обыскивали.

На подозрительных надевали наручники.

– Всех посадить! – орал Лысый.

Врывались в номера. Закрытые двери высаживали.

Спавших вытаскивали из постели и проверяли детекторами.

– Где он? – Лысый совал постояльцам фоторобот.

Те, кто узнавал Магомедова, показывали в самые разные стороны.

– Следы заметают! – надрывался Лысый. – Все они заодно!

Когда этот ураган проносился мимо, уцелевшие спрашивали друг друга:

– Что случилось?

– Магомедова ищут.

– Зачем?

– Говорят, миллион украл и бомбу купил.

– Лучше бы дом купил, – удивлялись горцы. – И машину. А бомбы в горах и так валяются.

Когда милиция ворвалась в номер к путанам, те были заняты подготовкой к новому рабочему дню: кто красился, кто сушил голову, а за легкой перегородкой проступал силуэт соблазнительной модели, приводившей в порядок свой туалет.

Увидев нежданных гостей, дамы завизжали:

– Опять субботник?!

– Достали уже, кобели!

– В неделе одна суббота, одна!

– Бандита не видели? – спросил милиционер.

– Сами вы бандиты! Всех клиентов распугаете!

– Ладно, пошли.

Милиция ретировалась.

За перегородкой Лика застегивала блузку. Позади нее сидели на полу Али и Блинов, который перекладывал деньги из коробки в новенький портфель.

– Ради горячего репортажа, – смущенно говорила Лика, – чего не сделаешь.

– Ну и работка у вас, – сказал Блинов, поднимаясь.

– Опасная, – кивнул Али, не в силах оторвать взгляд от Лики.

Путана выглянула в коридор и сообщила:

– Чисто! Пошли!

Забалуев досматривал свой странный сон, устроившись на ресторанном столе, под буркой и с шаманским бубном вместо подушки.

Ресторан был пуст. Стулья стояли перевернутыми на столах. Уборщица протирала полы.

К Забалуеву осторожно подкрадывались милиционеры, взяв оружие на изготовку.

Лысый жестами давал понять, что это и есть тот, кого искали.

– Встать! – приказал милиционер, тыча стволом в Забалуева.

Тот живо поднялся и сложил руки в буддийском приветствии:

– Салам алейкум.

– Фамилия? – спросил капитан, пока Забалуева обыскивали.

– Это Москва? – с надеждой спросил Забалуев. – Наша столица?

– Пока еще наша, – успокоил Лысый.

– Москва, как много в этом звуке... – сладостно продекламировал Забалуев.

– Он? – усомнился капитан, проверив документы и оглянувшись на Лысого.

– Это их крестный отец.

– В чем дело, товарищи? – встревожился Забалуев, окончательно приходя в себя. – Я руководитель Парада народов!

– Всей мафией заправляет, – объяснил Лысый.

– Что вы себе позволяете?

– Руководитель? – усмехнулся капитан. – Взять его.

Милиция завернула Забалуеву руки и поволокла из ресторана.

– Вы ответите за срыв парада! – грозил Забалуев. – Я вам погоны пообрываю!

Служащий гостиницы выкатил контейнер с мусором в хозяйственный блок.

Из контейнера высунулась голова Лики, говорившей по мобильному телефону.

– Мне нужна камера! Срочно!

Руки Али и Блинова попытались втащить Лику обратно.

– Не слышно ничего! – отбивалась Лика, продолжая кричать в телефон. – Меня похитили! Террорист требует эфир! Где?.. Узнаю – позвоню!..

Подъемник поставил контейнер в кузов грузовика.

Открылись ворота, и грузовик выехал из гостиницы.

В хозяйственном блоке появился Лысый. Он лишь успел увидеть, как захлопнулась крышка контейнера.

Вокруг гостиницы стояло оцепление. Милицейские и пожарные машины образовали временную резервацию, где разбирались с задержанными.

По узкому проходу из резервации выходили расстроенные участники парада, бомжи, иностранцы.

У выхода их встречал Забалуев, добродушное лицо которого было украшено впечатляющим синяком.

– Извините, неувязочка вышла. Я, как все, пострадал за правое дело. Сами понимаете – время тревожное. На завтрак, товарищи! На построение прошу не опаздывать...

У гостиницы группами стояли остальные участники парада, принимая земляков в свои объятия.

Бомжи тоже вспоминали, откуда они родом, с тоской глядели на земляков, но подойти не решались.

Грузовик подъехал к свалке и высыпал содержимое контейнера.

К нему уже спешили островитяне.

Когда они подоспели к новой порции сокровищ, из коробок, чертыхаясь и отряхиваясь, выбирались прибывшие.

– Свалка? – удивленно оглядывалась Лика.

– Остров Сокровищ, – объяснил Али.

– Чувствуйте себя как дома. – Блинов двинулся к своей резиденции.

– Блин?! – радовались островитяне. – А мы думали, ты соскочил.

Лика достала телефон и набрала номер.

Оператор с камерой бежал к машине, на ходу разговаривая по мобильному:

– А это где?.. Держись, уже едем!

Оператор сел в машину, и она рванула с места.

– Братву не видали? – не отставали островитяне. – Их Лысый нанял, на митинг.

– Борются за дружбу народов, – сообщил Блинов.

– А-а-а... Давно пора. По телеку говорили – парад будет. И его показывали, – островитяне кивали на Али.

– Мол, менты ищут.

– Они всегда кого-то ищут, – сказала Лика.

– А находят таких, как я, – соглашался Али.

– Как вы тут? – осведомился Блинов.

– Все путем. Петрович, вон, тоже на парад собирается...

На краю свалки взбухал воздушный шар.

Оператор бежал через свалку.

– Лика!

– Все в порядке, – успокоила его Лика. – Работаем.

Оператор установил камеру.

– Здесь? – Лика встала на фоне воздушного шара.

– Нормально! – примеривался оператор. – Начали.

– Я веду прямой репортаж из логова террористов, под кодовым названием «Остров Сокровищ», – начала Лика.

– Хорошо, – махнул рукой оператор. – Картинка прошла. Теперь давай этого.

– Встань сюда, – велела Лика растерянному Али.

Али встал рядом с Ликой.

Их окружили островитяне.

– Не лезьте в кадр, – отгонял оператор.

– А что говорить? – пожимал плечами Али.

– Тебе сказать нечего? Ты же террорист!

– Я?! – возмущался Али. – Это они из меня бандита делают. Я только приехал в столицу нашей родины... На парад народов. И то заставили!

– Это ты потом скажешь, на пресс-конференции. А сейчас выдвигай требования, – подсказывала Лика.

– Какие требования? – не понимал Али.

– Угрожай! Мол, такое устрою, если... Ну, чего ты хочешь?

– Я домой хочу.

– Так не пойдет, – всплеснула руками Лика. – У тебя в жизни не будет такого шанса! И у меня тоже!

У въезда на свалку остановился джип Лысого. Он достал бинокль и принялся изучать обстановку.

Следом подъехала целая колонна автомобилей во главе с «Лексусом» – с мигалкой и правительственными номерами.

Из «Лексуса» вышел моложавый господин кавказской наружности с депутатским значком на лацкане.

Лысый впился в него взглядом, затем выскочил из машины и закричал:

– На явку прибыли, господин депутат?

Депутата тут же окружила охрана и еще дюжина крепких ребят, недвусмысленно поигрывавших клюшками для гольфа.

– А, партия «Долой!»? – добродушно откликнулся депутат. – Приехал ячейку открывать?

– С самозванцами партийное строительство не обсуждаю.

– Зачем базар, уважаемый? Мне сказали – я за место заплатил. Тебе же тоже перепало.

– На такие крохи новую партию не раскрутишь, – отвечал Лысый. – Еле на машину хватило.

– Заходи, поможем.

– С пособниками террористов дел не имею, – ответил Лысый. Потом кивнул в сторону свалки. – А вашего бандюгу я собственными руками!..

– Зачем? Мы его сами накажем, а после отдадим в руки правосудия.

– Прикрыть хотите? Депутатской неприкосновенностью спекулировать?

– Послушай, друг. Мы – респектабельные люди. Бизнес шума не любит. А такие козлы всю погоду портят!

– Слыхали мы эти сказки!

– Ребята, приволоките мне это пугало, – приказал депутат своей бригаде. – Но чтобы немножко живой был.

– Я сам! – ринулся вперед Лысый. – Вам шум не нужен, а мне – очень!

Вокруг Али и Лики собрались островитяне, подавая советы:

– Ты скажи, чтобы нам загранпаспорта выдали. Для обмена опытом.

– И бритоголовых поприжали. А то собак спускать будем.

– Главное – отопление провести и крышу сделать. Зимой-то холодно

– И пособия по безработице! Мне домой съездить

надо, на Алтай!

– А мне в Душанбе!

– И мне надо... В эту... В Йошкар-Олу.

– А мне в Чернигов. И в Казань, к дочке.

– Я тебя, Алик, сама убью, – грозила Лика. – Как опасного террориста. Если сорвешь репортаж!

– Говори, что делать...

– Шантажируй власти!

– Права человека, расовая дискриминация, милицейский произвол, – советовал Блинов. – Экстремисты всякие...

– Вот именно! – кивала Лика. – Тебе же по полной программе досталось! Зритель на такое клюет!

– Готовы? Снимаю! – оператор включил камеру.

– Этот человек держит в страхе всю Москву... – начала Лика.

На лице Али отразилась гамма противоречивых чувств – от недоумения до мрачной решимости.

Участники парада завтракали, когда по телевизору, стоявшему в баре, начался репортаж.

– Магомедов! – радостно закричали гости столицы, обступая телевизор.

– Его безуспешно ищет милиция, ФСБ и Интерпол! Но мне удалось его найти, и сейчас он выдвинет свои ужасные требования... – говорила с экрана Лика.

– Вот это номер... – помрачнел Забалуев.

Повисла тяжелая пауза.

На острове тоже висела пауза. Все ждали, что скажет Али.

Но вместо этого раздался предупредительный свист и послышался крик:

– Атас!

– В чем дело? – забеспокоилась Лика.

Блинов встревоженно огляделся.

– Нас атакуют!

Островитяне, видно им это было не впервой, спешно занимали заранее подготовленные позиции.

Блинов запел:

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой!

Лысый и помощники депутата крушили на пути все, что можно было разрушить.

Поначалу они не встречали никакого сопротивления. Но затем на них обрушился град испорченных апельсинов, яблок и помидоров.

Первая атака захлебнулась.

Тем временем островитяне заправляли пращи картошкой и киви.

Отбивались все, кроме снимавшего битву оператора.

Вокруг телевизоров в гостинице собралась толпа.

Бомжи смотрели репортаж на улице, на большом рекламном экране.

Нападавшие двинулись дальше, но снова были отбиты.

Теперь в дело вступили катапульты, которые островитяне заряжали арбузами, пакетами просроченного кетчупа и мешками с собачьим кормом.

Увидев смятение в рядах своих бойцов, депутат снял значок, засучил рукава и с молодецким задором бросился в бой:

– Вперед! – кричал депутат. – Премии лишу!

Депутата остановил большой спелый арбуз, разбившийся вдребезги о его голову.

Бросив раненых, остальные ринулись дальше, но теперь их ждали замаскированные ямы-ловушки с жидким клеем.

Уцелевшие упрямо двигались вперед, пока не столкнулись с расставленными в ряд пугалами, которые крутились и больно лупили длинными деревянными руками.

Увидев, что нападавшие подошли слишком близко, Блинов скомандовал:

– Огонь из всех орудий!

Из укрытий в противника полетели петарды и начали взрываться спрятанные под мусором фейерверки.

Островитяне были близки к победе, когда свалку окружила стая милицейских машин.

Шеренги милиционеров, с щитами и дубинками, бросились в серьезную атаку, колотя всех, кто попадался на пути.

Островитяне отступали.

Очнувшийся депутат хотел было прицепить на место свой значок, но не успел. Дубинка уложила его рядом с бомжем.

Островитян теснили со всех сторон.

Блинов оказался у успевшего надуться воздушного шара. Он закинул в корзину свой портфель и забрался сам.

Али отбивался в рядах островитян, прикрывая Лику и оператора. На манер дискобола он забрасывал в ряды противников связки больших петард, красиво разрывавшихся с неимоверным шумом.

– Сюда!– кричал Блинов, потрясая портфелем. – Сюда!

В корзину влезли Лика с оператором, продолжавшим снимать.

– Летим? – ждал команды Пилот, раскидывая наседавших помощников депутата.

– Трогай!

Пилот обрубил канат.

Шар встрепенулся и стал медленно подниматься, отливая гербами союзных республик.

Лысый поджигал петарды и запускал снаряды вслед шару.

Но шар был уже слишком высоко – петарды падали и замигали картонные баррикады.

Участник парада, бомжи и прохожие в скорбном молчании наблюдали за битвой по телевидению.

– Наша взяла! – торжествовал Забалуев.

– Чья это – ваша? – осклабился Скуластый бомж. – Вам бы только все затоптать, варвары.

– Я не в том смысле, – растерялся Забалуев. – Я в другом смысле...

Но на всякий случай отошел от Скуластого подальше.

Шар летел над полем битвы. Разрушенный остров полыхал огнями.

– Без Али не полечу! – объявила Лика. – Спускайтесь!

– Шар не выдержит, – сомневался Пилот.

Лика вырвала у Блинова портфель и сбросила его вниз.

– Лишний груз!

Над островом закружился денежный дождь.

Противники удивленно разглядывали купюры, а затем бросились их собирать, отнимая друг у друга.

Али смотрел на плывущий над ним шар, с которого махала рукой Лика. И тут сверху упала веревочная лестница.

Али подпрыгнул, ухватился за лестницу и полетел.

Лысый тоже успел ухватиться за лестницу, но милиция стащила его за ноги.

– Это он! – кричал Лысый. – Держите бандита!

Но его никто не слушал.

Лика помогла Али забраться в корзину и поцеловала.

– Мы их сделали!

– Извините, товарищ депутат, – козырнув, милиционер вернул депутату удостоверение.

– Этого поймали?

Милиционер показал рацией на шар.

– Он взял заложников.

Охранник депутата вынул пистолет.

– Тормознуть?

Депутат опустил руку охранника.

– Красиво ушел, собака...

Милиционер сообщил по рации:

– Террорист захватил воздушный шар. Есть заложники. Направляется к центру Москвы.

На телевизионных экранах появился Али на фоне стремительно удалявшегося поля битвы.

– Вы только что видели эксклюзивный репортаж с места спецоперации по ликвидации логова террористов, замаскированного под свалку! – кричала в микрофон Лика. – А теперь вы услышите требования их лидера.

– Разрешите представиться, – влез в кадр Блинов. – Заслуженный артист СССР, бывший солист Большого театра Николай Блинов!

– Вы – заложник! – отталкивала его Лика. – А лидер – вот! Вы в эфире! Каковы ваши требования?

– Я требую... – Али сделал мрачное лицо.

– Стоп! – закричал оператор. – Нас отключили!

– Как отключили?

– Рекламу пустили.

– Вот гады! – всплеснула руками Лика.

– Радуйся, что рекламодатели клюнули, – успокаивал оператор. – Рейтинг поднялся!

На телевизионных экранах шла реклама. Зрители возмущенно гудели.

– Товарищи, товарищи! – кричал Забалуев. – Пора на построение! Компетентные органы сами разберутся!

К гулу прибавился свист.

– Куда летим? – спросил Али.

– На парад. – Пилот поддал горелкой жару в чрево шара. – И как летим!

– Красота, – восхищался Блинов, обозревая Москву.

– Далеко видно, – соглашался Али. – И вертолеты летают, как у нас.

К шару приближалось два вертолета.

В открытых дверях сидели снайперы.

– Приказываю изменить курс! – послышался усиленный мегафоном голос.

– Камера! – приказала Лика.

Оператор начал снимать.

– Приказываю приземлиться!

– Мы на парад! – кричал Блинов. – Нам очень надо!

Снайпер взял в прицел Блинова и сообщил командиру:

– Есть!

– Это заложник. Тот приказывает, а этот говорит, – сказал командир и снова поднял мегафон. – Открываем предупредительный огонь!

– Может, сядем? – предложил Али. – Убьют еще. Потом опять скажут – кавказцы виноваты.

– Не стреляйте! – кричала Лика, размахивая руками. – Он всех взорвет!

– Вы нарушили запретную зону, – отвечали с вертолета. – Приказываю садиться!

– Слыхал? – спросил Блинов Пилота. – Могут и того...

– Я не на службе, чтобы мне приказывать, – отвечал Пилот. – Я в отставке!

Предупредительные выстрелы прошли прямо перед шаром.

Пассажиры пригнулись.

Но Пилот только прибавил жару.

– Без команды не стрелять, – удерживал снайпера командир. – Кто знает, что у него на уме?

Вертолеты, пугая воздухоплавателей, пару раз спикировали на шар, но стрелять не стали и полетели рядом, как почетный эскорт.

– Знаменосцы – представители народов! – командовал участниками парада Забалуев. – Скорее, скорее! Вы же первые идете, с флагом родины!

Представители народов раскрыли огромный флаг страны, растягивая его с разных сторон.

– По моему сигналу! – Забалуев отсчитывал секунды на своих часах. – Приготовились! Марш!

Но тут на экранах снова возникла Лика.

– Мы приближаемся к Красной площади! А цели этого человека все еще неизвестны! Мы даже не знаем, кто он!

– Я – Али Магомедов, – сообщил Али. – Простой чабан, и немножко играю на зурне. Я приехал в Москву, чтобы сказать людям...

– Говорите! Нас вся страна смотрит! – торопила Лика.

– Мне бы такой аншлаг, – млел Блинов. – А если еще на бис!..

– Я должен был сказать... – Али замялся, затем, вспомнив, достал из кармана листок, который дал ему в поезде Забалуев, и начал читать: – Столица нашей родины Москва радушно встречает детей всех народов нашей необъятной отчизны!..

Шар подлетал к Красной площади.

Охрана наблюдала за ним в бинокли.

Полковник всматривался в Пилота.

– Да это же Петрович! Я с ним служил!

– Прикажете открыть огонь? – спросил капитан.

– Отставить! Он в Афгане бомбить отказался. Неужели на своих посягнет?

– Мы знаем цену нашей дружбе! Мы отстояли ее в тяжелых испытаниях, – говорил с экранов Али.

Забалуев зажмурил от счастья глаза:

– Не подвел Магомедов! Джигит!

На крыше строящейся гостиницы появился взмыленный Лысый. Он достал из кармана связку петард, снял ремень и сложил его на манер пращи.

– Наши народы веками жили в мире и дружбе... – продолжал Али.

Лысый раскрутил подожженную петарду и метнул ее в шар.

На этот раз он попал.

Пламя побежало по краям прожженной в оболочке дыры.

– Нас подбили! – сообщил Пилот.

Али полез по веревкам к шару.

– Куда ты, сумасшедший! – кричала Лика.

– Будем посмотреть.

– Не надо, Алик!

– Зря я приехал, что ли?

Али добрался до шара и принялся сбивать пламя. Но огонь распространялся слишком быстро.

Шар стремительно терял высоту.

Картинку на экранах снова сменила реклама.

Участники парада толпой ринулись на Красную площадь.

Знаменосцы растянули знамя страны как спасательный тент.

– Прыгайте! – кричал Али, продолжая бороться с огнем.

– Сначала ты, – велела Лика оператору. – Только не выключай камеру!

Оператор обхватил камеру и прыгнул.

Знамя его спасло.

Оператора подняли, и он тут же принялся снимать.

Для тяжелого Блинова знамя натягивали изо всех сил. Оно спружинило, и Блинов перелетел в оркестр.

К удивлению дирижера, Блинов тут же поднялся и заявил:

– Меняем программу. Маэстро, прошу...

И запел, оглашая площадь мощным басом:

Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве...

Оркестр поддержал.

И, как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.

Пылающий шар перелетел площадь.

Люди бежали следом.

– Прыгайте скорее! – кричал Али, продолжая бороться с пламенем.

– Капитан уходит последним. – Пилот приложил руку к виску, отдавая честь.

А Лика продолжала свой репортаж:

– Мы разные, но все мы – люди! Это надо понять и принять, пока Земля не стала таким же пылающим шаром.

Шар летел над рекой. Али увидел, что их несет прямо на мост.

В последний момент он вырвал из корзины Лику и они упали в воду.

Шар врезался в мост, взорвался и рухнул в реку.

Когда Лика выбралась на поверхность, Али поблизости не было. Она нырнула и с трудом вытащила Али, едва подававшего признаки жизни.

Лика подхватила его за плечи и потянула к берегу.

С парапета, спеша на помощь, прыгали в воду участники парада.

Когда подоспел катер спасателей, Али и Лику уже вытаскивали на берег.

Плачущая Лика трясла Али за плечо:
– Алик! Родной! Алеша!

Принесли раненого Пилота.

К пострадавшим протиснулся шаман.
– Разрешите. Я по специальности врач...

Охрана пыталась пробиться к потерпевшим, но на ее пути встали плотные ряды гостей столицы.

Участники парада двигались через площадь, унося Магомедова и Пилота.

К ним присоединились девушки из гостиницы и бомжи.

А Блинов продолжал петь:

Нас веселой толпой окружила,
Подсказала простые слова,
Познакомила нас, подружила
В этот радостный вечер Москва.

Оркестр редел на глазах – оркестранты вспоминали свои национальные корни и, закончив партию, устремлялись вслед за земляками.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве...

Толпа шла по проспекту, вбирая в себя все новые потоки: молдаване, украинцы, кавказцы, вьетнамцы, негры – все вливались в эту печальную процессию.

Милиция двинулась следом, но путь ей преграждали брошенные машины, автобусы и троллейбусы, оставшиеся без водителей, лотки с фруктами, выставленные посреди тротуаров...

Когда Блинов закончил выступление, вокруг почти никого не было.

Только стучали смычками трое престарелых скрипачей.

– Браво, браво! – аплодировал режиссер концерта. – С таким голосом, и на площади? Полагаю, нам есть о чем поговорить...

Москва стремительно пустела.

Симба стоял в воротах, когда ему позвонили по мобильному. Он вслушался, потом снял перчатки и ушел с поля.

Форвард противников прорвался в штрафную и собирался ударить по воротам, но там не оказалось вратаря. Форвард растерянно развел руками.

– Симба! – кричал вратарю подоспевший защитник.

Тот ему что-то ответил по-французски. Защитник в сердцах послал мяч на затихшую трибуну и пошел вслед за вратарем.

Стадион недоуменно взревел.

Сотни болельщиков покидали свои места, разговаривая по мобильным телефонам.

Растерянный судья свистел изо всех сил, показывал красные карточки, но возобновить игру не смог.

На табло стадиона появился Забалуев.

– Уважаемые гости столицы! Просим соблюдать спокойствие! Мы призовем к ответу провокаторов. Не дадим расшатать наше единство!

Перед Советом Федерации, украшенным флагами субъектов, собралась толпа.

Из здания вышел чиновник и объявил:

– Ваш представитель находится в командировке в Соединенных Штатах! Защищает в ООН права малых народов!..

На ВВЦ закрывались магазины. Продавцы разных национальностей, отбиваясь от покупателей, уходили сплоченными группами.

Следом потянулись посетители выставки.

Из фонтана Дружбы народов выкорчевывали национальных красавиц и уносили их с собой.

У выхода стояли кордоны. Но милиция препятствий не чинила.

Майор говорил в микрофон, и рупоры разносили его слова по выставке:

– Граждане, соблюдайте общественный порядок! Не поддавайтесь панике! Салам алейкум! Здоровеньки булы! Ну куда же вы?..

Спортивный комментатор вел репортаж на фоне борцовского ковра:

– Дагестанские борцы традиционно приносят российской сборной золотые медали. Вот и сегодня блестящую победу в финале чемпионата мира одержал Мурад Юсупов!

На пьедестале стояли серебряный и бронзовый призеры. Но золотого медалиста не было.

– Небольшая заминка, – волновался комментатор. – Не могут найти чемпиона...

В этнографическом музее со смотрительницей случился обморок: ей чудилось, что экспонаты ожили,

вылезли из витрин и потянулись к выходу.

По пустеющим улицам ветер гнал мусор и теребил объявления о рабочих вакансиях и о сдаче квартир всем, кроме "Кавказа".

Из ворот зоопарка выезжали калмык на верблюде, индус на слоне, тувинец на собачьей упряжке. Цыган тащил под уздцы зебру, а за кенгуру гнался студент – австралийский абориген.

Последним вышел Симба, в национальном наряде и со львом на поводке.

На экране появилась дама с крокодилом.

– Этот террорист, то есть Магомедов, он такой молодец... Гену моего спас!..

По рынкам бегали крысы и собаки, наслаждаясь последним пиром и не замечая друг друга.

Замерли стройки.

Прораб, сняв каску, озадаченно наблюдал, как из оставшейся висеть на подъемном кране емкости капал раствор.

На экранах возник ветеран с внуком.

– Что же это делается? На войне вместе в атаку ходили – и русские, и грузины, и таджики, и татары... У нас комвзвода ингуш был. Геройский парень! Да на фронте бы за такое – без суда и следствия! Как предателей!..

– В нашем классе тоже разные ребята учатся, – говорил мальчишка. – У нас команда по баскетболу... Была.

В супермаркетах исчезли продавцы. И большинство покупателей. Оставшиеся сначала несмело брали то, что им было нужно, а затем принялось хватать все, что могли унести, вступая в стычки за тележки.

За отсутствием топлива, Лысый из последних сил толкал свой джип.

Добравшись до заправки, он обнаружил на ней объявление "Нет и не будет".

Кругом стояли брошенные автомобили.

– Саботаж! – взвыл Лысый.

Затем достал из джипа лозунг "Москва – для москвичей" и пошел "голосовать" на дорогу.

Вместо попутной машины из-за угла вылетела цыганская кибитка с зеброй вместо коня.

– Стойте! Возьмите меня! – размахивал лозунгом Лысый.

– Ты же не цыган, – ответила старуха, сидевшая в кибитке. – Погадать напоследок?

Лысый, семеня подле кибитки, протянул руку.

– Ждет тебя казенный дом.

– Дума?! – сообразил Лысый. – Моя партия победит?

– Ой, не скажу, милок, – бросила его руку цыганка. И, уже удаляясь, крикнула: – Голосовать-то некому будет!

Облаянный цыганскими собаками, Лысый остался на дороге один.

На ярких афишах эстрадных звезд пестрели наклейки "Концерт отменен".

На фоне роскошного казино с табличкой "Переучет" давал интервью депутат:

– Наша фракция в Думе всегда выступает за дружбу народов! А такие, как Магомедов, я бы его... Короче, мы обратились с ходатайством о награждении Магомедова медалью "За отвагу".

На Тверской одиноко возвышался памятник Пушкину, вокруг которого уже не ждали друг друга влюбленные.

И только калмык на верблюде с интересом разглядывал надпись на памятнике:

– ...И друг степей калмык... – прочел он с сильным акцентом и улыбнулся. – Друг степей!

Издав торжествующий клич, калмык погнал верблюда в родные степи.

С экранов докладывал милицейский начальник:

– По уточненным данным Али Магомедов – законопослушный гражданин, отличившийся при ликвидации угрозы террористического акта. А лица, допускающие неправомерные действия в отношении лиц различных национальностей, будут строго наказаны!

Толпа вынужденно мародерствующих граждан тащила по улице доверху набитые тележки, когда встретила Лысого, сиротливо стоявшего на обочине со своим лозунгом.

Люди переглянулись и окружили Лысого.

– Твоя работа?

– Вместе мы сделаем больше! – радостно заорал Лысый. – Голосуйте за партию "Долой!"

– Щас!

Люди бросили награбленное и принялись колотить Лысого.

– Я свой! – кричал Лысый. – Для вас старался!

Лысого закидали награбленным, превратив намечавшийся митинг в огромную кучу мусора.

Растерянные москвичи стояли у своих подъездов, с тревогой глядя на текущий мимо людской поток.

Из подъезда вышел мужчина, надевая казахский головной убор. Следом выбежали сын и дочь с криками:

– Папа! Мы с тобой!

– Не пущу! – кричала мать-славянка.

Но, увидев, что дети взяли за руки отца и влились в проходившую мимо толпу, поспешила за своей семьей.

На экранах уличных мониторов вновь возник несчастный Забалуев.

– Граждане! Братья и сестры! Вернитесь! У нас все равны! У меня самого дед – башкир, а дочка за француза вышла, зараза!..

Пропал звук.

Забалуев демонстрировал свои раскосые глаза, а затем пустился танцевать лезгинку...

Но тут пропало и изображение.

Процессия обретала масштаб исхода.

На зеленом склоне было выстрижено с ошибкой: "Пращай, Москва", а вместо восклицательного знака лежала брошенная ручная газонокосилка.

У московской кольцевой дороги занимали позиции военные заградительные отряды.

Генерал на велосипеде подъехал к командному пункту.

– Доложите обстановку.

– Прут и прут, – доложил полковник.

Забалуев, сидевший тут же, на складном стуле, держался за голову:

– Велика Россия...

– Делать-то что будем? – спросил генерал.

– Их надо вернуть.

– В Москву? Или на историческую родину? – не понял генерал.

– Если б я знал...

– Подходят! – доложил дежурный, не отрываясь от бинокля.

Генерал закурил.

– И откуда их столько?..

Людской поток надвигался на занятые войсками позиции.

Завидев «противника», солдаты стали вылезать из окопов. Они вглядывались в приближающихся людей и кричали:

– О, наши идут!

– И наши тоже!

– Вон тот у нас в школе выступал, в Йошкар-Оле!

– А вон мой брат двоюродный, на верблюде!

И с криками «Ура!» солдаты бросились встречать земляков.

Генерал чесал лысину, не зная, что со всем этим делать.

Потом подозвал дежурного и что-то ему шепнул.

Дежурный подтолкнул Забалуева навстречу толпе.

– Я? – упирался Забалуев. – А почему я?

– Наворотили делов, сами и разбирайтесь, политики хреновы. – Генерал одернул китель. – Хватит втягивать армию в свои авантюры.

Забалуев собрался с духом и пошел навстречу людскому потоку.

– Сограждане!.. Земляки!..

Он вытер вспотевший лоб светлым платком, и принялся им размахивать, как парламентер. А затем запел:

Славься, Отечество наше свободное –
Братских народов союз вековой...

Люди проходили мимо, будто Забалуева тут и вовсе не было.

– Куда вы? Родимые!.. Мы же хотели как лучше...

Перебинтованного Магомедова везли на цыганской кибитке. Рядом сидела Лика, отирая платком испарину с лица Али.

Тут же был и Пилот, с ногой в гипсе и костылем.

Лика взяла зурну и... заиграла мелодию, которой ее выучил Али.

И Али медленно открыл глаза.

– Живой?! – обрадовался Пилот. – Вот и порядок!

Лика продолжала играть, улыбаясь заплаканными глазами.

В повозку заглядывали люди, и тоже улыбались.

Цыгане ударили по струнам.

А мастер горлового пения вдруг просто запел:

Ах ты, душечка, красна девица,
Мы пойдем с тобой, разгуляемся.
Мы пойдем с тобой, разгуляемся
Вдоль по бережку Волги-матушки.
Эх, пускай на нас люди зарятся:
«Ну и что ж это, что за парочка!
То не брат с сестрой, то не муж с женой,
Добрый молодец с красной девицей!..»

– Куда мы? – спросил Али.

Лика оторвалась от зурны и приподняла Али.

– Домой.

– А парад?

Пилот показал вокруг костылем.

– Тут всем парадам парад!

Кругом расцветали народные танцы и звенела музыка.

Пилот слез с повозки.

– Ну, счастливо вам.

– Айда с нами, – звал Али.

– Так я же коренной москвич. – Пилот, опираясь на костыль, заковылял обратно. Затем оглянулся. – Так что милости просим в гости! На шашлыки съездим!

Сначала Пилот шел один, потом и казах с семьей

решили вернуться.

За ними потянулись другие.

Из толпы возник оператор.

– Мы в эфире! Военные помогли!

Лика спрыгнула с кибитки, спешно привела себя в порядок и взяла микрофон.

– Мы продолжаем прямой репортаж о чрезвычайных событиях, потрясших столицу...

На пепелище острова Сокровищ суетились бомжи. Собрав свои пожитки в рюкзаки, тележки и котомки, они обнимались на прощание.

– Привет Чебоксарам!

– И Казани привет.

– Бывай.

– Хорошо жили...

Печальный ритуал нарушил шум приближающегося грузовика.

Бомжи обернулись и увидели, что на остров въезжает машина с новой партией сокровищ.

– Даст бог, еще поживем! – обрадовался Скуластый.

Бомжи бросили свой скарб и кинулись к машине.

Они разбирали коробки и пакеты, наполненные, на этот раз, первосортной продукцией.

– Ну и товар пошел! – удивлялись островитяне.

– Первый сорт!

– И газеты свежие! – листал прессу Скуластый. – О, Блин!

Бомжи разглядывали газету, в которой был изображен Блинов, выступающий на Красной площади.

Заголовок гласил: «Николай Блинов. Триумфальное возвращение».

Под коробками лежал перепуганный Лысый.

– Кто к нам пожаловал! – осклабился Скуластый.

– Я насчет работки, – сказал Лысый.

– Как, говоришь, твоя партия называется?

– «Долой!»

– Долой! Долой! – размахивало руками чучело, отпугивая ворон.

Это островитяне придумали работку для Лысого. И у него неплохо получалось. По крайней мере, ворон поблизости не было.

Бомжи возрождали свой остров.

На телеэкране Лика вела передачу из студии.

– Я – Лика Мозелла – представляю новое шоу «Свой–чужой»! Вы увидите то, чего не ожидали увидеть. Встретите тех, кого не встретите на других каналах. И мы обсудим все, что вы давно хотели обсудить!

Студия была полна людьми разных национальностей. А на подиуме Забалуев и Лысый, смотрели друг другу в глаза, как боксеры перед боем.

Али, уже в полном здравии, смотрел передачу по портативному телевизору на чабанской стоянке.

Что-то почуяв, залаяли собаки.

В прицел бинокля на Али смотрели спецназовцы.

– Я его нашел!

– Высылаю вертолет!

Из-за горы вылетела боевая машина, под которой висел большой контейнер.

– Опять овец распугают!

Али протестующе замахал руками.

Но вертолет уже садился.

– Вам посылка, – сообщил спецназовец.

– Посылка? – удивился Али.

– Распишитесь.

Пилот получил расписку и передал Али конверт.

Из конверта Али достал большую фотографию, на которой был изображен Блинов в момент своего триумфа в Большом театре, и стоял его автограф.

Когда открыли контейнер, из него с радостным ржанием выскочил Абрек и понесся по просторам исторической родины.

– Абрек! – не верил глазам Али.

– Подарок от Большого театра.

Али обернулся – перед ним стояла Лика.

– Малика!

– Салам алейкум!

– Ва алейкум салам! – сиял Али. – Надолго?

– Сделаю шоу, а там... – смеялась Лика. – Будем посмотреть.

Али мчался по лугу на стремительном Абреке.

Лика что-то говорила в камеру, когда всадник на скаку подхватил ее и помчал прочь.

– Это похищение! – кричала в камеру Лика.

А над горами лилась песня, которую Блинов пел на сцене Большого театра.

Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою...

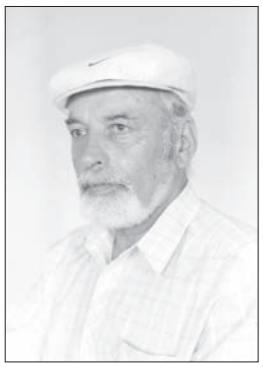
Сверху, с вертолета, открывалась чудесная панорама.

Но о том, как счастливы влюбленные, можно было только догадываться.

Конечные титры

РАССКАЗ

Арип Расулов родился в селении Кахиб, в семье сельского учителя. Работал учителем Верхне-Колобской средней школы, служил в Военно-воздушных силах, окончил Даггосуниверситет и Литературный институт им М. Горького в Москве, работал редактором на телевидении, зав. литературной частью Аварского театра, секретарем литературных журналов и секретарем Правления Союза писателей Дагестан. Автор более пяти пьес. Его рассказы переведены и изданы на литовском, болгарском, турецком, грузинском, узбекском языках, включены в школьные хрестоматии. В марте следующего года ему исполняется 70 лет.



Арип РАСУЛОВ

ДРУЗЬЯ

Безоблачным было это летнее утро. Лучи солнца скользнули к изголовью тахты, осветив лицо спящего. Не поняв спросонья, что ему мешает, он повернулся к стене, прикрыв голову подушкой. В голове шумело, словно внутри ее вертелись тяжелые жернова. Полудрему сбил настойчивый стук в окно.

– Эй, Лоти, забыл про уговор? – прозвучал за окном хриплый голос.

Друзья нарекли его кличкой Лоти, это означало – гуляка. Он втайне даже гордился этим. Лучше быть гулякой, чем слыть скупердяем. А друзья не уставали поддакивать его тщеславию.

– А-а, это ты, Ахмед, – протирая опухшие после бурного вчерашнего дня глаза, Иса лениво слез с постели. – Заходи.

– Что? Голова чугуном, руки ходуном, пот градом?

– У тебя самого положение не лучше, – огрызнулся Иса.

Он подошел к окну и открыл его. За окном, расплывшись в широкой улыбке, с заискивающими глазами стоял Ахмадилав.

– Пора. Солнце почти в зените.

– Оно каждый день от нечего делать в зените.

В комнату вошла мать. Иса прочитал в ее глазах горький упрек.

– Доброе утро, сынок, – тихо бросила она и, не глядя на свое единственное чадо, взяв с полки кувшин, вышла.

Лоти, кутивший ночь напролет, искренне устыдился. Но стыд тут же вытеснила похмельная боль в висках.

– Сейчас выйду, – хрипло сказал, обращаясь к Ахмадилаву.

Тот затараторил:

– Понимаешь, какая штука. Есть такая баранина – от райского мяса не отличишь! Но в карманах, сам знаешь…

– Сколько? – спросил Лоти.

– Ну… – Ахмадилав в раздумье почесал затылок. – Ну… рублей пятьдесят, наверное…

– Только? – Лоти протянул другу ассигнацию. – А к мясу что?

– Есть, все есть, – осклабился Ахмадилав, – пять бутылок еще осталось. Забыл что ли? Деньги у тебя, валлах, кстати были…

На улице к Лоти и Ахмадилаву присоединился Адиль – с бараниной в желтой авоське. И друзья бодро зашагали к лесу.

Прохожие осуждающе качали головами, оглядывая их. Уж больно часто они встречали их нетрезвыми. Но друзья лишь ухмылялись, предвкушая очередное пиршество. Скорее бы добраться до заветного места под кроной ветвистого дерева, а там – аромат шашлыка, природа, а главное – сорокаградусное лекарство – лучшее средство с похмелья.

Вскоре взгляду предстал почерневший от копоти мангал, веером разбросанные плиты для сидения, посреди которых – огромный валун – импровизированный стол.

Весело гогоча, друзья принялись за дело. Разгребая золу, Ахмадилав извлек из холодного мангала остатки угля, Адиль сосредоточенно кромсал мясо, Лоти вальяжно развалился на одном из каменных «стульев» и время от времени острил, обращая свои плоские шутки одному, то другому. Ахмадилав в ответ раскрывал рот до ушей и беззвучно смеялся. Адиль, напротив, разражался громовым смехом. Подобострастия своего оба не скрывали. Лоти принимал реакцию друзей как нечто само собой разумеющееся.

– Милости прошу к столу, – с лакейской высокопарностью воскликнул Ахмадилав и выложил на валун три шампура.

Лоти поудобнее устроился на традиционном «ханском» месте. Слева и справа, словно преданные нукеры, примостились друзья. По первой подняли без тоста.

– Однажды я отправился на охоту – вон на ту гору. Ходил долго, но зверь не попадался. Думаю, отдохну немного и – домой. Только присел, гляжу – прямо на меня выходит лань, громадная, величиной с ишака. Прицеливаюсь и ба-бах. Лань камнем падает на траву. Подбегаю – и глазам своим не верю: пуля пробила заднюю ногу и прошла через голову.

– Навылет?! – удивился Ахмадилав.

– А ты как думал! – последовал уверенный ответ.

– Возможно, – закивал Ахмадилав. – Скорее всего, в тот момент лань задней ногой почесывала ухо.

– Надо же было выстрелить именно в тот момент, – загоготал Адиль и свалился с импровизированного стула.

Так беззаботно трое бездельников провели еще один день.

И снова у Лоти было похмельное утро, и был тоскливый, горестный, безысходный взгляд матери. И короткое угрызение совести, как индульгенция, выданная самому себе. «Мать простит», – утешал он себя…

Но нежданные премиальные вскоре закончились. И не стало застолий под деревом. Прошла неделя, вторая. Но однажды в окно забытого друзьями Исы снова постучали. Стук был требовательный. Иса подошел к окну. Пуская в небо табачный дым, Ахмадилав небрежно бросил:

– У Адиля день рождения. Сбор на прежнем месте.

– Баркала! – обрадовался Иса.

– Сам знаешь, с пустыми руками не очень удобно, – намекнул Ахмадилав.

Иса озадаченно оглядел саклю. А что если прихватить с собой вон ту овечью ляжку, свисавшую с бревенчатого потолка? Однако что скажет мать. Но уже в следующий момент Лоти решительно снял мясо, завернул в газету и, насвистывая, помчался в лес.

Почуяв запах мяса, дремавшие на лугу три бездомные собаки завиляли хвостами и двинулись прямо на него. Иса машинально замахал овечьей ляжкой, пытаясь отогнать голодных псов. Однако один из них ловко вцепился в мясо и, вырвав его из рук, пустился наутек. За ним припустили остальные. Иса поначалу остолбенел, затем махнул рукой:

– Ладно, скажу Адилю, что подарок за мной. – И Лоти зашагал к месту сбора.

Вокруг валуна восседали не только прежние собутыльники, но и несколько малознакомых парней.

– А вот и я, – сказал Иса.

Компания, увидев, что его руки пусты, холодно ответила на приветствие. Ахмадилав небрежным жестом указал ему место на самом краю.

Лоти стал в деталях описывать встречу с голодными псами. Собравшиеся слушали его с явным недоверием. А один бритоголовый, из соседнего аула, издевательски расхохотался:

– Рассказывай сказки!

Раздался дружный смех. Застолье набирало обороты, тосты перемежались анекдотами, а стаканы, сдвигаясь, издавали победный звон. На Лоти никто не обращал внимания. И он, словно по нужде, отошел от валуна, а потом и вовсе поплелся к дому.

Прошло полмесяца. Лоти выходил со двора только, чтобы принести хворосту из леса. Он хлопотал по хозяйству. Мать не могла нарадоваться на сына, даже помолодела. Улыбка не сходила с ее лица, когда сын до восхода солнца выводил из стойла их буренку.

В один из дней Иса отремонтировал прохудившуюся стену сарая, умылся и сел обедать аппетитным хинкалом. Мать суетилась у комода, наконец, она вытащила небольшой сверток и подошла к столу.

– Поешь, сынок, и сходи в сберкассу. – Она развернула сверток и выложила перед сыном несколько лотерейных билетов. Дядя твой подарил. Проверь тираж. Может, повезет…

Иса мчался в сберкассу, не отвечая на приветствия сельчан. Он просто не слышал их. Попросив таблицы тиража, долго водил указательным пальцем по цифрам и на пятом билете палец задрожал: сошлись и серия, и номер. Проверил еще раз, протер глаза и снова ткнул пальцем в номер.

– Колдуешь, Иса? – улыбнулась контролерша Зарипат.

– Я… я… кажется, выиграл!

Девушка взяла билет и таблицу, сверила цифры и одобрительно улыбнулась.

– Пять тысяч! Счастливчик!

Весть о выигрыше распространилась по аулу с быстротой молнии. Одни верили, другие сомневались, третьи – завидовали. А заготовитель шерсти Капур пришел с предложением: продай билет, шесть тысяч дам. Мать прогнала дельца, и тот удалился, бормоча о людской непрактичности.

Прослышав об удаче друга, заявились Ахмадилав и Адиль. До ушей улыбаясь, готовые, как и прежде, внимать каждому его слову, они уселись за щедро накрытый стол.

– Ешьте, друзья, – потчевал их Лоти, разглядывая давно не появлявшихся дружков.

После третьего стакана Адиль прочавкал:

– Тут, по-моему, чеснока не хватает.

– Понимаете, какая штука, – улыбнулся Иса, – ходил я к речке за подходящим булыжником – растолочь чеснок. Выбрал, иду домой. И вдруг собака – цап и убежала вместе с булыжником.

– А что, очень даже может быть, – сказал Ахмадилав.

– Вполне возможно! – поддержал Адиль.

На скулах Исы заходили желваки.

– Вот что, – процедил он сквозь зубы. – По обычаю на похоронах раздают точно такие лепешки, какие вы сейчас пережевываете. Будем считать, что я вас, как друзей, похоронил. Отныне умер и Лоти, остался Иса! И не смею вас задерживать.

– В чем дело, Иса? – с деланным дружелюбием спросил Ахмадилав.

– Да, что случилось? – удивился Адиль.

– Вы еще спрашиваете? – Иса заложил руки за спину. – На твоих именинах, Адиль, я рассказал правду о бараньей ляжке, которую утащила собака. Вы не поверили и поиздевались вдоволь. А сегодня вы готовы поверить в чепуху о камне. И только потому, что сидите за моим столом. И это друзья!.. Я хороню такую дружбу.

Иса подошел к двери и распахнул ее настежь.

САТИРА И ЮМОР

Яхья ЯХЬЯЛОВ

ПЕТРОСЯН

НОС

Загид, начальник родниковой службы поселка Кяхулай, расположенного на окраине Махачкалы, известен в народе под прозвищем «Петросян». Неординарность его мировосприятия воплощается в многочисленные шутки и розыгрыши, оживляющие серые будни жителей поселка.

Взять, к примеру, родниковую службу, инициатором создания которой был именно Петросян. Служба занимается учетом количества воды, сливаемой родниками поселка Кяхулай в канализационную систему города Махачкалы. В результате сточная канализация города промывается чистейшей водой. Разбавленные таким образом городские сбросы меньше вредят трубам и экологии всего региона. Исходя из этих соображений, родниковая служба предъявляет счет администрации города и республиканскому природоохранительному ведомству. Додуматься до такого мог только Петросян.

Нет надобности объяснять, что жизнь любого небольшого коллектива полна житейскими проблемами ее членов, особенно, если это женщины, и относиться к этому с пониманием способен только настоящий мужчина.

Одна из сотрудниц отдела, вернувшаяся недавно из декретного отпуска, прожужжала всем уши о своем, как она выражается, «вундуркинде» и порядком утомила всех. Когда она третий день подряд не переставала восторженно обсуждать величайшее событие современности – ритуальное обрезание ее малыша, уставший от этой трескотни Петросян обратился к ней:

– Ханум, сыночек это, конечно, хорошо, но обычаев аварского народа ты не знаешь. Ты кто? Азербайджанка! А муж у тебя аварец и в паспорте твоего сына будет написано – аварец. Посмотри на нос своего ребенка. Разве это аварский нос? У настоящего аварца должен быть мужественный орлиный нос, а не носик воробья! Родственники будут подшучивать над твоим мальчиком. За обрезание мальчика отвечает отец, а за нос – мать! Для таких случаев у аварцев бывает специальная деревянная рогатка, переходящая от поколения к поколению по женской линии. Спроси у свекрови. Засунув ее в нос ребенка, легким движением ломают ему носовую перегородку. Раз… – и готово! Посмотри на мой нос: его именно так и исправили. Наверное, родственники мужа тебя недолюбливают, если не доверяют это священное действие.

Вечером, за ужином, Ханум была мрачна как грозовая туча.

– Что с тобой, доченька? – обратилась к ней свекровь.

– Со мной-то все в порядке, но за что вы меня ненавидите, опозорили перед коллективом, дайте мне вашу рогатку и вашего внука, я сейчас же сделаю ему аварский нос…

В общем, все закончилось хохотом родственников и слезами Ханум. Она три месяца не здоровалась со своим начальником, а затем, назло ему, молча опять ушла в декретный отпуск.

СТАНОЧНИЦА

Все знают, как приятно в рабочее время не работать. Ты отдыхаешь, а зарплата капает. Обычно мужчины свободное рабочее время тратят на разговоры о футболе, пиве, рыбалке или женщинах. Женщины – на всякую ерунду: о детях, семейных проблемах и мужчинах.

Вторую неделю коллектив родниковой службы обсуждал кожаные штаны, которые одна из сотрудниц собиралась купить своей дочери. Девочка увидела такие на одноклассницe и буквально бредила ими. Мать была готова влезть в долги, лишь бы порадовать свое чадо.

Проникшись проблемами женщины, Петросян вызвал ее в свой кабинет и участливо завел речь:

– Зина, я не буду тебя отговаривать и объяснять, что, надев обтягивающие черные кожаные брюки, твоя дочь будет наполовину подобна голой негритянке – это кому как нравится. Но где ты станок поставишь. Ты, как я знаю, квартируешь у родственников.

– О каком станке ты говоришь? – удивилась женщина.

– Ты же видела, как эти кожаные брюки обтягивают тело, – пояснял Петросян. – К ним прилагается специальный станок для надевания: ложишься на двигающуюся платформу, вытягиваешь ноги и втискиваешь себя в привязанные к станине штаны. Только так – по-другому не получится. Так что, пока не расширишь свою жилплощадь, о черножопых брюках для дочери можешь забыть…

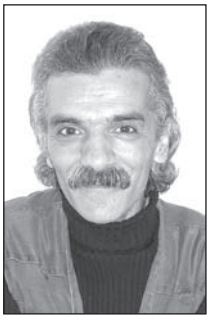
Вечером, когда Зина в присутствии подружек дочери объяснила ей, почему срывается намеченная покупка, глаза подружек стали квадратными, а лица красными – они с трудом сдерживали смех. А за дочерью Зины после этого прочно закрепилось прозвище «Станочница».

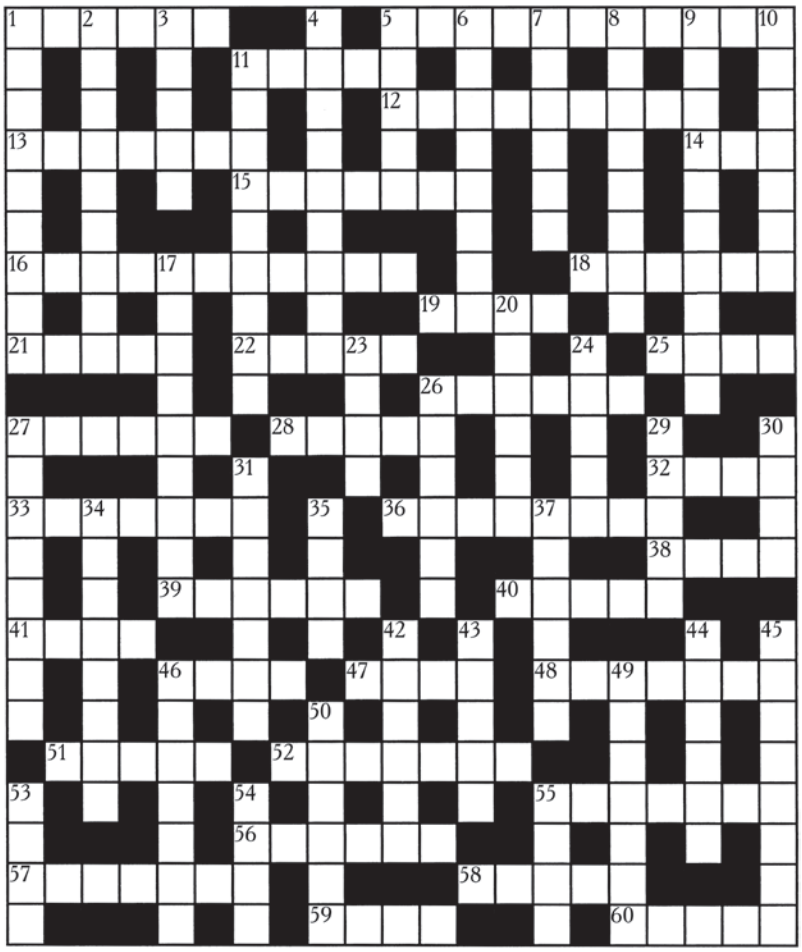
Раздосадованная девушка быстро объяснила матери, что ее разыграли, и та, дав волю своему языку, так помянула своего начальника, что в комнате зашевелились шторы.

На следующий день она как ураган ворвалась в кабинет Петросяна, но оказалось, что он ушел в отпуск. Сбежал мерзавец!

КРОССВОРД

от Гаджи-Курбана Расулова





ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Титул владетелей в Дагестане. 5. Использование мотивов и стилистических приемов восточного искусства. 11. Двусторонний ковер без ворса. 12. Раннехристианское сочинение, повествующее о жизни Иисуса. 13. Лакский вариант арабского имени Абубакар. 14. Ряд поколений, происходящих от одного предка. 15. Морское побережье. 16. Ювелир. 18. Кавказское красное домашнее вино. 19. Имущество, подаренное или завещанное религиозным или благотворительным учреждениям. 21. Европейский вариант чадры. 22. Символ христианского культа. 25. Представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед. 26. Вариант мужского имени, означающего в переводе с арабского «раб Аллаха». 27. Лицо, относившееся к феодальному дворянству Кабарды и Дагестана. 28. Многоликий дух огня в мифологии в фольклоре мусульманских народов. 32. Деликатес, пользующийся популярностью у гурманов и браконьеров. 33. Представительница одного из кавказских народов. 36. Улица в Махачкале. 38. Так в Грузии с давних времен называют дагестанцев. 39. Последователь вероучения, отклоняющегося от догм господствующей религии. 40. Южное плодовое дерево, родственное сливе. 41. Заместитель или помощник какого-либо начальника или духовного лица в некоторых мусульманских странах. 46. Сушеный виноград семенных сортов. 47. Дагестанский прозаик, драматург и журналист, автор книги «Страна долголетия». 48. Народный поэт Дагестана. 51. Каспийское море по своей сути. 52. Крупная промысловая рыба. 55. Местная разновидность языка. 56. Без него не приготовить шашлык. 57. Высший духовный титул в одном из основных направлений в исламе. 58. Финская баня, заслужившая дурную славу в Махачкале. 59. Обязательный атрибут кавказского застолья. 60. Головной убор древних персидских и ассирийских царей.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Дагестанец, чемпион Европы по боксу. 2. Город в Дагестане. 3. Житель одного из континентов. 4. Наложение специального знака на скот. 5. Крупная промысловая рыба без костного скелета. 6. Сорт винограда, произрастающий в Дагестане. 7. Общее название азербайджанских двусторонних барабанов. 8. Причина исчезновения тополей с улиц Махачкалы. 9. Представитель одного из грузинских народов. 10. Южное ореховое дерево. 11. Главный редактор журнала «Harper's Bazaar» по отношению к Гамзату Цадаса. 17. Результат употребления № 18 по горизонтали. 20. Трагически погибшая дагестанская поэтесса. 23. Почетный титул мусульманина, претендующего на происхождение от пророка Мухаммада. 24. Доказательство невиновности. 27. Один из недавних первых секретарей обкома КПСС ДАССР. 29. Чашка для питья без ручки. 30. Почетный титул, присваивавшийся особо отличившемуся военачальнику в мусульманских странах. 31. Кавказец, служивший гвардейцем египетского султана. 34. Мистическое направление в исламе, возникшее в XIX веке на Кавказе. 25. Титул правителя, князя в некоторых мусульманских странах. 37. Женское имя, в переводе с арабского означающее «дитя, потомок». 42. Древнее государство на Кавказе. 43. Мужские и женские высокие сапоги из мягкой кожи. 44. Житель высокогорного дагестанского села. 45. Оркестровое вступление к опере, балету, драматическому спектаклю, фильму. 46. Библейское мужское имя, встречающееся у татов. 49. Священная война мусульман против неверных. 50. Верхняя мужская одежда, распространенная у ряда народов Северного Кавказа. 53. Представитель населения западной Азии и северной Африки. 54. Наставник и руководитель мусульманских монахов. 55. Представитель народности, живущей в Сирии и говорящей по-арабски.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4 (19) 2005 г.

По горизонтали: 1. Дагтелеком. 6. Магомедов. 10. Ураза. 11. Авеста. 12. Медресе. 13. Абдал. 14. Чиркей. 15. Кипарис. 16. Орнамент. 20. Платан. 22. Минея. 24. Эдельвейс. 28. Пазл. 30. Хата. 31. Хаки. 32. Акын. 33. Агат. 34. Ахмедов. 35. Авиценна. 37. Шиит. 40. Акбар. 41. Ишак. 42. Паранджа. 46. Иудаизм. 48. Аул. 50. Труд. 51. Байрам. 52. Узун. 53. Ислам. 55. Абаш. 56. Магриб. 57. Габач. 58. Эскалатор. 64. Столица. 65. Парча. 66. Запорожец. 68. Конопля. 69. Гриль. 70. Цада. 71. Чачван.

По вертикали: 1. «Динамо». 2. Губден. 3. Есенин. 4. Муалим. 5. Каракуль. 6. Мамай. 7. Годекан. 8. Джейран. 9. Водосвятие. 11. Алим. 17. Редакция. 18. Аслан. 19. Тейп. 21. Тахта. 23. Ишхан. 25. Ваххабизм. 26. Саида. 27. Танцор. 29. Лаваш. 36. Надир. 38. Табасаран. 39. Экзамен. 42. Полумесяц. 43. Ардашир. 44. Билингвизм. 45. Театрал. 47. Арабистика. 49. Мулла. 54. Хадж. 55. Арарат. 59. Овчина. 60. Глина. 61. Спор. 62. Конь. 63. ГЕРЦ. 67. Мяч.

На склоне Богосского хребта,
напротив горы Аддала-Шухгель-меэр,
в Цумадинском районе с 1930 года работает
самая высокогорная в России метеостанция -
"Сулак - высокогорная".
В этом году ей исполнилось 75 лет.
На снимках: станция и ее окрестности.
Фото К. Чутуева

Дагестанская экспедиция в Гималаях (слева направо): Евгений Пашук, Давуд Ухумаев, Гаджимурад Нурбагандов у плиты с распространенным в горах Непала религиозным заклинанием: «Ом мане падме хум», что означает в смысловом переводе «Учение Будды чистое в наших умах». (Стр. 7)